

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1912.

№ 19.

ОКТАБРЬ—книжка первая.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛА БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКАГО:

Къ вопросу о смѣшанныхъ бракахъ. (Продолж.). Н. П. П.	1—22
Объ избраніи и поставленіи епископовъ въ первые три вѣка. (Продолженіе). В. Владимірскаго	23—43
Наука безъ религіи. (Продолж.). П. С. Гдѣшинскаго	44—60
Познаніе и его объектъ. (Продолженіе). И. С. Продана	61—73
Спиритуалистическое ученіе о человѣческой душѣ по произведеніямъ проф. Чеппанова. С. П—скаго	74—86
Факты и воспоминанія изъ жизни герцоговинца на службѣ по духовно-учебному вѣдомству. (Продолж.). Прот. І. Пичеты	87—100

II. ОТДѢЛА ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

I. Отъ Государственнаго Банка объявленіе.—Отношеніе Товарища Оберъ-Прокурора Св. Синода на имя Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Арсенія.—Журналы съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа, бывшаго 24 сентября 1912 года.—Епархіальныя извѣщенія.—II. Поученіе въ день Св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова. **П. Красина**.—За отрезвленіе народа. **Прот. П. Домина**.—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.—(Стр. 101—144).

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья ул., д. № 14.

1912.

ЖУРНАЛЪ

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1) Отдѣла богословско-философскаго и 2) Извѣстій и замѣтокъ по Харьковской епархіи. Сохраняя апологетическое направленіе, журналъ даетъ статьи, прежде всего, церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлію въ этомъ журналѣ помѣщаются изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики и исторіи философіи. Наконецъ въ немъ заключается отдѣлъ подъ названіемъ: „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“. Въ этотъ отдѣлъ входятъ: постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной; статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго характера; свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи; перечень текущихъ важнѣйшихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **ДВА РАЗА** въ мѣсяць, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., за-границу 12 р. съ пересылкою.

Разерочка въ уплату денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской духовной семинаріи, въ харьковскихъ отдѣленіяхъ „Новаго Времени“, во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостин. дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ „Новаго Времени“.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полный комплектъ изданія за 1910 г. за 8 руб. съ перес. За другіе годы экземпляры журнала могутъ быть приобретаемы по особому соглашенію съ Редакціей.

ВЪ РЕДАКЦИИ ПРОДАЕТСЯ:

СОБРАНІЕ СЛОВЪ И РѢЧЕЙ Высокопреосвященнаго Арсенія Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. Цѣна за семь книгъ семь рублей съ пересылкой. Весь чистый доходъ поступаетъ согласно волѣ Его Высокопреосвященства, Архіепископа Арсенія, въ пользу Общества вспоможенія нуждающихся воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТАТЕЙ

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКОГО ЖУРНАЛА „ВѢРА И РАЗУМЪ“.

==== Т. IV. №№ журнала 19—24. ====

За 1912 годъ.

Къ вопросу о смѣшанныхъ бракахъ. Прот. Т. И. Буткевича, стр. 1—22, 145—166, 280—308.

Объ избраніи и поставленіи епископовъ въ первые три вѣка. Ө. Владимірскаго, стр. 23—43, 480—493.

Наука безъ религіи. П. С. Гдѣшинскаго, стр. 44—60, 167—185.

Познаніе и его объектъ. И. С. Продана, стр. 61—73, 186—204, 354—364, 527—538, 725—744, 906—933.

Спиритуалистическое ученіе о человѣческой душѣ по произведеніямъ проф. Челпанова. С. П—скаго, стр. 74—86, 205—218, 365—378, 712—724.

Факты и воспоминанія изъ жизни герцоговинца на службѣ по духовно-учебному вѣдомству. Прот. І. Пичеты, стр. 87—100, 247—260, 379—400.

Религіозныя воззрѣнія естествоиспытателей. Сочиненіе д-ра фил. Э. Денверта. Переводъ съ 7-го нѣмец. изд. воспитанниковъ Харьковской 2-й мужской гимназіи, подъ редакціей священника І. Артинскаго, стр. 219—246, 338—353, 539—554.

Отличительныя особенности и значеніе Отечественной войны и ея юбилейнаго чествованія. С. Н. Пономарева, стр. 309—319.

Когда умеръ Великій Толстой? Свящ. Н. Липскаго, стр. 320—337, 494—505.

Высшее управленіе въ православныхъ автокефальныхъ церквахъ. Проф. Прот. Т. И. Буткевича, стр. 427—479, 589—672, 805—864.

Патріархъ Гермогенъ и его заслуги для отечества. Ал. Вертеловскаго, стр. 506—526, 696—711, 894—905.

Рѣчь при освященіи дома для слѣпыхъ дѣтей, произнесенная Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ, 9-го декабря 1912 г., стр. I—II.

Взглядъ принца Макса Саксонскаго на восточную Церковь по его сочиненію: „Vorlesungen über die orientalische Kirchenfrage“. Freiburg. 1907. Д. Прокоповича, стр. 673—695, 865—893.

Интуитивное доказательство бытія Божія. К. Истомина, стр. 934—946.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ,

содержащихся въ „Извѣстіяхъ и Замѣткахъ по Харьковской епархіи“, №№ 19—24, за 1912 годъ.

I.

Официальный отдѣлъ.

Отъ Государственнаго Банка объявленіе, стр. 101—102, 401—402.

Отношеніе Товарища Оберъ-Прокурора Св. Синода на имя Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Арсенія, стр. 102—104.

Журналы съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа, бывшаго 24 сентября 1912 года, стр. 104—108.

Епархіальныя извѣщенія, стр. 108—111, 262—265, 406—409, 562—564, 751—753, 957—959.

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, стр. 261—262, 745—746.

Журналы очереднаго засѣданія съѣзда уполномоченныхъ отъ духовенства Купянскаго училищнаго округа, бывшаго утромъ 18-го сентября 1912 года, стр. 402—406.

Отъ Правленія Харьковск. Духовной Семинаріи, с. 409.

Отъ Харьковской Духовной Консисторіи, стр. 409, 409—410, 565, 753—754, 957.

Росписаніе очереднаго проповѣданія слова Божія въ теченіе 1913 года, стр. 555—562.

Вѣдомость о причтахъ Харьковской епархіи, коимъ назначено или увеличено содержаніе изъ казны въ 1912 г., стр. 746—750.

Отъ Переселенческаго Управленія, стр. 750, 759.

Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, стр. 750.

Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Книжнаго Комитета, стр. 751.

Правила и инструкции для учрежденій и лицъ миссіонерскаго состава въ Харьковской епархіи, стр. 754—769.

Отъ Правленія Похоронной Кассы духовенства Харьковской епархіи, стр. 947—949.

Журналы очереднаго съѣзда духовенства Харьковскаго училищнаго округа отъ 1-го и 2-го ноября 1912 года, стр. 949—955.

Отъ Правленія Харьковскаго Отдѣла Союза для борьбы съ дѣтскою смертною, стр. 955—956.

II.

Статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго содержанія и другія.

Поученіе въ день Св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова. П. Красина, стр. 112—120.

За отрезвленіе народа. Прот. П. Вомина, стр. 120—128.

Слово. Свящ. І. Артинскаго, стр. 266—274.

Объ употребленіи и почитаніи святыхъ иконъ въ Церкви Православной. Свящ. В. Григоревича, стр. 411—416, 781—787.

† Высокопреосвященнѣйшій Антоній, митрополитъ С.-Петербургскій, стр. 565—571.

Свобода вѣры и сектантство. Архим. Арсенія, стр. 770—781, 960—975.

III.

Епархіальная хроника.

Архіерейскія богослуженія. Прот. Г. Виноградова, стр. 129—135, 274—278, 416—419, 571—576, 975—980.

Престольный праздникъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, стр. 135—137.

Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Духовной Семинаріи, стр. 279.

Паломничество въ гор. Бѣлгородъ причта и прихожанъ Рождество-Богородичной церкви сл. Сѣнной, Богодуховскаго уѣзда, 27 мая—2 іюня 1912 г., Свящ. А. Гончарова, стр. 279—285, 419—424, 791—798.

† Памяти священника Мефодія Александровича Крыжановскаго, Свящ. Павелъ Курской, стр. 285—286.

Освященіе новаго храма въ слободѣ Леваковкѣ, Изюмскаго уѣзда, стр. 424.

Освященіе новаго храма въ селѣ Басовкѣ, Сумскаго уѣзда, Свящ. Петръ Самойловъ, стр. 577—579.

Пятидесятилѣтній юбилей священнослуженія Протоіерея Іоанна Владыкова, Свящ. Михея Дьяченка, стр. 579—582.

† Некрологъ, стр. 582—583.

Храмовой праздникъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ, Прот. Іоаннъ Котовъ, стр. 787—789.

Торжество освященія новаго храма въ слободѣ Шиповатой, волчанскаго уѣзда, Свящ. Сергій Лядскій, стр. 789—791.

Дни духоаной радости, стр. Свящ. Евгенийъ Бесѣда, стр. 980—983.

Чествованіе пастыря прихожанами, Свящ. Сергій Лядскій, стр. 984—985.

IV.

Иноепархіальный отдѣлъ.

Съѣздъ законоучителей Волынской епархіи, стр. 137—139.

Запасные священники, стр. 139.

Постановленія миссіонерскаго съѣзда благочинныхъ Полоцкой епархіи, 286—287.

О всенародномъ пѣніи въ церквахъ, стр. 424—425.

О борьбѣ съ нищенствомъ, стр. 584.

Общества такъ называемыхъ любителейницъ чистоты и благолѣпія храма Божьяго, или церковницъ, стр. 798—799.

Инструкція священнослужителямъ, стр. 985—987.

V.

Разныя извѣстія и замѣтки.

Бородинскій монастырь, стр. 139—143.

Соціализмъ на практикѣ, стр. 287—288.

Выгоды пчеловодства, стр. 425—426.

О сельскихъ церковныхъ библіотекахъ, Свящ. Сергій
Добровъ, стр. 585—586.

„Неизмѣримая цѣнность“, стр. 799—801.

Библиографическая замѣтка, стр. 586—588, 801—804.

Дѣтская преступность, стр. 987.

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1912.

№ 19.

ОКТАБРЬ—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья улица, д. № 14-й.

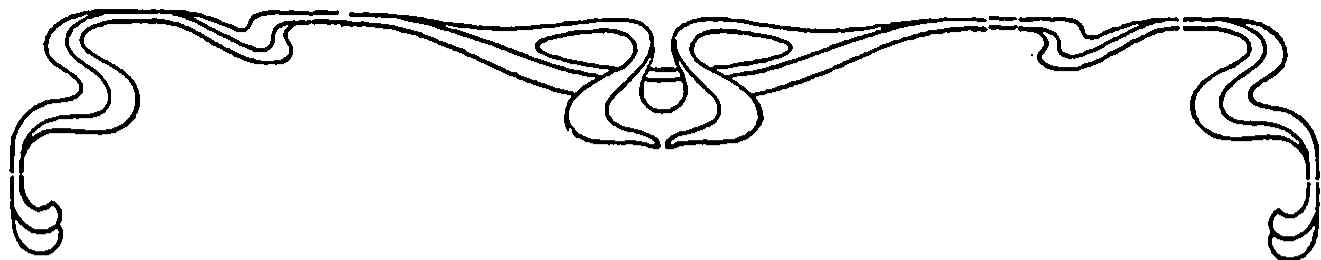
1912.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Харьковъ. Дозволено цензурою, 15 Октября 1912 года.
Цензоръ Протоерей Петръ Томинъ.

Къ вопросу о смѣшанныхъ бракахъ.

(Продолженіе)*).

Смѣшанные браки лютеранъ съ православными въ Прибалтійскихъ губерніяхъ.

Вопросъ о крещеніи и воспитаніи дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ занимаетъ видное мѣсто въ системѣ прошлаго царствованія¹⁾. Онъ успѣлъ связать себя съ самими основами тогдашнихъ реформъ и привязать къ себѣ основныя отношенія государства къ этимъ губерніямъ. Ему суждено было доказать, какимъ образомъ и при самыхъ возвышенныхъ намѣреніяхъ одинъ неосторожный шагъ вызываетъ другой, третій и т. д., и незамѣтно, логически влечетъ государство къ такимъ осложненіямъ, которыя ставятъ его въ противорѣчіе съ самимъ собою, спутываютъ и колеблутъ самыя дорогія для него основы. На этомъ вопросѣ закрѣпилось то положеніе дѣлъ въ прибалтійскомъ краѣ, которое нынѣ нудитъ правительство къ скорѣйшему разрѣшенію ихъ.

Присоединеніе балтійскихъ провинцій къ Россіи совершилось въ такое время, когда въ ней во всей силѣ оставался, относительно смѣшанныхъ браковъ православныхъ съ неправославными, общій всей восточной церкви законъ, по которому эти браки вовсе не допускались (72 прав. 6-го вселен. собора, 14 прав. 4 вселен. соб. и др.). При первоначальномъ, крайне незначительномъ числѣ русскихъ въ этомъ краѣ и при неизбѣжномъ взаимномъ отчужденіи пра-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 18 за 1912 годъ.

1) Т. е., царствованія Императора Александра II.

вославныхъ и лютеранъ, въ такихъ бракахъ вовсе не сказывалось и нужды. Когда же явилась необходимость сближенія между ними, эти браки заключались или на основаніи вселенскихъ каноновъ, т. е. лицо лютеранскаго исповѣданія предварительно принимало православіе, или на основаніи постановленія Петра I и Св. Синода въ 1721 г., сообразно 22¹⁾ прав. 4 вселен. собора и закону императора Юстиніана I (Cod. 1. 5. 18, то же 115 новелла его), по которымъ дѣти отъ такихъ браковъ должны быть крещены и воспитаны въ православной вѣрѣ. Хотя греческая церковь доселѣ удерживаетъ во всей строгости 72 прав. 6-го вселен. собора, не допуская смѣшанныхъ браковъ, но по нуждѣ и она довольствуется крещеніемъ и воспитаніемъ дѣтей въ православіи, сохраняя его неизмѣннымъ въ родѣ, какъ то показываетъ указъ константинопольскаго синода отъ 1783 г. относительно смѣшанныхъ браковъ въ Калькутѣ. Указъ 1721 г. нѣсколько разъ подтверждаемъ былъ относительно всѣхъ смѣшанныхъ браковъ христіанскихъ исповѣданій (въ 1723, 1746, 1803 и т. д.), но ни разу при этомъ не послѣдовало никакихъ заявленій со стороны балтійскихъ провинцій въ пользу лютеранства. Въ 1768 году русское правительство заключило договоръ съ Польшей, по которому, между прочимъ, въ смѣшанныхъ бракахъ католиковъ съ православными сыновья должны слѣдовать исповѣданію отца, а дочери исповѣданію матери. Этотъ порядокъ сохраненъ въ Царствѣ Польскомъ до 1832 года, т. е. до времени отмѣны автономіи его. Послѣ присоединенія къ Россіи—Финляндіи, на правахъ особаго великаго княжества, въ ней сохраненъ порядокъ, по которому во всѣхъ смѣшанныхъ бракахъ дѣти должны слѣдовать исповѣданію отца. Когда русскія великія княжны стали выходить въ замужество за иностранныхъ принцевъ, Св. Синодъ съ своей стороны не находилъ препятствій къ крещенію и воспитанію дѣтей ихъ отъ сихъ браковъ въ исповѣданіи ихъ супруговъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ Св. Синодъ не считалъ себя въ правѣ простирать свои формальныя требованія за черту иностранныхъ государствъ, вмѣшиваться въ дѣла ихъ, и въ этомъ отношеніи онъ оставался вѣренъ своимъ канонамъ и основанному на нихъ постано-

¹⁾ Должно быть, 14?

влению 1721 года. Всѣ эти случаи ни разу не возбуждали ревности въ представителяхъ Балтійскаго края и не было по поводу ихъ никакихъ попытокъ въ пользу измѣненія закона о смѣшанныхъ бракахъ для этого края. Со времени личнаго освобожденія крестьянъ (въ Эстляндіи въ 1804 г., въ Лифляндіи въ 1819 г.), въ краѣ, особенно на пограничьяхъ его съ русскими губерніями, стало увеличиваться количество смѣшанныхъ браковъ лютеранъ съ православными. Въ это время замѣтны стали симпатіи крестьянъ къ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ появляются и попытки со стороны представителей края къ ограниченію ихъ. Смѣшанные браки возбудили тревогу въ Лифляндскихъ пасторахъ, они обратились съ жалобами на православныхъ священниковъ, укоряя ихъ въ нѣкоторыхъ несообразныхъ съ этимъ дѣломъ дѣйствіяхъ. Но при этомъ со стороны пасторовъ вовсе не послѣдовало какого бы то ни было заявленія относительно крещенія и воспитанія дѣтей отъ сихъ браковъ въ православной вѣрѣ, они ходатайствовали только о томъ, дабы священники не вѣнчали такихъ браковъ безъ оглашенія о нихъ въ лютеранской киркѣ. Указомъ отъ 8 января 1819 г., Св. Синодъ призналъ ходатайство пасторовъ уважительнымъ и установилъ, чтобы въ смѣшанныхъ бракахъ лютеранъ съ православными въ Лифляндіи оглашенія производимы были и въ православныхъ церквахъ, и въ киркахъ. Въ 1839 г., по ходатайству Курляндскаго дворянства, этотъ порядокъ распространенъ на Курляндскую и Эстляндскую губерніи, въ которыхъ дотолѣ также не требовались оглашенія въ киркахъ. Далѣе, ходатайствуя при началѣ каждаго новаго царствованія о подтвержденіи правъ и привилегій, дарованныхъ Петромъ I Лифляндіи и Эстляндіи, а Екатериною II Курляндіи, представители края ни разу не упоминали при этомъ о несоотвѣтствіи закона о смѣшанныхъ бракахъ съ этими привилегіями. Въ періодъ составленія свода законовъ, въ особой комиссіи по соглашенію мѣстныхъ установленій съ общими законами Имперіи шли жаркіе споры по каждому отдѣльному случаю и напрягались усилія, чтобы отстоять то тотъ, то другой мѣстный старинный законъ, обычай и под., но при этомъ вовсе не появлялся вопросъ о крещеніи дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ. Наконецъ, этотъ вопросъ вовсе не имѣлъ мѣста при

составленіи и изданіи (въ 1832 г.) устава евангелическо-лютеранской церкви въ Россіи, которому подчинены были тогда же и лютеранскія консисторіи въ Прибалтійскомъ краѣ.

Это спокойное отношеніе лютеранства къ вопросу о смѣшанныхъ бракахъ совершенно естественно. 1. По ученію лютеранства, бракъ не есть таинство церковное, а гражданскій актъ,—церковь благославляетъ его какъ всякое доброе дѣло, а не какъ живой символъ союза Христа съ церковью, таинственно сливающій два существа въ плоть едину и проникающій семью однимъ духовнымъ началомъ. По ученію лютеранской церкви, человекъ спасается вѣрою, но только личное сознаніе и разумѣніе вѣры дѣлаютъ ее живою и дѣйственною для него. Крещеніе таинственно приобщаетъ къ вѣрѣ, но только въ сознательномъ возрастѣ, при условіи разумѣнія христіанскихъ истинъ, человекъ крещенный утверждается въ вѣрѣ и приобщается къ числу членовъ церкви (конфирмація). 2. Лютеранство, отрицая преемственность церковной іерархіи и таинство священства, не признаетъ авторитета вселенскихъ соборовъ и обязательности церковныхъ каноновъ; эти послѣдніе ни въ какомъ отношеніи не могутъ связывать лютеранской церкви. Общество вѣрующихъ само постановляетъ правила, обязательныя для всѣхъ членовъ его, но оно не считаетъ этихъ правилъ непогрѣшимыми и не подлежащими измѣненію на всѣ времена. Непогрѣшимо только то, что прямо и ясно заповѣдуетъ священное писаніе, все остальное можетъ быть измѣняемо по нуждамъ общества и государства. Такимъ образомъ и правила относительно браковъ, какъ не установленныя положительнымъ и буквальнымъ указаніемъ священнаго писанія, для лютеранства не ставятъ никакой преграды въ нуждахъ общества и государства.

Оба эти свойства лютеранства, со времени оживленія философіи въ Европѣ, мало по малу стали склонять въ пользу его поборниковъ сознанія и разума. Въ періодъ самаго сильнаго философскаго возбужденія въ Германіи, лютеранство достигло своего апогея: его девизомъ считали свободу совѣсти и разума, дружество вѣры съ наукою, ему одному между христіанскими исповѣданіями усвоили названіе религіи культурной. Но за блестящей наружностью

скрывалась печальная дѣйствительность. Отвергая церковное преданіе, каноны, іерархію, ставя условіемъ достоинства вѣры личное разумѣніе, лютеранство потеряло самостоятельность церкви, обратилось въ религіозную систему и поставило себя въ полную зависимость отъ интересовъ общества. Тѣмъ самымъ оно представило изъ себя широкое и привольное поле для личныхъ и общественныхъ страстей, подъ основныя формулы его весьма удобно могутъ подшиваться корыстныя стремленія и грубый произволъ. Въ этомъ отношеніи ни одно изъ христіанскихъ исповѣданій не представляетъ такой эластичности и ни одно не способно проникаться въ такой степени эгоизмомъ и фанатизмомъ.

Съ обѣими этими сторонами лютеранства рускому обществу и правительству пришлось посчитаться.

Въ тридцатыхъ годахъ, когда правительство начало посылать молодыхъ людей для довершенія образованія въ Германію, на университетскихъ нашихъ кафедрахъ и въ образованныхъ кружкахъ полились одушевленные рѣчи объ Аѳинахъ новѣйшаго времени, объ абсолютномъ тождествѣ, въ которомъ сливаются воедино вѣра и наука, о всемірномъ, общечеловѣческомъ духѣ, нашедшемъ для себя наиболѣе прозрачную форму въ германской расѣ и ея послѣдней философіи. Казалось, что въ Германіи найденъ долго томившій человѣчество секретъ свободы вѣрованія и свободы изслѣдованія. Сила этого вліянія германской науки такъ была велика, что сами противники системы абсолютнаго сбивались съ самостоятельной позиціи и становились на точку противниковъ его въ самой Германіи. Шеллингизмомъ опровергали гегелианизмъ, защищали самобытность вѣры („Письма о конечныхъ причинахъ“ Голубинскаго, статьи и проповѣди Иннокентія херсон. о природѣ и др.). Даже наши славянофилы, эти адаманты русскаго начала въ цивилизаціи, далеко не чужды были вліянія германской философіи, какъ повидимому ни чуждались они ея. (Сборникъ „Бесѣда“). Люди искренняго христіанскаго благочестія и вмѣстѣ глубокой преданности просвѣщенію, въ которыхъ то и другое сливались въ одну чистую струю, были глубокими читателями германскаго духа и сами казались лучшими представителями его. (Жуковскій напр.). Въ высшихъ образованныхъ кругахъ стало даже моднымъ, во имя

истинной вѣры, отрѣшиться отъ частныхъ требованій и правилъ церкви, сполна относя ихъ къ условнымъ нуждамъ общества и сполна подчиняя ихъ усмотрѣнiю государства, и возноситься на высоту общехристіанскихъ вѣрованій. Лютеранство казалось съ этой точки наиболѣе близкимъ къ „христіанизму“.

Среди этого увлеченія германскою философіею и лютеранизмомъ, когда Лютерова реформація даже въ учебникахъ исторіи заняла одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ, простому народу суждено было неожиданно повернуть медаль предъ глазами русскаго общества обратной стороною. Это было первое возбужденіе эстонскихъ и латышскихъ массъ къ православію. Образованное русское общество и правительство приглашалось посмотрѣть на народный бытъ въ прибалтійскомъ краѣ, на которомъ всего ближе и удобнѣе должны были отразиться благодѣянiя возвышенныхъ идей. До того времени въ нашемъ обществѣ существовали смутныя понятія объ этихъ массахъ и о цѣломъ краѣ. Господство нѣмецкаго языка и лютеранизмъ представляли тутъ передовую постъ Германіи. Петръ Великій радовался тому, что будетъ имѣть въ прибалтійскомъ краѣ своихъ „мастеровъ“ всякаго дѣла, теперь гордились тѣмъ, что имѣютъ въ немъ свою германскую философію. Молодые люди, не имѣвшіе возможности довершить свое образованіе въ самой Германіи, устремились въ Дерптскій университетъ и здѣсь примыкали къ тайнамъ новаго міровоззрѣнiя. Обратная сторона медали открывала однако профанацію идей, такъ льстившихъ воображенію. Она такъ противоположна была теоріи абсолютнаго, что ее безъ дальшихъ разсужденій признали за поддѣлку, клевету. Съ рвеніемъ, точно службу принося Богу, устремились тогда на подавленіе народнаго движенія. Православіе, какъ главный предметъ этого движенія, становилось для поклонниковъ новыхъ идей символомъ насилія и обмана совѣсти.

Но силою подавленное движеніе, спустя четыре года, вновь открылось и притомъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ и въ болѣе опредѣленныхъ формахъ. Оно ясно теперь говорило, что лютеранство только покровительствовало и пособляло обезземеливанію и угнетенію крестьянъ и въ то же время пренебрегало потребностями народной совѣсти и ре-

лигіознаго чувства,—что народъ, раззоренный и лишенный духовнаго питанія, бѣжить отъ своихъ опекуновъ и просить хлѣба тѣлеснаго и духовнаго у русскаго царя, ищетъ единенія съ Россіей и съ русскимъ народомъ. Вновь и съ большей силой стали подавлять это новое движеніе. „Голосъ толпы невѣжественной, грубой, враждебной культурѣ“, твердили приверженцы новыхъ идей. Но уже появились и противные голоса—изъ скромной дотолѣ, но самостоятельной, національно-русской среды. Это голосъ народа, долгими вѣками связаннаго съ своими господами, свои люди въ странѣ, на которыхъ всего естественнѣе было бы осуществлять идеи культуры и свободы совѣсти“... Люди самыхъ противоположныхъ возрѣній, непосредственно наблюдавшіе это народное движеніе и возбужденный по поводу его въ средѣ представительныхъ классовъ, помѣщиковъ и пасторовъ, фанатизмъ, сходились въ убѣжденіи, что лютеранство выступаетъ въ этомъ дѣлѣ единственно, какъ орудіе германизациі эстовъ и латышей, что оно борется съ православіемъ единственно въ тѣхъ видахъ, чтобы оградить народъ отъ стремленія къ Россіи. Этого не скрывали сами представители страны—дворяне, устраняя отъ себя подозрѣнія въ религіозномъ фанатизмѣ и прикрывая свои дѣйствія заботами о порядкѣ, объ огражденіи собственности, о противудѣйствіи соціалистическимъ попыткамъ. Не сокрушеніе о религіозномъ заблужденіи народа въ этомъ движеніи, не стараніе пособить ему въ его темнотѣ, но чувство оскорбленной гордости дышетъ во всѣхъ дѣйствіяхъ и заявленіяхъ пасторовъ по поводу стремленія народа къ православію. „На насъ смотритъ вся лютеранская Европа“, говорили пасторы въ коллективномъ прошеніи на Высочайшее имя, въ январѣ 1846 г., послѣ синодальнаго собранія въ Ригѣ. Въ этой же просьбѣ въ первый разъ выражено было недовольство закономъ о смѣшанныхъ бракахъ,—на томъ основаніи, что онъ вноситъ въ среду лютеранскаго населенія „посторонніе элементы“. Дворянство и пасторы тѣсно соединялись въ своихъ чувствахъ противъ православія, какъ силы наиболѣе препятствующей германизациі края и независимости его отъ русскаго государсвеннаго вліянія.

Императоръ Николай Павловичъ, мудрый политикъ и глубокой христіанинъ, еще тотчасъ послѣ подавленія пер-

ваго движенія въ народѣ, обратилъ вниманіе на крайнюю неудовлетворительность духовнаго питанія для народа со стороны лютеранскаго духовенства и выразилъ искреннее желаніе поднять образованіе и нравственность въ этомъ духовенствѣ, чтобы усилить чисто религіозное вліяніе его на народъ. Онъ повелѣлъ обсудить и представить Ему проектъ учрежденія духовной лютеранской академіи для высшаго богословскаго образованія и спеціально-религіознаго воспитанія будущихъ пасторовъ. Но эта высокая забота Императора неожиданно встрѣтила рѣшительное противудѣйствіе со стороны самого лютеранскаго духовенства. Оставить лютеранство въ томъ же положеніи служебнаго орудія гражданскимъ стремленіямъ дворянства, щадить даже самыя невѣжественныя религіозныя секты за ихъ вѣрность этимъ притязаніямъ и за охрану невѣжественнаго народа отъ симпатій къ Россіи—вотъ рѣшительный отвѣтъ остзейскаго представительства, гражданскаго и духовнаго, на эти заботы. Тогда Императоръ Николай Павловичъ начерталъ (на всеподданнѣйшемъ докладѣ по этому дѣлу министра народнаго просвѣщенія гр. Уварова отъ 21 апр. 1843 г.) знаменитую свою резолюцію: „Въ дѣла иностранныхъ исповѣданій намъ мудрено вмѣшиваться, такъ и въ семь случаѣ мы могли только указать на то, что считаемъ полезнымъ для блага евангелическаго исповѣданія. Но когда изъ непонятныхъ видовъ сами они сему противудѣйствуютъ, то остается предоставить волѣ Божіей дальнѣйшій ходъ этого дѣла. Кто знаетъ, можетъ быть неисповѣдимый промыслъ направляетъ невидимой рукой сію церковь къ разрушенію и тогда никакая сила не остановитъ стремленія народа къ православію. Должно только все такъ подготовить къ тому, чтобы церковь наша была готова принять новыхъ чадъ. Для того уже всѣ духовныя книги и служебники переводятся на мѣстные языки. 22 апр. 1843 г.“

Второе движеніе эстовъ и латышей къ православію застало Императора непоколебимымъ въ этомъ его рѣшеніи. Онъ остался вѣренъ ему до конца. Онъ ясно видѣлъ, что скрывается подъ воплями дворянства и пасторовъ о стѣсненіяхъ для лютеранской церкви въ прибалтійскомъ краѣ и, покровительствуя православному движенію, въ то же время принималъ рѣшительныя мѣры къ измѣненію гражданскихъ

условія края, противныхъ государственнымъ интересамъ. Твердая рука Его умѣла держать въ должныхъ отношеніяхъ къ этому дѣлу всѣхъ исполнителей Его воли и устраняла всѣ просьбы дворянства и пасторовъ о льготахъ и указанія на права и привилегіи. „Съ ослушниками моей воли поступать какъ съ бунтовщиками“, приказывалъ Онъ тѣмъ, кто поставленъ былъ отъ него блюсти это дѣло.

Къ сожалѣнію, грозныя тучи, собиравшіяся въ то время надъ Европой и угрожавшія Россіи, заставили Императора отвлечь свое вниманіе отъ внутреннихъ дѣлъ Россіи и посвятить его исключительно внѣшнимъ дѣламъ. Роковая борьба разразилась наконецъ долгою тяжелою войною, конца которой уже не довелось видѣть Императору. Всѣмъ этимъ обстоятельствомъ не могли не воспользоваться поборники интересовъ прибалтійскаго дворянства и лютеранскихъ пасторовъ. Зная непреклонную волю Государя и не дерзая открыто противиться ей, они втайнѣ подготавливали возможность перемѣнъ въ направленіи дѣлъ. Уже и первый, ревностный исполнитель этой воли, рижскій генераль-губернаторъ Головинъ часто спотыкался среди окружавшихъ его интригъ. Состоявшій все время при немъ П. А. Валуевъ, воспитанный въ новыхъ идеяхъ культуры и религіи, ревниво слѣдилъ за исполненіемъ каждой мѣры въ пользу православія, тщательно охраняя въ немъ интересы, по его мнѣнію, цивилизаціи и свободы совѣсти. Не разъ рижскій православный епископъ выражалъ свое недоумѣніе и свою скорбь (въ перепискѣ съ Оберъ-Прокуроромъ св. Синода) по поводу мнѣній и дѣйствій его. Съ назначеніемъ на должность рижскаго генераль-губернатора кн. Суворова, внутренняя работа въ средѣ поборниковъ мѣстныхъ интересовъ пошла дѣятельнѣе. Преданный новымъ идеямъ, но впечатлительный и порывистый, Суворовъ легко и скоро увлекся окружившею его интригою. Едва прибывъ въ край, еще не успѣвши оглядѣться вокругъ себя, онъ уже призналъ въ душѣ своей все дѣло православія эстовъ и латышей обманомъ, а все дѣло дворянства и духовенства естественнымъ плодомъ насилія религіозной совѣсти. Это именно убѣжденіе онъ выражалъ въ тогдашней своей интимной перепискѣ съ Оберъ-Прокуроромъ св. Синода, объясняя подъ угломъ его все тогдашнее положеніе православныхъ. Онъ не зналъ

мѣры въ обвиненіяхъ православнаго епископа Филарета, главнаго радѣтеля православія эстовъ и латышей, объяснялъ всѣ его дѣйствія іезуитизмомъ и макіавелизмомъ и добился перемѣщенія его изъ Риги. Это было первое, хотя и скрытное тогда торжество поборниковъ цивилизаціи и остзейскихъ притязаній, обезпечивавшія дальнѣйшія надежды ихъ.

Доселѣ возбужденныя, вслѣдствіе движенія народа къ православію, притязанія дворянства и духовенства быстро мѣняли подъ собою почву, пробуя различные способы твердо устоять на своей позиціи. Прежде всего они рѣшились опереться на права и привиллегіи, дарованныя краю Петромъ I. Въ этомъ именно смыслѣ представлена была лифляндскимъ дворянствомъ всеподданнѣйшая просьба отъ 3 окт. 1845 г. Но аргументъ оказался слабымъ, дворянству указано было на условіе, поставленное для этихъ привиллегій самимъ Петромъ I: „елико оныя къ нынѣшнему правительству и времени приличаются“. Надежда на этотъ аргументъ оказалась предвидѣнною Императоромъ Николаемъ, первый же параграфъ Высочайше утвержденной 26 апр. 1845 г. инструкции рижскому генераль-губернатору гласилъ: „Наблюдая за повсемѣстнымъ и точнымъ исполненіемъ государственныхъ узаконеній, съ строгимъ наблюденіемъ ненарушимости особенно тамошнему дворянству дарованныхъ правъ, поколику они сообразны съ общими законами государства, какъ то именно и неоднократно подтверждаемо было въ Бозѣ почившими Государями Всероссійскими, не допускать засимъ присвоенія правъ или преимуществъ мнимыхъ и съ общими государственными установленіями несогласныхъ, подъ какимъ бы предлогомъ это не дѣлалось“.—При неудачѣ этого основанія, обратились къ наиболѣе благовидному въ интересахъ самого православія, къ сознанію религіозныхъ истинъ, и испросили шестимѣсячный срокъ для желающихъ присоединиться къ православной церкви. Но императоръ уважилъ ходатайства объ этой мѣрѣ вовсе не въ видахъ уступки остзейскимъ притязаніямъ, но изъ опасенія невозможности благоустроить разомъ новыхъ чадъ православія, число которыхъ превышало всѣ ожиданія Его, и мѣра эта обманула истинныхъ виновниковъ ея, потому, что вслѣдъ за объявленіемъ ея, новыя массы устремились къ право-

славію, а потомъ хотя массы воздержались, но частныя обращенія въ православіе не прекращались. Возникли затѣмъ надежды на повинности въ пользу пасторовъ, на мѣстныя установленія относительно пріобрѣтенія мѣстъ подъ постройку православныхъ церквей и проч. Но всѣ эти надежды одна за другою разбивались о твердую волю Императора. Личный характеръ кн. Суворова, человекъ безспорно религіознаго, но порывавшагося тогдашнимъ новымъ ученіемъ на высоту религіозныхъ идей и слабago въ правилахъ церкви, сердечно болѣвшаго отъ всего, что казалось ему профанаціей живой вѣры и насиліемъ надъ религіозною совѣстью, указалъ, наконецъ, поборникамъ остзейскихъ интересовъ ту почву для своихъ домогательствъ, на которой они, по крайней мѣрѣ, въ будущемъ, могли получить твердую поддержку. „Обманъ народа для увлеченія его въ православіе“, „насиліе совѣсти въ удержаніи его въ православіи“—вотъ болѣе и болѣе, хотя и втайнѣ, распространяемые тогда толки и внушенія. Прямымъ выводомъ изъ этихъ положеній было разрѣшеніе народу обратнаго перехода въ лютеранство. Пока живъ былъ Императоръ Николай Павловичъ, эти толки и внушенія не достигали своихъ намѣреній; никто не осмѣливался предъ Нимъ выступить съ ходатайствомъ о разрѣшеніи перехода изъ православія въ лютеранство. Тѣмъ временемъ, втайнѣ прилагались старанія, чтобы поднять и развитъ всѣ лютеранскія учрежденія въ краѣ, напротивъ изубожить все православіе: быстро развивались лютеранскія школы, умножались религіозныя изданія для народа, благоустроились кирхи, а вмѣстѣ съ тѣмъ медленно подвигалась постройка церквей и православныхъ школъ, значительное большинство первыхъ помѣщалось въ сараяхъ, амбарахъ и под., переводъ необходимѣйшихъ богослужебныхъ книгъ остался безъ всякаго успѣха, цензура православныхъ изданій окончательно утверждена, по старанію самого кн. Суворова, за лютеранскимъ цензурнымъ комитетомъ.

Съ новымъ царствованіемъ наступило время широкаго простора новыхъ идей какъ въ обществѣ, такъ и въ правительственныхъ сферахъ. Положеніе въ Прибалтійскомъ краѣ сразу измѣнилось. Что до сего времени выростало подъ спудомъ, то теперь разомъ выступило наружу. Въ томъ же 1855 году, должность лифляндскаго генераль-суперъ-интен-

данта занялъ пасторъ Вальтеръ, одинъ изъ самыхъ дерзкихъ противниковъ православія и русскаго государственнаго вліянія въ краѣ, высланный изъ него въ 1847 году. Еще въ должности приходскаго пастора онъ, и съ церковной кафедрой, и въ оффиціальныхъ объясненіяхъ, отвергалъ православіе въ православной церкви, усвоивъ его исключительно лютеранству, что „изъ всѣхъ присоединившихся къ греческо-русской вѣрѣ не знаетъ ни одного, который при переходѣ имѣлъ бы въ виду что либо иное, кромѣ земныхъ выгодъ“. Теперь онъ рѣшительно поставилъ вопросъ объ обманѣ народа и насиліи надъ совѣстью его и настаивалъ на безусловномъ дозволеніи ему вернуться въ лютеранство. На дворянскихъ ландтагахъ, въ засѣданіяхъ лютеранскихъ консисторій, съ церковныхъ кафедръ, въ оффиціальной перепискѣ, всюду твердилось о томленіи народа, обманомъ вовлеченнаго въ православіе. вмѣстѣ съ тѣмъ, теперь открыто пошли старанія, чтобы довести народъ до дѣйствительнаго томленія. Разомъ и усиленно выступили всѣ тѣ мотивы, которые въ прежнее царствованіе пробовались поодиночкѣ: прекращена постройка церквей и школъ, не появлялось вновь ни одной богослужебной книги и ни одного религіознаго изданія въ православномъ духѣ, послѣдовали неумолимыя требованія повинностей въ пользу пасторовъ и вопросъ о возстановленіи ихъ, по ходатайству кн. Суворова, получилъ ходъ въ законодательномъ порядкѣ, православныхъ крестьянъ повсюду утѣсняли въ хозяйствѣ, преслѣдовали укорами и насмѣшками, наконецъ, даже исходатайствовано воспрещеніе принимать дѣтей народа въ рижскую духовную семинарію и допускать ихъ къ священному сану. Рядомъ съ этимъ истощеніемъ духовной пищи, убожествомъ духовныхъ пріютовъ, преслѣдованіями и униженіемъ, происходили внушенія, что вся эта тягота есть кара Божія за отступничество отъ вѣры своихъ предковъ и что умиливать Бога можно только возвращеніемъ въ лютеранство. Въ слѣдующемъ году царствованія (1857) уже появились первыя просьбы отъ крестьянъ о дозволеніи вернуться въ лютеранство. Времена измѣнились: эти просьбы получили ходъ, рассмотрѣны въ подлежащихъ правительственныхъ учрежденіяхъ и многія изъ нихъ удовлетворены. Эта первая побѣда поборниковъ остзейскихъ притязаній принесла самые пе-

чальные плоды для православія и русской государственности въ краѣ. Не говоря уже о томъ, какъ широко воспользовались ею возбужденныя въ краѣ страсти, она тѣмъ преимущественно тяжела была, что успѣла внести смущеніе въ правительственныя сферы относительно православія въ цѣломъ краѣ, посвятить сомнѣнія въ чистотѣ дѣла, признать обманъ и насиліе совѣсти. Появились новыя просьбы, послѣдовали новыя разрѣшенія. Но по принятому правительствомъ порядку разрѣшенія (черезъ Св. Синодъ), руководители дѣла убѣдились, что и эта мѣра не приведетъ къ желаннымъ результатамъ, потому что количество разрѣшеній и самыхъ даже просьбъ ничтожно было сравнительно съ числомъ православныхъ. Одна за другою пробы на этомъ пути только усиливали разочарованіе. Мѣра оказалась слишкомъ смѣлою, которой сразу не могло бы удовлетворить самое либеральное правительство.

Среди толковъ и споровъ по этому дѣлу, болѣе и болѣе выступала мысль о необходимости пожертвовать православію настоящимъ поколѣніемъ православныхъ и сосредоточить всѣ надежды на будущемъ поколѣніи, обративъ вниманіе на привлеченіе дѣтей въ лютеранскія школы, къ конфирмаціямъ и на смѣшанные браки. Голоса дѣлились: болѣе горячія головы кричали о безусловномъ разрѣшеніи перехода въ лютеранство, болѣе умѣренные довольствовались будущимъ поколѣніемъ. Въ это именно время (въ 1857 году) появились въ печати X и XI т.т. св. зак., заключавшіе въ себѣ постановленія объ иностранныхъ исповѣданіяхъ и о бракахъ. Во всей силѣ подтверждались въ нихъ строгіе законы о правахъ господствующей церкви, о смѣшанныхъ бракахъ съ православными, о наказаніяхъ за соvrращения изъ православія, подговоры и принужденія къ нему. Это изданіе не только связывало остзейцевъ, смѣло уже нарушавшихъ вѣроисповѣдныя законы, несогласные съ ихъ воззрѣніями, не только убивало надежды ихъ на дальнѣйшій успѣхъ относительно православныхъ эстовъ и латышей, но и угрожало имъ, при настоящемъ возбужденіи, полнымъ фіаско въ глазахъ самаго народа, уже значительно затуманенныхъ прежними внушеніями и увѣреніями. Теперь больше чѣмъ когда либо поднялись вопли, и въ краѣ, и въ заграничной печати, и въ петербургскихъ сферахъ, о пре-

слѣдованіяхъ совѣсти, угрожающихъ волненіями въ краѣ и потрясеніемъ церковнаго и гражданскаго порядка, о нарушеніи привиллегій, дарованныхъ русскими императорами и т. п. Вспомнимъ, что подобныя же вопли стали подниматься тогда же и въ Царствѣ Польскомъ по поводу знаменитаго: „Point de réveries“, лично сказаннаго Государемъ Императоромъ польскимъ представителямъ въ Варшавѣ лѣтомъ того же года. Тамъ точно такимъ же образомъ движеніе прикрывлось именемъ религіи и совѣсти. Для кн. Суворова этихъ обстоятельствъ достаточно было, чтобы выступить ходатаемъ предъ престоломъ во имя религіи и совѣсти. Во всеподданнѣйшемъ своемъ отчетѣ за 1857 годъ онъ посвятилъ этому предмету особый отдѣлъ.

Онъ изобразилъ мрачными красками присоединеніе эстовъ и латышей къ православію въ 1845 и 1846 г. и настоящее положеніе ихъ, находилъ запутанность всѣхъ церковныхъ отношеній въ краѣ, произведенную этимъ присоединеніемъ, указывалъ на противорѣчіе X и XI т. св. Зак. съ дарованными краю привиллегіями, въ особенности же закона о смѣшанныхъ бракахъ и ходатайствовалъ о пересмотрѣ всѣхъ законовъ, касающихся лютеранской церкви въ прибалтійскомъ краѣ и ея отношеній къ православной церкви. Государю Императору благоугодно было передать эту часть отчета кн. Суворова на разсмотрѣніе комитета министровъ. Комитетъ министровъ не нашелъ однако въ доводахъ генералъ-губернатора основанія для пересмотра означенныхъ законовъ, и потому ходатайство его оставлено безъ удовлетворенія.

Но послѣ такого рѣшительнаго шага, остзейскіе ревнители уже не могли остановиться. Близилось время самаго крупнаго преобразованія въ Россіи, именно освобожденія крестьянъ. Умы воспламенены были, какъ никогда болѣе. Выступали самыя смѣлыя притязанія и ожиданія во имя свободы. „Свобода совѣсти“, „свобода духа“, „свобода мнѣнія и сомнѣнія“ казались образованной толпѣ самыми возвышенными и самыми законными требованіями. Въ царствѣ польскомъ уже рѣзко обнаружались симптомы настоящей смуты. Польская и остзейская интрига подали другъ другу руки. Въ февралѣ 1861 г., польскіе епископы составили въ Варшавѣ соборъ, на которомъ подписали меморіаль объ

угнетеніяхъ совѣсти, претерпѣваемыхъ католиками въ царствѣ польскомъ. Въ рѣзкихъ выраженіяхъ они ходатайствовали объ измѣненіи всѣхъ законоположеній относительно католической церкви, въ особенности закона о смѣшанныхъ бракахъ. Одновременно съ этимъ соборомъ на собраніяхъ лантаговъ остзейскихъ постановлены были заявленія, а отъ консисторій послѣдовали формальныя представленія объ угнетеніяхъ религіозной совѣсти въ краѣ. Кн. Суворовъ, продолжавшій вѣрить искренности этихъ остзейскихъ заботъ, тщательно оберегая прославленную легальность представителей края, снова рѣшился предстательствовать о нихъ предъ престоломъ. Отъ 23 марта того же 1861 года онъ вошелъ къ Государю Императору съ особымъ всеподданнѣйшимъ докладомъ. Указавъ на прежній свой отчетъ по управленію ввѣреннымъ ему краемъ, онъ представлялъ, что „комитетъ министровъ не обнялъ всего значенія предмета. Приобрѣтенная русскимъ правительствомъ, вѣротерпимостью его, слава—продолжалъ онъ—можетъ быть поддержана лишь принятіемъ со стороны этого правительства инициативы въ дѣлѣ устраниенія всякаго повода къ справедливымъ жалобамъ на стѣсненіе свободы совѣсти между жителями прибалтійскихъ губерній. Напротивъ того, движеніе законодательства насильственно возлагаетъ,—вѣроятно безъ намѣренія—обязанность этой инициативы на общества мѣстнаго дворянства. Проектъ продолженія свода тѣстныхъ постановленій сообщенъ различнымъ сословіямъ жителей прибалтійскаго края для предоставленія имъ возможности представить свои на него замѣчанія. Въ этотъ проектъ введены изъ общаго св. зак. имперіи такія статьи, которыя прямо противурѣчаютъ мѣстнымъ церковнымъ учрежденіямъ. IX т. св. зак., долженствующій заключать въ себѣ всѣ постановленія объ иностранныхъ въ Россіи исповѣданіяхъ, нигдѣ не упоминаетъ о положенныхъ Императоромъ Петромъ Великимъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ началахъ вѣротерпимости, въ особенности же противурѣчаютъ этимъ началамъ нѣкоторыя постановленія уложенія о наказаніяхъ. Подобное направленіе законодательства должно поставить дворянство и города прибалтійскихъ губерній въ скоромъ времени въ необходимость всеподданнѣйше ходатайствовать передъ Вашимъ Величествомъ объ огражденіи ихъ отъ религіозныхъ стѣсне-

ній“. Не рассчитывая теперь ни на комитетъ министровъ, ни на правительственныхъ лицъ, кн. Суворовъ просилъ Государя учредить особую комиссію, для обсужденія этого вопроса, изъ представителей остзейскихъ сословій, дабы „внушить тѣмъ сословіямъ, которымъ Императоръ Петръ Великій далъ всемилостивѣйшія въ религіозномъ отношеніи обѣщанія, полное довѣріе къ трудамъ означенной комиссіи“. Въ заключеніе доклада, кн. Суворовъ представлялъ: „Въ сущности, подлежащій вопросъ заключается въ допущеніи лишь той степени вѣротерпимости, которая обусловливается въ прочихъ европейскихъ государствахъ чувствомъ справедливости всякаго просвѣщеннаго народа. Одновременно съ успѣхами этой вѣротерпимости развивается и истинное религіозное чувство, могущее преуспѣвать лишь подъ условіемъ свободнаго, основаннаго на свободѣ совѣсти самосознанія. Противоположное этому прогрессивному направленію движеніе столь несогласно съ общимъ духомъ правленія Вашего Величества, что я не исполнилъ бы вѣрноподданнической своей обязанности, если бы не обратилъ Высочайшее Вашего Величества вниманіе на то высокое значеніе, которое Петръ Великій придавалъ уже русскому правительству въ дѣлѣ упроченія въ прибалтійскомъ краѣ религіозной независимости“.

Государь Императоръ повелѣлъ учредить комиссію подъ предсѣдательствомъ министра внутр. дѣлъ (Ланской) изъ предводителей дворянства, эстляндскаго—графа Кайзерлинга и лифляндскаго—барона Эттингена и директора департамента иностранныхъ исповѣданій гр. Сиверса (дѣлопроизводитель Павелъ Ант. Шульцъ). Комиссія открыла свои засѣданія 12 апр. т. г. Первое засѣданіе ограничилось порученіемъ предводителямъ дворянства представить свои соображенія о томъ, „какія именно изъ статей общаго свода законовъ имперіи они признаютъ несогласными съ началами свободнаго вѣроисповѣданія и съ дарованными тому краю основными по сему предмету постановленіями, и въ чемъ именно статьи эти отступаютъ отъ точнаго смысла означенныхъ постановленій, дабы сіи соображенія могли служить положительнымъ основаніемъ къ дальнѣйшимъ сужденіямъ по возбужденному кн. Суворовымъ вопросу“.

Этотъ, такъ широко раскинутый и такъ, повидимому, успѣшно поведенный планъ вдругъ встрѣтилъ рѣшительное

препятствіе и притомъ съ такой стороны, съ которой всего менѣе можно было ожидать его. Этимъ рѣшительнымъ и неодолимымъ противникомъ общаго пересмотра законовъ о вѣроисповѣданіи въ сравненіи ихъ съ дарованными прибалтійскому краю привилегіями явился тотъ самый П. А. Валуевъ, который такъ еще недавно состоялъ при князѣ Суворовѣ въ Ригѣ и вполне раздѣлялъ его взглядъ на все положеніе вѣроисповѣдныхъ дѣлъ въ краѣ. Нынѣ въ качествѣ министра внутр. дѣлъ, преемника Ланского, онъ явился рѣшительнымъ противникомъ: 1) общественной инициативы въ законодательствѣ и 2) такой постановки вопроса, которая ограничивала самодержавную власть Монарха (указаніе на привилегіи). Поэтому онъ не мирился ни съ самой комиссіей изъ сословныхъ представителей, ни съ планомъ занятія ея, и, созвавъ всего одинъ разъ членовъ этой комиссіи, онъ, по словамъ его (въ письмѣ къ министру юстиціи отъ 29 апр. 1864 г.), „въ силу неудобства представлять какую либо инициативу въ дѣлѣ пересмотра и возможнаго измѣненія закона... представителямъ мѣстныхъ сословій“, „счелъ долгомъ уклониться отъ возобновенія подобныхъ совѣщаній“. Въ сущности министръ внутр. дѣлъ вовсе не ограничивалъ стремленій представителей прибалтійскихъ сословій, напротивъ онъ горячо сочувствовалъ имъ, но расходился съ ними и съ кн. Суворовымъ только въ способъ достиженія этихъ стремленій, относя все это дѣло, не только въ его инициативѣ (кн. Суворовъ), но и въ цѣломъ производствѣ, къ власти правительственной и притомъ подъ условіемъ постепенности. По его мнѣнію, на первый разъ слѣдуетъ ограничиться закономъ о смѣшанныхъ бракахъ, составлявшемъ въ глазахъ христіанскихъ инновѣрцевъ наибольшее препятствіе для свободы совѣсти. На этомъ пунктѣ министръ, очевидно, сходилъ съ умѣренной партіей въ прибалтійской краѣ, которая, какъ мы уже видѣли, не находя возможнымъ достигнуть разрѣшенія общаго перехода изъ православія въ лютеранство, обращала всѣ свои надежды на будущее поколѣніе. Министръ однако вовсе не высказывался теперь въ духѣ согласія съ мѣстной партіей, хотя бы и умѣренной, и только впоследствии, когда пришлось считаться съ результатами самой реформы, обнаружилось, что онъ вполне раздѣлялъ эти надежды, находя въ

нихъ папачю отъ всѣхъ болѣзней вѣроисповѣднаго вопроса. Но не одинъ только остзейскій край занималъ при этомъ министра внутр. дѣлъ, царство польское, точнѣе католичество, не менѣе привлекало его симпатіи своими религиозными тревоженіями. Не порывисто, но спокойно и твердо онъ выдерживалъ себя на „высотѣ“ общехристіанскихъ понятій, на которой всѣ эти исповѣданія сливаются (будто бы) въ одной идеѣ свободы совѣсти и въ одномъ духѣ христіанскаго благочестія (последнее сочиненіе его: „Благочестивыя размышленія на каждый день“), вовсе не подозрѣвая въ этой „высотѣ“ только благочестивой мечты, дѣстящей самолюбію. Какъ бы то ни было, но ходатайство польскихъ епископовъ не оставлено безъ вниманія и приобщено къ дѣлу остзейскихъ представителей. Еще въ августъ того же 1861 года состоялось, по мысли П. А. Валуева, Высочайшее повелѣніе, независимо отъ хода дѣла въ комиссіи по всеподданнѣйшему докладу кн. Суворова, рассмотреть въ министерствѣ внутр. дѣлъ вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ и представить его на рассмотрениеъ Совѣта министровъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими вопросами о дѣйствовавшихъ относительно иностранныхъ исповѣданій законоположеніяхъ.

Предварительно, рассмотрѣнія этого дѣла въ Совѣтѣ министровъ, П. А. Валуевъ представилъ Государю Императору докладъ о результатахъ рассмотрѣнія его въ министерствѣ внутр. дѣлъ. Докладъ признавалъ необходимымъ дать католикамъ и лютеранамъ въ Россіи большую, сравнительно съ дѣйствующими законами, самостоятельность и независимость, въ особенности же измѣнить законъ о смѣшанныхъ бракахъ, предоставивъ самимъ родителямъ выборъ исповѣданія для дѣтей ихъ. Онъ находилъ, что этотъ законъ „отънимаетъ свободу совѣсти родителей, обязывая ихъ противъ воли своей воспитывать дѣтей въ чуждой имъ вѣрѣ“. Далѣе онъ признаетъ этотъ законъ вреднымъ въ религиозномъ отношеніи: „Если бы избраніе исповѣданія дѣтей было предоставлено усмотрѣнію родителей, то они, безъ сомнѣнія, были бы воспитываемы въ вѣрѣ того изъ супруговъ, который сильнѣе привязанъ къ своему исповѣданію и тѣмъ самымъ болѣе способенъ къ утвржденію въ дѣтяхъ своихъ религиозныхъ убѣжденій. При настоящемъ порядкѣ, часто можетъ случиться противное“. Наконецъ, законъ о смѣшан-

ныхъ бракахъ вреденъ въ государственномъ отношеніи, потому что онъ „препятствуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сближенію разноплеменныхъ русскихъ подданныхъ, которые не вступаютъ въ бракъ между собою единственно по нежеланію одной стороны подчиниться закону о воспитаніи всѣхъ дѣтей своихъ въ православіи, когда другая принадлежитъ къ сему исповѣданію“. Докладъ находитъ, что съ церковной стороны не должно быть препятствій къ измѣненію этого закона, потому, что онъ не есть религіозный догматъ. Онъ ссылается на законъ 1721 г., на договоръ съ Польшей въ 1768 г., на финляндскій законъ, какъ на факты существенныхъ отступленій отъ первоначальнаго церковнаго установленія относительно смѣшанныхъ браковъ, и отсюда выводитъ, что и настоящій законъ можетъ быть измѣненъ безъ нарушенія церковныхъ основъ. Для соблюденія достоинства православной церкви, докладъ полагаетъ достаточнымъ „не допускать бракъ православныхъ съ иновѣрцами въ извѣстныхъ степеняхъ родства, въ которыхъ бракъ дозволяется другими исповѣданіями“, и „требовать чтобы браки православныхъ съ иновѣрцами совершаемы были по православному обряду и съ соблюденіемъ условій, предписанныхъ нашими церковными законами. Отъ сихъ коренныхъ правилъ церковь наша не допускала и не можетъ допускать отступленій“. Онъ указываетъ три способа измѣненія дѣйствующаго закона: 1) финляндскій, по которому дѣти слѣдуютъ вѣроисповѣданію отца; 2) принятый для Польши въ 1768 г., именно сыновья слѣдуютъ вѣроисповѣданію отца, а дочери вѣроисповѣданію матери; 3) возможный способъ—предоставить самимъ родителямъ избрать вѣроисповѣданіе того или другого изъ нихъ. Докладъ предпочитаетъ послѣдній способъ, какъ наиболѣе, по его мнѣнію, обезпечивающій успѣхъ религіознаго воспитанія дѣтей. Обязательство крещенія дѣтей въ господствующую вѣру должно быть возлагаемо на родителей, по мнѣнію доклада, только въ томъ случаѣ, когда послѣдніе, по равнодушію или по другимъ причинамъ, не поставятъ между собою условія относительно вѣроисповѣданія дѣтей.

Вся эта аргументація сполна проникнута недугомъ тогдашнихъ высшихъ канцелярій, недугомъ мнимо-возвышенныхъ идей и всего менѣе соответствовала дѣйствительности.

1. Тогдашнее польско-лютеранское возбужденіе во имя, будто бы, религіозной совѣсти всего менѣе имѣло въ виду сближеніе съ русскимъ народомъ и единеніе съ Россіей, напротивъ оно предпринято во имя полного отчужденія отъ Россіи и приниженія всего русскаго предъ своими національными и желанными гражданскими особенностями. Религіозныя идеи служили только ширмами для страстей, съ которыми государство не можетъ имѣть единенія. Опытъ того времени достаточно убѣждалъ всякаго, кто доступенъ былъ безпристрастному убѣжденію, что всѣ церковныя „жалобныя“ богослуженія въ царствѣ польскомъ имѣли предметомъ возстановленіе Польши по Днѣпръ и что всѣми уличными церковными процессіями распоряжались агенты „народоваго жонда“, а всѣми воплями о притѣсненіяхъ совѣсти въ Прибалтійскомъ краѣ—стремленія къ безусловному господству, матеріальному и духовному, нѣмецкаго, представительнаго населенія надъ эстами и латышами, а также надъ русскими поселенцами края. И тамъ и здѣсь свобода совѣсти испрашивалась единственно для выгодъ собственной религіи, насколько она служила національнымъ страстямъ, и для подавленія совѣсти послѣдователей другихъ исповѣданій, преимущественно православной, напоминавшей о могуществѣ и силѣ Россіи. Среди волненій и даже при простомъ напряженіи подобныхъ страстей немыслима никакая свобода совѣсти.

2. Если государство признаетъ необходимымъ воспитаніе дѣтей въ духѣ религіи, то тѣмъ самымъ оно возлагаетъ на себя долгъ и обязанность опредѣлить то религіозное направленіе, которое наиболѣе соотвѣтствуетъ его благосостоянію, и оказывать особое покровительство этому направленію. Безъ этого условія, государство впало бы въ противорѣчіе съ самимъ собою и открыло бы арену для безвыходной путаницы религіозныхъ дѣлъ, потому что религія вообще существуетъ только въ теоріи, а не въ практикѣ человѣческихъ обществъ. Разсчитывать въ этомъ случаѣ на личное усмотрѣніе родителей, на того изъ нихъ, кто „сильнѣе привязанъ къ своему исповѣданію“, значило бы только закрѣплять путаницу религіозныхъ дѣлъ, покровительствуя въ этомъ дѣлѣ личнымъ страстямъ, которыя въ подобномъ случаѣ спѣшатъ прикрываться благовиднѣй-

шею формою—силою религіознаго убѣжденія. Сдѣлавши такой шагъ, государство вынуждается или испытывать противорѣчіе съ самимъ собою, или, поступаая логически, отказаться отъ особаго покровительства одному исповѣданію. Не этого ли послѣдняго пути добивались для русскаго государства тогдашнія либеральныя вѣянія? Ослабить и разбить историческій, девятисотлѣтній союзъ русскаго государства съ православною церковью,—союзъ, вскормившій его, укрѣпившій, вынесшій изъ всѣхъ тяжелыхъ бѣдствій, создавшій изъ него могущественную державу,—союзъ, о который разбивались всѣ попытки пошатнуть этотъ колоссъ, илѣнить его въ послушаніе чуждымъ ему системамъ и ученіямъ; не этого ли желали тогдашнія мечтанія? Да, тогдашняя атмосфера сильно заражена была этими міазмами, и весь поднятый тогда вопросъ о свободѣ совѣсти, вынужденный для начала дѣла ограничиться вопросомъ о смѣшанныхъ бракахъ, довольно прозрачно обнаруживалъ въ себѣ присутствіе этихъ мечтаній. Прорить брешь въ канонахъ православной церкви, поколебать значеніе ихъ въ глазахъ государства подтасовкою фактовъ мнимой измѣнчивости ихъ въ рукахъ самой этой церкви, для этого вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ, казалось, представлялъ достаточныя удобства. И способъ, принятый для Польши въ 1768 г., и финляндскій законъ—совершенно не то въ отношеніи къ этому дѣлу, что приносить этотъ, вновь придуманный, способъ—невмѣшательства государства въ выборъ исповѣданія для дѣтей...

3. Такимъ же противорѣчіемъ самому себѣ страдаетъ и этотъ, предложенный министромъ, способъ устраненія насилія совѣсти. Допустимъ, что свободный выборъ родителями исповѣданія для будущихъ своихъ дѣтей сдѣланъ ими по совѣсти. Но почему же въ такомъ случаѣ принуждать ихъ вѣнчаться въ православной церкви, а не предоставить избрать для этого обрядъ соотвѣтственнаго ихъ выбору исповѣданія? Во что такимъ образомъ обращается эта религіозная совѣсть? Но далѣе: въ какое положеніе ставится православный священникъ, обязанный испрашивать благословеніе Божіе на воспитаніе дѣтей въ чуждой ему вѣрѣ, которую онъ не признаетъ истинною? Не есть ли это требованіе—самое грубое насиліе надъ религіозною совѣстью? И это

насиліе тѣмъ болѣе грубо и бессмысленно, что въ то же время церковь, въ исповѣданіе которой имѣютъ быть крещены дѣти, освобождается отъ обязательства вѣнчать такіе браки. Не говоримъ уже о томъ, что таинство брака обращается въ простую церемонію, облакающую гражданскій только актъ,—что молитвы о воспитаніи дѣтей въ православной вѣрѣ становятся пустымъ звукомъ. Поступая логически, проэктированный министромъ законъ долженъ бы предоставить самимъ родителямъ выборъ обряда вѣчанія. Но за этимъ послѣдовали бы другія логическія необходимости, которыя приводятъ только къ полному отдѣленію государства отъ церкви. При законѣ объ обязательномъ воспитаніи дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ въ православной вѣрѣ: а) не насилуется совѣсть супруговъ, потому что выборъ жениха или невесты производится свободно и въ этой именно свободѣ и добросовѣстности лежитъ залогъ отношенія супруговъ какъ другъ къ другу, такъ и къ будущимъ ихъ дѣтямъ; б) не насилуется и церковь иностраннаго исповѣданія, потому что она не принуждается вѣнчать такіе браки. Лютеранство всего менѣе можетъ видѣть въ такомъ законѣ насиліе надъ своею церковью, потому что оно не признаетъ брака таинствомъ, а дѣйствительное приобщеніе дѣтей къ церкви допускаетъ только въ сознательномъ возрастѣ.

Государь Императоръ повелѣлъ разсмотрѣть эту записку министра внутреннихъ дѣлъ въ Комитетъ Министровъ. „Изъ совершенно секретнаго“ отзыва П. А. Валуева на имя Министра Юстиціи графа Панина, отъ 29-го апрѣля 1864 года № 81, узнаемъ, что эта записка возвращена ему Его Величествомъ „съ собственноручными высочайшими отвѣтками“. Къ сожалѣнію, мы не могли пользоваться подлинникомъ этой записки, а потому и упомянутыми Высочайшими отвѣтками, проливающимъ свѣтъ на ходъ этого дѣла.

Комитетъ Министровъ выслушалъ записку министра внутреннихъ дѣлъ въ засѣданіи 6 января 1864 г. и рѣшительно отклонилъ все это дѣло.

И. П. П.

вызываетъ отъ насъ это (Продолженіе бюджета)...

отъ П. Салтыкова...

Слѣдуетъ указать, что въ древности кандидаты на епископство избирались изъ клириковъ, принадлежавшихъ къ той общинѣ, для которой избирался епископъ. Это правило, впрочемъ, не всегда строго соблюдалось. Иногда кандидатами бывали и миряне, и даже иностранцы. Но въ позднѣе время эти случаи стали рѣдкими.

Объ избраніи и поставленіи епископовъ въ первые три вѣка.

Въ первые три вѣка епископъ избирается вселенною общиною, съ участіемъ клириковъ. Кандидатомъ избирается тотъ, кто пользуется наибольшимъ уваженіемъ общины. Въ восточной церкви кандидаты избирались изъ клириковъ, въ западной — изъ мирянъ.

Общая условія избранія во епископа.

1. Избираемый во епископа кандидатъ долженъ былъ принадлежать къ той общинѣ, для которой избирался; и такимъ образомъ долженъ былъ быть извѣстнымъ всѣмъ членамъ общины, какъ намълучшій¹⁾; обыкновенно принадлежалъ къ клиру той самой церкви, для управленія которой назначался.²⁾ Исключеніе допускалось лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда Промыслъ Божій, какимъ-либо чрезвычайнымъ знаменіемъ предуказывалъ особаго кандидата изъ епископовъ другой церкви.³⁾ Для избираемаго не требовалось обязательно священныи санъ, но наблюдалось только, чтобы онъ принадлежалъ къ клиру и проходилъ хотя бы низшія степени сана.⁴⁾ Качества кандидата въ епископствѣ подробно указавъ св. Павелъ въ его пастырскихъ посланіяхъ къ Тимофею и Титу, такъ это въ практикѣ первоначальной церкви опиралась въ этомъ отношеніи на вѣщанія, опредѣ-

*) См. ж. „Вѣра и Равумъ“ № 18 за 1912 годъ (А. М.).
 1) *Apost. Post.* VIII, гл. 4, стр. 254.
 2) *Cypriani.—Epist.* 68 ed. Oхон. 67), р. 286 В. *Апост. (Пост.* кн. VIII, гл. 4.
 3) См. *Евс. Церк. Исторія*, кн. VI, гл. 11 и 29.

Св. Кириллъ, восхваляя достоинства Корнилія, еп. римскаго, замѣчаетъ, между прочимъ, что онъ не сразу достигъ епископства, sed per omnia ecclesiastica officia promotus ad sacerdotii sublimе fastigium cunctis religionis gradibus ascendit (Epist. 52, p. 166 A).

ленные каноническія нормы, имѣющія значеніе нормъ *juris divini*. „Епископъ долженъ быть непороченъ, одной жены мужъ, трезвъ, цѣломудренъ..., страннолюбивъ, учителенъ (1 Тим. III, 2), держащійся истиннаго слова, согласнаго съ ученіемъ, чтобы онъ былъ силенъ и наставлялъ въ здоровомъ ученіи и противящихся обличать“ (Тим. I, 9); онъ долженъ въ полнотѣ знать всѣ истины христіанской вѣры, всегда „поучаться“ въ нихъ и быть способнымъ научить и другихъ этимъ истинамъ (1 Тим. IV, 15—16; 2 Тим. II, 25 и III, 15—17); чтобы вѣра его не поколебалась, онъ не долженъ быть „изъ новообращенныхъ“ (μὴ νεόφροτων—1 Тим. III, 6); епископъ, далѣе, долженъ быть „не пьяница, не бійца..., не сребролюбецъ..., хорошо управляющій своимъ домомъ, дѣтей содержащій въ послушаніи“..., и, наконецъ, долженъ имѣть о себѣ вообще одобрительные отзывы не только между вѣрующими, но даже и язычниками. (1 Тим. III, 3—7; Тит. I, 7—9). Такъ наз. „Правила свв. Апостоловъ“, основанныя на апостольскомъ преданіи, предъявляя почти тѣ же самыя требованія къ кандидатамъ епископства ¹⁾, присоединяютъ только, что глухой и слѣпой не можетъ быть епископомъ ²⁾ и что бѣсноватый ³⁾, рабъ безъ согласія господь ⁴⁾, всякій женатый на вдовѣ, или отверженной отъ супружества, или блудницѣ, или рабынѣ, или актрисѣ (ἢ τῶν ἐπὶ σκηνῆς) ⁵⁾, вообще не могутъ быть приняты въ клиръ. Относительно *физическихъ* качествъ кандидатовъ епископства въ апостольскихъ канонахъ высказывается вообще тотъ принципъ, что незначительные тѣлесные недостатки не могутъ служить препятствіемъ къ рукоположенію, если кандидатъ достоинъ его ⁶⁾, ибо „не тѣлесный недостатокъ оскверняетъ человѣка, а духовная нечистота“ ⁷⁾; надлежитъ наблюдать только, чтобы тѣлесные недостатки не создавали какихъ-либо „затрудненій въ церковныхъ дѣлахъ“ ⁸⁾.

¹⁾ См. Апост. прав. 27, 42, 44, 58, 59 и 80.

²⁾ Апост. пр. 78.

³⁾ Прав. 79.

⁴⁾ Прав. 82.

⁵⁾ Прав. 18.

⁶⁾ Apost. can. 77: Εἰ... ἄξιός τε ἐστὶν ἐπισκοπῆς, γινέσθω (ср. Σύνοταγμα II, 99—100).

⁷⁾ Can. id.: οὐ γὰρ λώβη σώματος αὐτόν, μαιίνει, ἀλλὰ ψυχῆς μόλυσμός.

⁸⁾ Apost. can. 78: Ἄλλ' ἵνα μὴ τὰ ἐκκλησιαστικά παρεμποδίξοιτο.

Физическія и нравственныя качества лицъ, достойныхъ избранія во епископа, очень подробно (и по духу согласно съ вышеприведен. источниками) изложены въ такъ назыв. „Постановленіяхъ Апостольскихъ“. Здѣсь отъ избираемаго во епископа требуется, чтобы онъ былъ „незазоренъ, безукоризненъ, чуждъ всякой несправедливости человѣческой..., кротокъ, скромнень и молчаливъ..., милостивъ и миротворенъ..., добросовѣстенъ, чистъ отъ всякой злобы, лукавства и несправедливости..., трезвенъ, цѣломудренъ, благочиненъ, постояненъ, невозмутимъ, не пьяница, не бійца, но тихъ несварливъ, не сребролюбивъ, не изъ новообращенныхъ, чтобы не возгордился и не впалъ въ осужденіе и сѣтъ дьявольскую (1 Тим. III, 2—3, 6—7; Тит. I, 7—8)... Да будетъ онъ и не гнѣвливъ..., а также милосердъ, благороденъ, склоненъ къ любви..., щедръ, вдоволюбивъ, страннолюбивъ, услужливъ, благослужащъ, неутомимъ, непостыденъ... нелицепріятенъ..., не расточителенъ, не роскошенъ, не сластолюбивъ, не лакомка... Да будетъ онъ также не корыстолюбивымъ..., не любостыжательнымъ, не хищникомъ, не обманщикомъ, не любящимъ богатство..., не оговорщикомъ, не лжесвидѣтелемъ, не вспыльчивымъ, не браннолюбивымъ, не запутавшимся въ мірскія занятія, не поручителемъ за кого-нибудь, не повѣреннымъ въ тяжбахъ денежныхъ, не любоначальнымъ, не двойственнымъ въ мысли, не двойственнымъ въ словѣ, не любящимъ слушать навѣтъ или оговоры, не лицемѣромъ... Да будетъ онъ мудръ, смиренномудръ, наставителенъ въ ученіяхъ Господнихъ, благомыслящъ“... и т. д. „Вообще, все, что только есть хорошаго въ людяхъ, все это да совмѣщаетъ въ себѣ епископъ“ ¹⁾!..

Относительно *образованія* кандидата епископскаго сана въ тѣхъ же „Апост. Постановленіяхъ“ читаемъ: „да будетъ онъ, если возможно, образованъ, а если онъ будетъ неученъ, то да будетъ по крайней мѣрѣ искусенъ въ словѣ (въ ученіи христіанскомъ)“ ²⁾. Чтобы епископъ могъ „быть учителемъ другихъ“ и „учить народъ благочестію“ ³⁾, онъ самъ „да будетъ долготерпѣливъ въ наставленіяхъ, многоучите-

¹⁾ Апост. Пост. кн. II, гл. 1—6, стр. 16—22; ср. Апост. прав. 6, 20, 26, 27, 41, 42, 44, 58, 59, 80, 81 и 83.

²⁾ Апост. Пост. II, гл. 1, стр. 17.

³⁾ Апост. прав. 58 и 80.

лень, поучающійся и усердно упражняющійся въ книгахъ Господнихъ, преданъ чтенію ихъ, дабы со тщаніемъ толковать писанія, изъясняя евангеліе согласно съ пророками и закономъ“; епископъ долженъ быть „хорошимъ діастиловомъ ¹⁾, умѣющимъ различать законъ (заповѣди десятословія и—вообще—постановленія, не отмѣненныя евангеліемъ) и второзаконіе (ветхозав. постановленія относительно жертвъ, омовеній, очищеній и проч., имѣвшія только временное значеніе)..., и обильно питать народъ свой многими ученіемъ, освѣщая его свѣтомъ закона“ ²⁾. Это свидѣтельство „Апост. Постановленій“, какъ равно и всѣ вышеприведенныя каноническія указанія на главную обязанность епископа—*учить* народъ вѣрѣ и благочестію, даютъ основаніе думать, что уже въ первые вѣка требовалась нѣкоторая специальная подготовка для кандидатовъ епископства и вообще священства. Въ подтвержденіе этой мысли можно привести два соображенія: 1) съ древнѣйшихъ временъ уже существовали церковныя школы, долженствовавшія служить рассадниками христіанскаго просвѣщенія (напр., ефесская, александрійская) ³⁾; 2) послѣ избранія кандидата во епископа (или пресвитера), новоизбранный, прежде рукоположенія, подвергался *испытанію*, на которомъ долженъ былъ обнаружить свою вѣру и соответствующія познанія. О такомъ „духовномъ испытаніи“ мы встрѣчали упоминаніе еще у Климента Римскаго ⁴⁾. 80-е правило Апост. тоже говоритъ, что нельзя сразу возводить въ епископское достоинство кого либо изъ новообращенныхъ, „ибо несправедливо еще *не испытанному* быти учителемъ другихъ“. Каноны послѣдующаго времени часто и подробно говорятъ о необходимости подвергать лицъ,

¹⁾ *Диастилосъ*—хирургическій инструментъ для разведенія сомкнувшихся частей.

²⁾ Апост. Пост. II, гл. 5, стр. 20—21.

³⁾ По свидѣтельству *Иринія Лион.* (Прот. ер. II, гл. 22, § 5; ср. *Евсев.* Церк. Ист. III, гл. 1, стр. 112), св. Іоаннъ Богословъ основалъ школу въ Ефесѣ. *Евсевій* (Ц. И. кн. V, гл. 10, стр. 281—282) относитъ основаніе александр. школы къ первымъ временамъ христіанства, а бл. Іеронимъ (*Catalog. Script.*, cap. 36) называетъ ев. Марка первымъ учителемъ этой школы.

⁴⁾ *Клим. Рим. Посл. 1 Коринт.* гл. 42; ср. *Апост. Пост.* кн. II, гл. 2; стр. 12 *ἄδρακῃ τῶν 12 ἀποστόλων* cap. XV, 1; „поставляйте себѣ епископовъ... испытанныхъ (*δοκιμασμένους*)“.

рукополагаемыхъ во епископа (и пресвитера), предварительному *испытанію* ¹⁾. Въ первые вѣка испытаніе это нередко происходило публично, въ присутствіи всей церковной общины ²⁾, — при чемъ „удовлетворительный результатъ испытанія выражался общимъ возгласомъ *ἄγιος*, — памятникомъ чего остается въ настоящее время обрядъ торжественнаго исповѣданія догматовъ вѣры лицомъ, поставленнымъ въ епископы“ ³⁾.

Относительно *частной* жизни и *семейнаго положенія* кандидата епископства т. наз. „Апост. Постановленія“ замѣчаютъ, что „онъ долженъ быть мужъ одной жены однобрачной, хорошо управляющій домомъ своимъ..., долженъ дѣтей своихъ воспитать въ ученіи Господнемъ..., чтобы всѣ его боялись и слушались, ибо если мятутся противъ него и не повинуются ему его же собственники по плоти, то какъ будутъ покоряться ему не домашніе его, когда сдѣлаются для него своими?“ ⁴⁾.. Итакъ, несомнѣнно, что епископы въ первые вѣка были женатыми. „Правила Апост.“ даже запрещаютъ епископу „удаляться отъ брака“ съ иной цѣлью, какъ только „ради подвига воздержанія“ ⁵⁾, запрещаютъ епископамъ изгонять своихъ женъ „подъ видомъ благоговѣнія“ ⁶⁾, — разрѣшаютъ женатымъ епископамъ предъ смертью завѣщать свое имущество родственникамъ ⁷⁾. Конечно, бракъ кандидатовъ епископства (и вообще священства) долженъ былъ удовлетворять извѣстнымъ условіямъ и требованіямъ (они указаны нами выше), несоблюдение которыхъ служило препятствіемъ къ вступленію въ клиръ ⁸⁾. Безбрачіе епископовъ впервые ясно установлено въ VII вѣкѣ на VI-мъ всел. соборѣ, издавшемъ два канона, согласно которымъ епископъ не долженъ жить съ женой послѣ своего

¹⁾ I Вс. соб. прав. 2 и 9; Лаод. 12; Теоф. алекс. 7; VII соб. 2. *Василій Вел.* (прав. 89) говоритъ объ *испытаніи* священнослужителей какъ о древнемъ обычаѣ, всегда свято соблюдавшемся.

²⁾ Теоф. алекс. пр. 7.

³⁾ Проф. А. Павловъ — Цит. соч., стр. 261.

⁴⁾ Апост. Пост. II, гл. 2, стр. 18—19; ср. кн. VI, гл. 17, стр. 188.

⁵⁾ Апост. пр. 51.

⁶⁾ Прав. 5; ср. VI Вс. соб. 13.

⁷⁾ Апост. пр. 40.

⁸⁾ См. Апост. пр. 17, 18, 19, 26.

рукоположенія, но по предварительному взаимному соглашенію долженъ разлучиться съ нею и только отпускать ей средства содержанія ¹⁾. На это соборное постановленіе можно смотрѣть, какъ на утвержденіе древняго благочестиваго обычая, на которой намекаетъ 51-е Апост. правило,—именно, что епископы иногда добровольно, „ради подвига воздержанія“, а не „по причинѣ гнушенія“ бракомъ, *удалялись* отъ послѣдняго ²⁾.

Что касается, наконецъ, *возраста* лицъ, посвящаемыхъ во епископы, то первое ясное указаніе на это находимъ въ „Постановл. Апост.“, гдѣ говорится, что епископъ долженъ быть „не моложе 50 лѣтъ (οὐκ ἔλαττον ἔτων πεντήκοντα), когда онъ освободится нѣкоторымъ образомъ, отъ юношескихъ непристойностей и навѣтовъ отънѣ“ ³⁾, когда достигнетъ полной зрѣлости ума и твердости вѣры. Впослѣдствіи законодательствомъ Юстиніана годы эти были уменьшены: сначала было постановлено, чтобы посвящаемый во епископа былъ не моложе 35 лѣтъ ⁴⁾, а потомъ—чтобы онъ имѣлъ не менѣе 30 лѣтъ ⁵⁾.

Впрочемъ, и въ первые три вѣка церковь не придавала возрасту посвящаемыхъ безусловнаго значенія, обращая главное вниманіе на ихъ духовную зрѣлость и нравственные качества. Такъ ап. Павелъ поставилъ Тимофея епископомъ ефесской церкви въ юныхъ лѣтахъ (1 Тим. IV, 12); св. Григорій чудотворецъ и братъ его Аѳинодоръ „признаны были достойными епископства надъ церквами понтійскими еще въ юныхъ лѣтахъ“ ⁶⁾; св. Игнатій Ант. писалъ Магнезіяцамъ, чтобы они почитали своего „юнаго епископа“—Дамаса, не взирая „на видимую молодость его“ ⁷⁾. Да и сами „Апост. Постановленія“ допускаютъ исключеніе изъ вышеуказаннаго правила относительно зрѣлаго возраста епископа: „если,—читаемъ здѣсь,—въ какой-либо малой области (παροικία) не найдется пожилого человѣка..., достойнаго

¹⁾ Трул. 12 и 48.

²⁾ Ср. *Арх. Иоаннъ*—Цит. соч., т. I, стр. 167—168, 287—290.

³⁾ *Апост. Пост.* кн. II, гл. 1, стр. 16—17.

⁴⁾ *Novell.* 123, с. 1.

⁵⁾ *Novell.* 137, с. 2.

⁶⁾ *Евсев.* Церк. Ист., кн. VI, гл. 30, стр. 366.

⁷⁾ *Игнат. Ант.* Магнез. гл. 3.

епископства, но есть тамъ чловѣкъ молодой..., мудрый, кроткій..., то по испытаніи... да будетъ поставленъ онъ въ мирѣ“ 1).

II. Порядокъ избранія епископа. Соборъ епископовъ; участіе клира и мірянъ.

Когда освобождалась (напр., за смертью епископа) какая-нибудь епископская кафедра, то въ главный городъ вдовствующей парикіи (соврем. „епархіи“) собирались епископы сосѣднихъ областей для избранія новаго епископа и составляли *соборъ* вмѣстѣ съ клиромъ и народомъ данной парикіи. Это подтверждается вышеприведеннымъ свидѣтельствомъ св. Кипріана кареаг. (Epist. 68), въ которомъ ясно говорится, какъ объ „установленіи апостольскомъ, соблюдаемомъ во всѣхъ почти провинціяхъ“, о томъ, что для законнаго поставленія епископа „должны собираться къ тому народу, для котораго поставляется предстоятель, ближайшіе епископы той же провинціи 2) и избраніе должно быть произведено въ присутствіи народа..., по голосованію (suffragio) всего братства и по опредѣленію (iudicio) епископовъ“, не только присутствующихъ лично (qui in praesentia conveniant), но и тѣхъ, которые присылаютъ отъ себя грамоты (qui... litteras fecerant) съ согласіемъ на избраніе 3). Каноническія опредѣленія послѣдующаго времени (съ IV вѣка) показываютъ, что—въ общемъ—такъ же обстояло дѣло и въ эпоху соборовъ: для избранія новаго епископа должны собраться („наиболѣе прилично“) *все* епископы извѣстной области 4), или цѣлый со-

1) *Апост. Постан.* II, гл., 1, стр. 17.

2) *Провинція*—болѣе широкая церковно-административная единица, состоящая изъ нѣсколькихъ парикій или отдѣльныхъ епископій.

3) *Сург. Ер.* 68, р. 286 ВС; cfr. *Epist.* 52, р. 166 В—о грамотахъ, присылаемыхъ отсутствующими епископами. Ср. *Апост. Постан.* VIII, гл. 4—о соборѣ епископовъ, клира и народа при избраніи новаго епископа.

4) I Вс. соб. 4 VII Вс. соб. 3- Въ 4-мъ прав. I Вс. собора рѣчь идетъ („епископа *поставляти*“...), гл. обр., объ избраніи [(ср. VII Вс. соб. пр. 3), а не только объ одной *хиротоніи* новаго епископа,—иначе это правило противорѣчило бы 1-му канону Апост., который разрѣшаетъ хиротонисать новаго епископа „*двумъ* или *тремъ*“ епископамъ, тогда какъ здѣсь говорится о необходимости присутствія *трехъ* епископовъ и о *согласіи* всѣхъ остальныхъ посредствомъ грамоты. См. прекрасное толков. *Зонары и Вальсамона—Збутаѳра*, том. II, сс. 126—123.

боръ¹⁾; если же по какимъ либо причинамъ собраться всѣмъ невозможно, то во всякомъ случаѣ обязаны явиться три епископа, а отсутствующіе „должны изъявить согласіе посредствомъ грамотъ“²⁾; въ случаѣ разногласія епископовъ относительно избираемаго лица дѣло рѣшается большинствомъ голосовъ³⁾; право созванія собора епископовъ и окончательнаго утвержденія выбора принадлежитъ областному митрополиту⁴⁾, послѣ чего уже совершается рукоположеніе⁵⁾. Существенное отличіе порядка избранія епископовъ во II—III вв. состояло, повидимому, только въ томъ, что въ первые три вѣка не было митрополитовъ въ собственномъ значеніи этого слова и, слѣдов. руководящая роль на соборѣ принадлежала кому-то другому. Дѣйствительно, первое упоминаніе о митрополитахъ находимъ въ актахъ I Вселен. собора (прав. 4). а до IV вѣка ихъ замѣняли такъ наз. *примасъ* или *первый епископъ*, т. е. епископъ главнаго города⁶⁾, — о чемъ свидѣтельствуетъ 34-е Апост. правило: „Епископамъ всякаго народа (*ἐκαστου ἑδρους*), подобаетъ знати *перваго* въ нихъ (*του ἐν αὐτοῖς πρώτου*), и признавати его яко главу, и ничего превышающаго ихъ власть не творити безъ его разсужденія“... Впослѣдствіи, путемъ постепенной централизаціи отдѣльныхъ епископскихъ „парикій“ вокругъ епископа главнаго города, составилаь новая, обширная церковная область, обнимающая уже нѣсколько епископій — при чемъ епископъ этой области (прежній *примасъ*) сталъ уже именоваться *митрополитомъ* — отъ названія главнаго города.

1) Антiox. 19; 23; Лавд. 12. Повторенныя выношенія см. стр. 29.

2) I Вс. соб. 4; VII Вс. соб. 3; Ант. 19. Что означаетъ здѣсь „согласіе посредствомъ грамотъ“? Вѣдь, если избраніе еще не состоялось, а только предназначалось на соборѣ то съ чѣмъ же соглашались отсутствующіе епископы? По объясненію Зонары, они соглашались въ томъ, что послѣдуютъ сдѣланному тремя, вмѣстѣ собравшимися епископами избранію“ (Збукара, т. II, с. 123).

3) I Вс. соб. 6; Ант. 19; Каре. 3.

4) Ант. 19; Ве. соб. 4 и 6.

5) I Вс. соб. 4; IV Ве. соб. 28; VII Ве. соб. 3; Каре. 13.

6) Фактъ отсутствія митрополитовъ (даже упоминаній о нихъ) въ теченіи первыхъ трехъ вѣковъ и существованія т. наз. *примасовъ* твердо устанавливаетъ въ наукѣ (см. проф. А. Лебедевъ — Духов. др. церквн. стр. 171 и сл.; проф. Гидуляновъ — Митрополиты въ первые 3 вѣка христіанства. Москва, 1905; Арх. Иоаннъ — Цит. соч. гл. I, стр. 298—297).

(*μητροπολις*) въ греко римскомъ государствѣ, а самая область (митрополія), соотвѣтствовавшая обыкновенно политической провинціи, въ каноническихъ источникахъ того времени называется *епархіей* (*επαρχια*)¹⁾. Хотя отношеніе митрополита къ епархіальнымъ (точнѣе „парикійнымъ“) епископамъ и

1) Антиох. 9) Каре. 27; I Вс. соб. 4 и 3; ср. *Арх. Иоаннъ—Цит. с. I, 399; Еп. Никодимъ—Церк. право, стр. 291, 303—326.*—Такимъ образомъ, хотя самый титулъ „митрополитъ“ встрѣчается *впервые* въ канонахъ IV вѣка, не должно казаться страннымъ, что въ каноническихъ опредѣленіяхъ этого вѣка митрополитанскій институтъ разсматривается, какъ нѣчто уже вполне опредѣленное и сложившееся, а не вновь учреждаемое. Это—потому, что „первенствующіе епископы“ или *примасы*, о которыхъ говоритъ 34 Апост. правило, были уже въ первые три вѣка какъ бы предшественниками митрополитовъ и —отчасти—носителями ихъ власти, а съ IV вѣка превратились въ митрополитовъ путемъ естественной, такъ сказать, церковно-исторической эволюціи, безъ всякихъ споровъ и церковныхъ разногласій. Мы не можемъ входить въ подробное изслѣдованіе исторіи митрополитанскаго института (интересующихся отсылаемъ къ соч. проф. А. П. Лебедева—*Духовенство древней церкви, стр. 170—191*); посему, ограничимся краткимъ замѣчаніемъ по данному вопросу. Епископы меньшихъ городовъ въ силу историческихъ условій постепенно становились въ нравственную и административную зависимость отъ епископовъ главныхъ провинціальныхъ городовъ, гдѣ раньше утвердилось христіанство, или гдѣ были первые преемники апостоловъ; на соборахъ помѣстныхъ обычно предсѣдательствовалъ епископъ главнаго города; къ нему естественно обращались за разрѣшеніемъ различныхъ церковныхъ вопросовъ... Все это возвышало его авторитетъ въ глазахъ собратій (ср. *Лебедевъ—Цит. с., т. стр. 172—173*; проф. А. Павловъ—*Курсъ церк. права, стр. 254; Арх. Иоаннъ—Цит. с., т. I, стр. 178; Еп. Никодимъ—Цит. соч., стр. 304*). Вполнѣ естественно, что съ появленіемъ первыхъ соборовъ въ церкви (въ 1/2 II вѣка) эти „примасы“ выступаютъ уже почти въ роли митрополитовъ: св. Ирией Лионскій, напр., пишетъ посланіе къ церкви римской „отъ лица всѣхъ Галльскихъ епископовъ и братій“, т. е. отъ лица цѣлой церковной области—Галліи, такъ обр. дѣйствуетъ, какъ митрополитъ; на Востокѣ во главѣ церкви Азійскихъ стоитъ Поликрать, который пишетъ посланіе епископу римскому Виктору (о праздн. Пасхи) отъ лица многихъ предстоятелей—епископовъ, *созванныхъ имъ на соборъ*, среди Понтийскихъ епископовъ *первенствуетъ старшій изъ нихъ Палма*“ и т. д. (*Евсев. II, Ист. кн. V, гл. 23—24, стр. 306—309*). Въ III вѣкѣ является уже цѣлый рядъ *епископовъ примасовъ* съ преобладающей властью, которая простирается иногда на весьма значительныя области: таковы, кромѣ епископовъ римскаго, александрійскаго и антиохійскаго, епископы—карагенскій, лаодикійскій, кесаріе—каппадокійскій и др. (см. проф. А. Лебед.—*Цит. соч., стр. 181 и сл.*)

вообще права его въ церковномъ управленіи точно опредѣлены уже въ IV вѣкѣ¹⁾,—однако, можно думать, что и „примась“ (πρωτος) первыхъ трехъ вѣковъ имѣлъ права, отчасти аналогичныя митрополическимъ, по крайней мѣрѣ—въ дѣлѣ избранія и поставленія епископовъ (созывъ помѣстного собора, утвержденіе выборовъ и проч.). За это ручается какъ вышеописанный намъ (см. примѣч. на пред. стр.) процессъ незамѣтнаго превращенія (съ IV вѣка), первыхъ епископовъ“ въ митрополитовъ, такъ и точный смыслъ упомянутаго 34-го Апост. Правила. Остановимся нѣсколько на этомъ послѣднемъ.

Такъ наз. 34-е правило Апост. гласитъ: „Епископамъ всякаго народа (ἐκαστου ἑθνους) подабаеть знати *перваго въ нихъ* (τὸν ἐν αὐτοῖς πρωτον), и признавати его яко главу (ὡς κεφαλήν), и ничего превышающаго ихъ власть не тварити *безъ его разсужденія* (ἀνευ τῆς ἐκείνου γνώμης): творити же каждому только то, что касается до его епархіи (παροικία)... Но и первый ничего да не творитъ *безъ разсужденія всѣхъ*“... По вопросу о точномъ смыслѣ и значеніи этого правила нѣсколько лѣтъ тому назадъ велась оживленная полемика между проф. Н. А. Заозерскимъ и Н. Глубоковскимъ²⁾. Не имѣя возможности излагать детали означенной полемики, укажемъ—въ чемъ ея

1) Изъ этихъ правъ для насъ имѣютъ особ. интересъ вышеупомянутыя права митрополита, касающіяся: созыванія областныхъ соборовъ и предсѣдательствованія на нихъ (I Вс. соб. пр. 6; IV Вс. соб. пр. 19; Антиох. 19), попеченія о праздныхъ епископскихъ каедряхъ, руководство при избраніи и рукоположеніи епископовъ (I Вс. соб. кр. 4 и 6; Антиох. 9 и 19) и т. н. Полный перечень правъ митрополита у *Еп. Никодима*—Прав. Церк. право, стр. 327—328; ср. проф. А. Павловъ—Цит. соч., стр. 254.

2) Полемика эта возгорѣлась въ 1906 году по поводу разсужденій объ автокефаліи Грузинской церкви, бывшихъ въ Высочайшіе утвержд. Предсоборномъ Присутствіи при св. Синодѣ. См. проф. Н. Глубоковскаго—Къ толкованію 34-го апостольскаго правила (Церк. Вѣд. 1907 г., № 10. Дополн. къ Журн. и Проток. Предсоб. Присут. по II Отдѣлу стр. 319—320) и „Смыслъ 34-го апост. правила“ (отвѣтъ на возраженія Н. Заозерскаго. Богосл. Вѣст. 1907, т. II, стр. 731—751); проф. Н. А. Заозерскаго „Топографическій смыслъ 34-го Апостольскаго правила“ (Богосл. Вѣстн. 1907 г. т. II, стр. 343—356) и „Точный смыслъ и значеніе Апостольскаго 34-го правила“ (по поводу статьи Глубоковскаго „Смыслъ 34-го апостольскаго правила“. Богосл. Вѣстн. 1907 г., т. III, стр. 770—784).

сущность. Проф. Н. Глубоковскій, примѣняя 34-е Апост. правило къ рѣшенію вопроса объ автокефаліи Грузинской церкви, вмѣстѣ съ большинствомъ другихъ членовъ Предсоб. присутствія, является защитникомъ *топографическаго* (точнѣе территоріальнаго) пониманія этого правила,—тогда какъ проф. Заозерскій отстаиваетъ *этнографическій* смыслъ 34-го Апост. правила. Изъ византійскихъ схоластовъ I. Зонара благопріятствуетъ первому мнѣнію, а Вальсамонъ и Аристинъ—второму¹⁾. Справедливость требуетъ признать, что *этнографическое* пониманіе гораздо больше соотвѣтствуетъ тексту 34 Апост. правила. Защитники *топографическаго* смысла совершенно произвольно понимаютъ термины ἔθνος (народъ) и πρῶτος (первый) въ смыслѣ ἐπαρχία (политич. область, гражданская провинція) и μητροπολίτης (митрополитъ епископъ главнаго города гражданской провинціи) и потому утверждаютъ, что „34-е Ап. правило говоритъ о митрополитской системѣ церковнаго устройства“. Но мы уже видѣли, что эта система введена только 1-мъ всел. соборомъ и что до IV вѣка (какъ обстоятельно выясняется изъ соч. проф. Гидулянова—„Митрополиты въ первые три вѣка“) нельзя найти ни какихъ слѣдовъ существованія областныхъ митрополитовъ, а несомнѣнно только существованіе „примасовъ“ въ отдѣльныхъ *національныхъ* церквахъ.

1) Σύστασις τῶν θείων... κανόνων (Асην. 1852), том II, сел. 45 (толков. Зонары), 46—47 (толк. Вальсамона и Аристина). Извѣстный русскій канонистъ, еп. Іоаннъ Смол., тоже склоняется въ сторону этнографическаго пониманія. „Апостольское правило,—говоритъ онъ,—въ каждомъ христіанскомъ народѣ (ἔθνος), составляющемъ частную или помѣстную церковь, представляетъ нѣсколько епископовъ, изъ которыхъ каждый управляетъ ввѣреннымъ ему удѣломъ паствы (παροικία), состоящимъ изъ нѣсколькихъ городовъ, или селеній (χωρα), а всѣ сии епископы имѣютъ надъ собою одного начальствующаго епископа, яко главу, который между ними есть первый (ὁ ἐναυτοῖς πρῶτος). Въ отношеніи къ Апостольскому вѣку и временамъ, къ нему ближайшимъ, первыми епископами въ помѣстныхъ церквахъ, безъ сомнѣнія, почитались первые преемники апостольскіе..., особенно въ знатнѣйшихъ мѣстахъ извѣстныхъ тогда странъ и областей (Іерусалимъ, Ефесъ, о Критъ)“. 34-е Апост. правило „говоритъ только о частномъ главенствѣ, въ помѣстныхъ церквахъ..., и не только управленіе церковью представляетъ раздѣльнымъ,—каждый подъ своею главою,—но и каждую такую главу ограничиваетъ общимъ голосомъ всѣхъ мѣстныхъ епископовъ“ (—противъ католической идеи о приматствѣ папы) Арх. Іоаннъ—Цит. соч. т. I стр. 177—179.

Отстаивая, соответственно точному значенію слова *ἔθνος*, національный, племенной, этнографическій смыслъ 34-го правила и анализируя содержаніе его, проф. Заозерскій выдѣляетъ въ немъ слѣдующіе основные элементы: а) христіанскій *народъ* (помѣстная національная церковь); б) епископы — представители общинъ; в) примасъ ихъ; г) соборъ подъ предсѣдательствомъ примаса, какъ высшій законодательный органъ помѣстной церкви. Такимъ образомъ,—а) въ основу церковнаго самоуправленія здѣсь полагается національность, —что выражается терминомъ *ἔθνος*—народъ, нація, *языкъ*¹⁾, —и „вся церковь Христова представляется духовнымъ союзомъ или федераціей *національныхъ*, самоуправляющихся церквей“; б) автокефальную народную церковь составляютъ христіанскія общины во главѣ съ предстоятелемъ—епископомъ, который въ предѣлахъ своей территоріи, называемой *парохія* и состоящей изъ города (*πόλις*) и прилегающихъ къ нему селъ (*χώραι*), является вполнѣ самостоятельнымъ правителемъ, подчиняясь лишь высшей законодательной инстанціи—*собору* (ср. Ап. прав. 37)²⁾; в) „равные между собою и взаимно независимые епископы должны однако же признавать перваго между ними (*πρῶτος ἐν αὐτοῖς*) и почитать его какъ главу (*ὡς κεφαλὴν*), и ничего превышающаго ихъ епархі-

1) Проф. Н. Заозерскій.—„Точный смыслъ и значеніе 34 Апост. правила“ (Богословскій Вѣстникъ 1907, томъ III, стр. 773 и сл.). Въ такомъ способѣ обозначенія предѣловъ самоуправляющейся церкви профессоръ Заозерскій видитъ исключит. особенность 34 Апост. правила, ибо въ послѣдующихъ канонахъ (съ IV в.) предѣлы церковнаго управленія разграничиваются примѣнительно къ политически—территориальному распредѣленію греко-римской имперіи въ провинціи, діоцезы и т. п. (IV Вс. соб. пр. 17). Это свидѣтельствуетъ о происхожденіи 34-го Ап. правила въ болѣе раннюю эпоху—первыхъ трехъ вѣковъ, когда политическое дѣленіе на провинціи „не было еще сформировано съ этническими разностями и было настолько измѣнчиво и случайно, что приспособляться къ нему для церкви не было никакихъ побужденій“ (loc. cit. стр. 775; ср. также Н. Заозерскій. „Топографич. смыслъ 34-го Апост. правила“—Богословскій Вѣстникъ. 1907, томъ II, стр. 352—353).

2) Н. Заозерскій. „Точный смыслъ и значеніе 34 прав.“ (loc. cit., стр. 779). И въ этомъ профессоръ Заозерскій справедливо усматриваетъ типическія червы церковнаго устройства первыхъ трехъ вѣковъ, ибо въ послѣдующее время „свобода епископовъ значительно была ограничена административнымъ воздѣйствіемъ митрополита“ (стр. 779—780).

альную компетенцію не дѣлать безъ его вѣдома, но также — и онъ безъ вѣдома ихъ“: терминъ *πρῶτος ἐν αὐτοῖς*, встрѣчающийся еще только въ т. н. „Апост. Постановл.“ (кн. VIII, гл. 4), въ послѣдующихъ канонахъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ замѣняется терминами *μητροπολίτης, ἑξάρχος, πατριάρχος* и другими, свидѣтельствующими вообще о томъ, что „церковная централизація стала приспособляться къ политической или государственной централизаціи, такъ какъ и сама церковь... стала имперской церковью“¹⁾ г) *примасъ*, какъ органъ церковно-правительственной власти, пользуется среди другихъ епископовъ автокефальной народной церкви исключительнымъ правомъ чести, „яко глава“, но отнюдь не составляетъ какой-либо высшей степени іерархіи или даже высшей законодательной инстанціи, каковою является только *соборъ* помѣстной національной церкви: примасъ есть „только *предсѣдатель собора* и больше ничего“²⁾. Отсюда открывается и главное отличіе митрополита IV вѣка (какъ „модифицированнаго“ 1-мъ Всел. соборомъ примаса) отъ первенствующаго епископа (*πρῶτος*) первыхъ вѣковъ: а) митрополитъ есть первый епископъ не цѣлой національной церкви, а только государственной административной (и территориальной) единицы („провинціи“, *ἐπαρχία*); б) митрополитъ есть не только предсѣдатель собора, но и единоличный начальникъ надъ епископами своей провинціи (ср. Кар. 32; I Вс. соб. 6 и друг.³⁾).

Изложенное толкованіе 34-го Апост. правила проливаетъ свѣтъ на роль и значеніе „перваго епископа“ (примаса) II—III вѣковъ при избраніи и поставленіи новыхъ епископовъ въ отдѣльныхъ парикіяхъ и подтверждаетъ высказанное нами мнѣніе, что эта роль нѣсколько аналогична правамъ митрополита въ этомъ отношеніи, точно опредѣленнымъ канонами вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ (съ IV вѣка). Дѣйствительно, и въ рассматриваемую нами эпоху (II—III в.в.) при избраніи епископовъ на соборѣ былъ пред-

1) Профессоръ *Заозерскій*, loco cit., стр. 780—781. Отмѣненный на востокѣ титулъ *примаса* долго еще сохранялся на западѣ: въ древнихъ латинскихъ переводахъ 6-го прав. I Вс. собора, установившаго титулъ *митрополита*, стоитъ заглавіе: „*De primatibus, qui... etc., или: Ecclesia romana semper habuit primatum* (idid).

2) Проф. *Н. Заозерскій*, ibid., стр. 782.

3) Ср. проф. *Н. Заозерск.* loco cit., стр. 783.

сѣдатель, который въ „Апост. Постановл.“ (lib. VIII, cap. 4) называется „πρῶτος τῶν ἐπισκόπων“ или „πρόκριτος“ (princeps episcopus, *примасъ*). Хотя онъ, конечно, будучи *главой* соборнаго, согласно 34-му Ап. правилу, въ свою очередь не долженъ былъ ничего дѣлать „безъ общаго разсужденія“ и согласія другихъ епископовъ ¹⁾),—однако, ему на соборѣ усвоится (по „Апост. Постан.“, см. ниже) *руководящая* роль: „примасъ“, можно сказать, ведетъ все дѣло избранія, предлагаетъ вопросы клиру и народу и т. п. 6-е правило I Всел. собора, поставляющее необходимымъ условіемъ законнаго избранія епископа „соизволеніе“ областного митрополита, можетъ быть отнесено и къ *примасу* первыхъ вѣковъ, ибо, перечисляя „преимущества“ различныхъ церквей и областныхъ іерарховъ, соборъ основываетъ свое правило на *обычаяхъ*, которые называетъ *древними*; а это вполнѣ соотвѣтствуетъ 34-му Апост. правилу, повелѣвающему признавать „первенствующаго“ епископа области „яко главу“ ²⁾).

Участіе клира и народа въ избраніи епископовъ уже достаточно доказано нами выше на основаніи свидѣтельствъ каноническихъ и церковно-историческихъ памятниковъ первыхъ трехъ вѣковъ. Остается добавить немного и выяснить—въ чемъ собственно состояло это участіе паствы въ выборѣ епископа, каковы были ея права въ этомъ отношеніи. Св. Кипріанъ кареаг. въ одномъ изъ своихъ писемъ, въ которыхъ онъ вообще такъ часто повторяетъ, что „епископъ поставляется по свидѣтельству клириковъ, съ согласія народа“ ³⁾), мотивируетъ участіе народа въ этомъ дѣлѣ тѣмъ соображеніемъ, что „въ присутствіи народа могутъ открываться и преступленія порочныхъ людей, и заслуги добрыхъ, и потому только то избраніе можетъ быть вполнѣ справедливо, которое происходитъ съ общаго голоса и сужденія всѣхъ“ ⁴⁾). Такъ наз. „Апост. Постановленія“ предписываютъ, чтобы въ день всенароднаго объявленія объ избранномъ кандидатѣ главный изъ епископовъ *тремя* *кратно* вопрошалъ клиръ и народъ—„тотъ-ли это, кого они

1) Ср. *арх. Иоанна*—цит. соч., I, стр. 178.

2) Ср. *арх. Иоанна*—цит. с., стр. 296—297.

3) Epist. 52 (Oxon. 55), p. 167 A.

4) *Cyprian. Epist.* 68, p. 285 B.

избрали“¹⁾. Тѣже „Постан. Апостольскія“ позволяютъ уступать волѣ народной въ томъ случаѣ, если избираемый во епископа кандидатъ не имѣетъ законнаго возраста (50 л.), или даже очень молодъ, но „весь народъ желаетъ его и свидѣтельствуется о его достоинствахъ“²⁾. Византійскій схолиастъ Вальсамонъ утверждаетъ, что „въ древности избраніе епископовъ совершалось множествомъ гражданъ (*παρά τοῦ πλήθους τῶν πολιτῶν*“³⁾). Насколько уважалась народная воля при избраніи епископовъ въ первые вѣка, объ этомъ свидѣтельствуется повѣствованіе Евсевія Кесарійскаго объ избраніи Фабіана во епископа Римскаго (въ III в.). „Когда всѣ братія, рассказываетъ историкъ, собрались въ церковь для рукоположенія того, кто получитъ епископство, и когда многіе помышляли о многихъ мужахъ знаменитыхъ и славныхъ, находившійся тамъ же Фабіанъ и на мысль никому не приходилъ. Но въ то самое время внезапно слетѣлъ сверху голубъ и сѣлъ на его голову, представляя собою образъ Св. Духа... Тутъ *весь народъ*, подвигнутый какъ бы единымъ божественнымъ Духомъ, вдругъ съ совершенной готовностью и единомысліемъ провозгласилъ Фабіана достойнымъ (*ἄξιος*) и тотчасъ *возвелъ* его на епископскій престолъ“⁴⁾. Здѣсь, быть можетъ, простой случай былъ принятъ народомъ за указаніе свыше; однако, церковная власть не противодѣйствуетъ народной волѣ.

Еп. Георгій въ своемъ изслѣдованіи объ избраніи епископовъ⁵⁾ отстаиваетъ ту мысль, что избраніе новаго епископа въ древней церкви было дѣломъ исключительно собора *епископовъ*; народъ только присутствовалъ при избраніи, могъ высказывать свои пожеланія и просьбы относительно кандидатовъ,—словомъ, принималъ „просительное участіе“ въ избраніи епископовъ, но это отнюдь „не было его право“: выходить, слѣд., что народъ *участвовалъ* въ избраніи, не имѣя на то никакого *права* (*sic!*)... Авторъ, впро-

1) *Апост. Постан.* кн. VІІІ, гл. 4. Подр. изложеніе см. ниже.

2) Тамъ-же, кн. II, гл. 1, стр. 17.

3) *Balsam.* ad cap. 4 I Nicaen. Concil. (Ἐβνταῦμα, том. II, с. 123).

4) *Евсев.* Цер. Ист., кн. VI, гл. 29, стр. 365.

5) „Избраніе епископовъ въ древней Церкви“ (Вѣра и Разумъ, 1906, № 6, стр. 257—278).

чемъ, такъ и говорить: „изъ нѣкоторыхъ замѣчаній древнихъ историковъ можно вывести то заключеніе, что народъ такого права не имѣлъ, что онъ *участвовалъ* въ избраніяхъ *безъ этого права*“¹⁾. Трудно, конечно, понять—какъ это можно *участвовать* въ какомъ-нибудь дѣлѣ, *не имѣя права* на это участіе... Нужно замѣтить, впрочемъ, что еп. Георгій въ своемъ изслѣдованіи „объ избраніи епископовъ въ древней церкви“ имѣетъ въ виду исключительно эпоху вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и рассматриваетъ только каноническія опредѣленія этихъ соборовъ (начиная съ IV вѣка), относящіяся къ данному вопросу: Однако, едвали можно такъ рѣзко отдѣлять эпоху соборовъ, т. е. 4-й и послѣд. вѣка, отъ первыхъ трехъ вѣковъ, въ теченіи которыхъ участіе паствы въ избраніи епископовъ было столь значительно и явно, что отрицать его значило было закрывать глаза на фактъ... Мы уже имѣли случай говорить о томъ, что Церковь вообще консервативна въ своихъ дѣйствіяхъ и всегда сообразуетъ ихъ съ примѣрами прошлаго, въ силу чего въ ней преобладаетъ *обычное право*. Теперь можемъ подтвердить эту мысль, ссылкой на церковно-историческіе источники, которые сохранили намъ ясныя слѣды участія паствы при избраніи епископовъ даже въ 4-мъ и 5-мъ вѣкахъ,—не смотря на то, что уже въ концѣ III вѣка замѣчается явная тенденція къ возвышенію клира надъ мірянами²⁾. Церковь эпохи соборовъ въ своихъ каноническихъ опредѣленіяхъ очень часто ссылается на *древніе обычаи* и на „святыхъ достославныхъ отцовъ“, которымъ весьма нерѣдко и подражаетъ³⁾. Но, при извѣстной тенденціи, этихъ фактовъ, свидѣтельствующихъ объ участіи паствы въ избраніи епископовъ, обычно не замѣчаютъ, или же сознательно ихъ перетолковываютъ. Приведемъ нѣкоторыя доказательства,—причемъ—для краткости—изложимъ ихъ по пунктамъ.

1) Ibid., стр. 251, 275—276. Курсивъ нашъ.

2) Ср. *Апост. Постан.* кн. II, гл. 27, стр. 57—58. Стремленіе выдѣлить клиръ отъ мірянъ проф. *Лебедевъ* считаетъ „типическою чертою III вѣка“ (Цит. соч., стр. 122 и сл.).

3) Вс. соб. 6, 7 и 15; II Вс. соб. 2; IV Вс. соб. 28; VI, Вс. соб. 2 13; *Вас. Вел.* прав. 87 и 89.

1) Многіе изъ выдающихся отцовъ и учителей Церкви IV вѣка ревностно поддерживали своимъ авторитетомъ древнюю практику избранія епископовъ съ участіемъ клира и народа. Амвросій Медиоланскій въ одномъ изъ своихъ посланій (Epist. 95) настаиваетъ, „чтобы, *по примѣру отцевъ*, избраніе епископа производилось съ согласія народа, и чтобы не давалось дѣлу никакого хода, если народъ не соглашается принять предлагаемаго ему епископа“. Василиій Великій въ письмѣ къ неокесарійцамъ представляетъ избраніе епископа дѣломъ народнымъ, для каждаго изъ нихъ какъ-бы собственнымъ, предупреждая, что „при томъ или другомъ окончаніи дѣла каждый самъ вкуситъ первый плоды его ¹⁾... И въ V вѣкѣ папа Левъ Великій говоритъ о важномъ значеніи участія паствы въ избраніи епископа: „Никто да не поставляется противъ воли и желанія народа, чтобы народъ... не возненавидѣлъ и не сталъ презирать нежелательнаго ему епископа и не потерялъ должнаго благоговѣнія, разъ ему не позволяютъ *имѣть епископомъ того, кого онъ желалъ*“ (Epist. 89). Тотъ же папа о епископахъ замѣчаетъ: „кто долженъ предстоятельствовать всѣмъ, тотъ долженъ быть и выбранъ всѣми“ ²⁾.

2) Даже нѣкоторые соборы IV вѣка высказываются въ пользу избранія епископовъ народомъ. Такъ, напр., 1-й Вселен. соборъ въ своемъ окружномъ посланіи пишетъ: „по кончинѣ кого либо изъ епископовъ на его мѣсто можетъ быть возведенъ и новообращенный, если только онъ будетъ того достоинъ и *народомъ избранъ*, съ согласія и утвержденія главнаго епископа“ ³⁾.

3) По *единогласному желанію* и при очень живомъ участіи народа избраны были на епископскія кафедры такіе выдающіеся іерархи IV вѣка, какъ Амвросій Медиоланскій,

1) Письмо 28-е Твор. *Василія Великаго*, ч. VI стр. 74. Серг. Посадъ, 1892.

2) Проф. А. *Лебедевъ*—цитир. соч., стр. 148.

3) Посланіе 1-го Всел. соб. Александрійской церкви и христіанамъ Египта, Ливіи и Пентаполя—у *Сократа*—Церк. ист., кн. I, гл. 9, стр. 48. См. у *Лебедева* (loc. cit.) правило Иппонскаго (въ Африкѣ) собора.

Аванасій Александр., Іоаннъ Златоустъ ¹⁾, затѣмъ—Синезій Птолемаидскій и нѣкоторые другіе ²⁾).

4) Правила нѣкоторыхъ соборовъ IV вѣка, указывающія на случаи непринятія епископа народомъ (Анкир. 18; Антиох. 18; ср. Апост. пр. 36), даютъ еп. Георгію основаніе заключать, что народъ не игралъ почти никакой роли въ избраніи епископовъ: „какъ возможно было бы, говоритъ онъ, непринятіе епископа епархіей (или народомъ), если бы епископъ избирался народомъ и клиромъ?“ ³⁾. Однако, тѣ же вышеозначенные соборные каноны другимъ изслѣдователямъ представляются въ совершенно иномъ видѣ и даютъ поводъ къ обратному заключенію. Такъ, напр., 18 прав. Анкирскаго собора (314 года) опредѣляетъ, что если какой нибудь епископъ, будучи избранъ и рукоположенъ, не будетъ однакожь принятъ той паствой, для которой онъ поставленъ, и станетъ вторгаться въ другія епархіи, производя тамъ безпорядки—съ цѣлью занять кафедру, то онъ долженъ быть отлученъ отъ церковнаго общенія. По мнѣнію проф. А. Лебедева, приведенное правило имѣетъ въ виду тотъ случай, когда—напр.,—епископъ избранъ паствой не единогласно, а по большинству голосовъ, но потомъ—при вступленіи его въ должность—возымѣло преобладаніе меньшинство, къ которому присоединилась и часть прежняго большинства; новый епископъ, естественно, встрѣчаетъ себѣ сильное противодѣйствіе. Правило такому епископу даетъ, по словамъ Лебедева, „одинъ и единственный совѣтъ (хотя прямо и не высказанный)—примириться со своимъ несчастнымъ жребіемъ“. И въ этомъ нашъ покойный историкъ усматриваетъ очевидное доказательство того, что „воля народная уважалась даже въ томъ случаѣ, когда она творила явное беззаконіе,—ибо избрать себѣ епископа и потомъ его же не принять—это крайняя степень самовластія; однако, церковь мирилась съ этимъ самовластіемъ, ограждая принципъ свободы выборовъ“ ⁴⁾. Итакъ, одинъ и тотъ же канонъ понимается

¹⁾ *Сократъ*—Церк. Ист. IV, гл. 30, стр. 373; VI, гл. 2, стр. 450; *Арх. Іоаннъ*—Цит. соч. т. I, стр. 293.

²⁾ *Пр. Лебедевъ*—Цит. соч., стр. 149 и 151.

³⁾ *Еп. Георгій*—*loc. cit.*,—стр. 270—271.

⁴⁾ *Пр. А. Лебедевъ*—Цит. соч., стр. 121.

въ двухъ, совершенно исключаютъ другъ друга, смыслахъ,—сообразно преслѣдуемымъ двумя несродными по духу комментаторами противоположнымъ цѣлямъ!.. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что всѣ вышеупомянутыя правила сами по себѣ отнюдь не свидѣтельствуютъ объ избраніи епископовъ въ IV в. безъ участія народа и клира, а скорѣе показываютъ обратное. Въ этомъ случаѣ мы можемъ сослаться на такой авторитетъ, какимъ является нашъ старый отечественный канонистъ—еп. Іоаннъ Смоленскій. Комментируя¹⁾ Апостольское правило (14-е), запрещающее епископу самовольно переходить изъ своей епархіи въ другую, онъ говоритъ: такъ какъ въ избраніи епископа *участвовала вся мѣстная церковь*, и большею частью *избирала его* изъ своего клира, то перемѣщеніе епископа съ одной кафедры на другую не могло быть пріятно ни той цаствѣ, которую онъ оставлялъ, *бывъ ею избранъ для себя*, ни той, къ которой онъ переходилъ, не бывъ избранъ ею. Оттого происходили иногда возмущенія народа, не хотѣвшаго принять къ себѣ незнаемаго, или *не имъ избраннаго* пастыря (смот. Антиох. 18; Апост. 36)²⁾.

б) Наконецъ, распри и волненія народа при выборахъ епископовъ, особенно въ IV—V вв., о чемъ такъ часто упоминаетъ историкъ Сократъ³⁾, во всякомъ случаѣ, говорятъ не въ пользу мнѣнія о безправіи народа въ этихъ церковныхъ дѣлахъ. Подобныя проявленія народнаго темперамента, часто рѣшавшія исходъ дѣла (напр., при избраніи Аѳанасія Ал.), свидѣтельствуютъ не о томъ, что „народъ присваивалъ себѣ право избранія, котораго въ дѣйствительности не имѣлъ“⁴⁾, а скорѣе о томъ, что онъ, активно пользуясь своимъ правомъ, не всегда умѣлъ держать себя въ предѣлахъ умѣренности, выходилъ за границы,—что и повело впоследствии къ ограниченію его правъ въ дѣлѣ избранія епископовъ и вызвало рядъ соответствующихъ каноническихъ опредѣленій.

1) *Арх. Іоаннъ*—Цит. соч., т. I, стр. 157.

2) Ср. также *Арх. Іоаннъ* стр. 182 и 348.

3) *Сокр. Церк. Ист.*, кн. IV, гл. 30, стр. 373; V, 5, стр. 392; VI, гл. 11, стр. 476; VII, гл. 7, стр. 512—513; ср. II, гл. 16, стр. 145 сл.

4) *Еп. Георгій*—loc. cit., стр. 274—375.

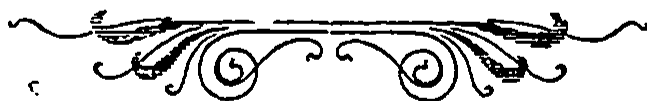
Но мы нѣсколько уклонились отъ интересующей насъ эпохи. Въ чемъ же—собственно—состояло и выражалось участіе народа при избраніи епископовъ во II—III вѣкахъ? На основаніи всего вышеизложеннаго слѣдуетъ признать, что народъ всегда неизмѣнно присутствовалъ при избраніи новаго епископа, совершаемомъ на Соборѣ, свидѣтельствовалъ предъ епископами о достоинствахъ, личныхъ качествахъ и образѣ жизни избираемыхъ лицъ, высказывалъ свое согласіе или несогласіе принять предлагаемаго епископами кандидата, или же самъ указывалъ то лицо, которое желалъ имѣть у себя предстоятелемъ, и соборъ, по дознаніи о нравственныхъ качествахъ избранника народа, утверждалъ его. Правда, „соборъ могъ и не утвердить народнаго выбора, но онъ ни въ коемъ случаѣ не долженъ былъ поставлять епископа, негоднаго мѣстной церковной общинѣ“: если народъ высказывался противъ кандидата, выставленнаго епископами, или прямо осуждалъ его, то мнѣніе народа было тщательно изслѣдуемо соборомъ, послѣ чего нерѣдко приступали къ избранію другого кандидата. Голосъ народа, слѣдовательно, былъ такъ же компетентенъ, какъ и голосъ епископовъ, и безъ общаго одобренія народа (которое выражалось на выборахъ восклицаніемъ „ἀξιος“) никто не могъ быть поставленъ епископомъ¹⁾. По достиженіи общаго соглашенія между народомъ, клиромъ и епископами, избранный кандидатъ утверждался соборомъ епископовъ, или же главнымъ епископомъ, *примасомъ* (впослѣдствіи—областнымъ митрополитомъ), и тогда уже приступали къ рукоположенію его. Такимъ образомъ, *окончательное рѣшеніе* выбора (утвержденіе, постановленіе—*κατάστασις*) принадлежало, можно думать, духовной власти—собору епископовъ: народъ предлагалъ извѣстное избранное имъ лицо, а іерархическая власть признавала (утверждала) выборъ и возводила избраннаго въ епископское достоинство; если же соборъ предлагалъ своего кандидата, то народъ давалъ отзывъ о немъ, выражалъ свое согласіе или несогласіе. Народу, по словамъ еп. Никодима, „принадлежитъ въ этомъ случаѣ *votum con-*

1) Ср. проф. Павлова—Курсъ церк. пр., стр. 237; *Еп. Никодимъ*—Прав. церк. право,—стр. 364; *Арх. Іоанна*—Цит. соч. I, 292—293.

sultivum, testimoniale и вообще consensus“²⁾),—такъ что и весь соборъ здѣсь выступаетъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ самой идеей соборности, какъ „такой органъ церковнаго управленія, чрезъ который *высказывается вся церковь* въ своемъ каѳолическомъ единствѣ..., гдѣ епископы рѣшаютъ при совѣтѣ и съ согласія клира и мірянъ“¹⁾, т. е. всей паствы²⁾).

Θ. Владимірскій.

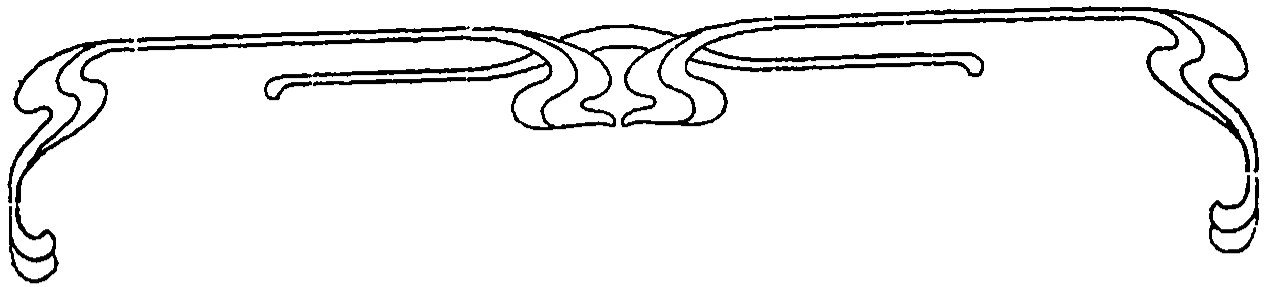
(Окончаніе будетъ).

2) *Еп. Никодимъ*—Цит. соч., стр. 249, пр. 12.

1) Θ. Мищенко—Къ вопросу о составѣ предстоящаго собора русской церкви, стр. 43—44. Кіевъ 1906.

2) Въ подтвержденіе мысли, что окончательное рѣшеніе выбора принадлежало *собору епископовъ*, иногда ссылаются на 36 Апост. правило, которое гласитъ: „Аще кто бывъ рукоположенъ во епископа, не приметъ служенія и попеченія о народѣ, ему порученнаго, да будетъ отлученъ, доколѣ не приметъ онаго... Аще же пойдетъ туда, и не будетъ принять, не по своей волѣ, но по злобѣ народа: онъ да пребываетъ епископъ, клиръ же града того да будетъ отлученъ за то, что таковаго непокориваго народа не учили“ (ср. Антиох. 18). Но слѣдуетъ помнить, что правило это, какъ мы показали выше, нисколько не умаляетъ роли и значенія народа въ избраніи епископовъ. Оно опредѣляетъ только: а) что поставленный во епископа не можетъ отказаться отъ исполненія своего долга, и въ случаѣ непринятія его по какимъ либо причинамъ той паствой, для которой онъ поставленъ, долженъ ожидать рѣшенія собора о своей личности (ср. Анкир. 18; Антиох. 18); б) что противъ законно-избраннаго (по согласію епископовъ, клира и народа) епископа никто уже не имѣетъ права протестовать,—а въ случаѣ проявленія такого протеста и противозаконной „злобы народа“—долженъ быть наказанъ клиръ, не сумѣвшій поддержать должнаго порядка и устранить своеволие народа своимъ пастырскимъ вліяніемъ на него (ср. *Еп. Никодимъ*—Цит. соч., стр. 364—5 и 370; *Арх. Іоаннъ*—Цит. соч., т. I, стр. 182).

НАУКА БЕЗЪ РЕЛИГИИ.

(Продолженіе *).

Мальверъ говоритъ еще: „даже евангелія не вполнѣ согласны ни въ указаніи времени его (Исуса Христа) рожденія, ни продолжительности его жизни“. Къ этому заявленію Мальверъ уже приводитъ основаніе. Посмотримъ, что это за основаніе. Въ подстрочномъ примѣчаніи къ этой своей мысли онъ говоритъ: „согласно легендѣ ¹⁾ Христосъ умеръ тридцати лѣтъ“. Но Мальверъ, повидимому, проглядѣлъ, что въ Евангеліи Ап. Луки (III, 23) ясно и категорически сказано, что „Исусъ, начиная Свое служеніе былъ лѣтъ тридцати“. Если же извѣстно, что служеніе Его про-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 18 за 1912 г.

¹⁾ Существуютъ, какъ извѣстно, многія ложныя теоріи о Лицѣ Исуса Христа: *Теорія унитаріевъ*, признающая достовѣрность евангельской исторіи, а также совершенную безпорочность въ характерѣ Исуса Христа, но противорѣчающая самой себѣ невѣріемъ своимъ Его словамъ о Его Божествѣ и Его чудесахъ. *Теорія обмана (Реймарусъ)* съ негодованіемъ и презрѣніемъ отвергнута всѣми другими теоріями, какъ оскорбляющая здравый человѣческой смыслъ и возмущающая всякое нравственное чувство. *Теорія мечтательности и самообольщенія*, совершенно не вяжущаяся съ дѣйствительными качествами Исуса Христа: Его полною ясностью, спокойствіемъ, самообладаніемъ, скромностью, терпѣніемъ, достоинствомъ. *Теорія раціоналистическая (Евгемеръ, Паулюсъ)* признаетъ всю евангельскую исторію дѣйствительною, но старается всему сверхъестественному въ дѣяніяхъ Исуса Христа придумывать естественное объясненіе, что иногда доходитъ до нелѣпыхъ абсурдовъ. *Мифическая теорія*. Штраусъ не дошелъ до такой нравственной беззастѣнчивости, чтобы отрицать существованіе Личности Исуса Христа; напротивъ, онъ признаетъ Его выше всѣхъ когда либо существовавшихъ религіозныхъ геніевъ; но посредствомъ своихъ предположеній и софизмовъ натуралистическаго и пантеистическаго характера, а также хроно-

должалось три года (три пасхи), то слѣдовательно Іисусъ Христосъ умеръ не 30-ти, а 33-хъ лѣтъ. Если же такимъ образомъ точно была извѣстна современникамъ Іисуса Христа продолжительность Его жизни, то несомнѣнно, что они съ точностью опредѣлили и время Его рожденія, съ котораго и началось день за днемъ и годъ за годомъ непрерывное лѣтосчисленіе христіанской эры и дошло до настоящаго дня.

Таковы-то „основанія“, приводимыя Мальверомъ. Но позволимъ себѣ выписать еще нѣсколько подлинныхъ мальверовскихъ строкъ и увидимъ, что въ нихъ приведены такія недостоверныя и, по нашему, просто недобросовѣстныя „основанія“, которымъ не вѣритъ самъ Мальверъ, снабжая ихъ эпитетами, выражающими недостоверность. Мы подчеркнемъ ихъ: „*Можетъ быть*, говоритъ Мальверъ, одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ пророковъ, которые послѣдовательно (?) появлялись въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій и выдавали себя за предсказаннаго еврейскими книгами Мессію, *познакомился въ какомъ нибудь буддійскомъ монастырѣ съ ведійскими ученіями и возвѣстилъ ихъ. Позднѣе тѣ же ученія проповѣдывались апостолами, которые почерпнули*

логическихъ вольностей, все сверхъестественное во всей исторіи Іисуса Христа обращаетъ въ миѳы (миѳъ—религіозная идея, представленная въ вымышленномъ разсказѣ, принимаемомъ за достоверную истину). Такимъ образомъ, онъ не выдерживаетъ чисто миѳологической точки зрѣнія и вноситъ въ свою систему противорѣчіе и произволь, свидѣтельствующіе лучше всего о ея ложности. *Легендарная теорія.* Ренанъ, послѣдователь Штрауса, во многомъ существенномъ не единомышленъ съ послѣднимъ. Онъ признаетъ всѣ историческія событія жизни Іисуса Христа истинными, а не миѳическими. По этому слово миѳъ онъ находитъ непримѣнимымъ къ жизнеописанію Христа Спасителя и замѣняетъ его словомъ „легенда“. Впадая въ благоговѣйный экстазъ предъ величіемъ личности Его, предъ чистотою и совершенствомъ Его дарованій и нравственныхъ качествъ, Ренанъ въ то же время не вѣритъ чудесамъ Его, приписывая ихъ обману. Такимъ образомъ, Ренанъ впадаетъ въ еще большее противорѣчіе и самъ уясняетъ намъ ложность своей теоріи, такъ какъ нравственная непорочность и обманъ—понятія несовмѣстимыя. Мальверъ, прилагая къ Евангелію, подобно Ренану, слово „легенда“, какъ будто причисляетъ себя къ послѣдователямъ легендарной теоріи Ренана, но направленіе всей его книги относитъ его къ ярымъ атеистамъ.

ихъ, *вѣроятно*, изъ святилищъ Индіи (?) или получили ихъ отъ миссіонеровъ (?); апостолы же вложили ихъ въ уста іудейскаго пророка Іисуса. Они сочинили о немъ легенду, изобразили его, какъ новое воплощеніе Агни (?) и создали его жизнеописаніе по образцу жизнеописанія Будды; къ послѣднему они прибавили только *нѣкоторыя*, заимствованныя изъ *разныхъ источниковъ* черты, какъ избіеніе младенцевъ, превращенный въ историческое событіе солнечный мнѣ (?), и бѣгство въ Египетъ, *напоминающее* о бѣгствѣ дѣвственной богини Изиды, которая увозитъ въ Египетъ на ослѣ юнаго бога Горуса“ и т. п.

Что сказать объ этихъ и другихъ, имъ подобныхъ предположеніяхъ Мальвера?—Ихъ недостоверность и нелѣпость очевидна: они противорѣчивы, туманны, гадательны, и основаны не на чемъ иномъ, какъ на его фантазіи. То онъ не вѣритъ въ самое существованіе личности Іисуса Христа, то, нѣсколькими строками ниже, превращаетъ его какъ-бы въ реальнаго пророка іудейскаго Іисуса. То онъ сообщаетъ достоверный, извѣстный фактъ, что Филонъ Александрійскій, около 40-го года по Рожд. Хр., былъ однимъ изъ создателей Христіанской метафизики, то стремится вывести, вѣроятно, изъ словъ фарисеевъ въ евангелии Іоанна, будто Іисусу Христу было около 50 лѣтъ¹⁾, допуская такимъ образомъ грубый анахронизмъ, ибо если христіанская метафизика была создана Филономъ послѣ смерти І. Хр., и то всего черезъ 40 лѣтъ послѣ Его рождества, то ясно, что Ему не было не только 50-ти, но не могло быть и 40 лѣтъ. Но Мальверъ, поглощенный своей тенденціей дискредитировать христіанство, не замѣчаетъ своего собственнаго противорѣчія. Онъ никакъ не хочетъ признать, что существуетъ точное указаніе лѣтъ Іисуса Христа евангелистомъ Лукою, о чемъ было упомянуто выше. Для того, чтобы дискредитировать писателей, говорившихъ объ Іисусѣ Христѣ, онъ употребляетъ простой пріемъ. Упомянутое объ І. Христѣ историкомъ Іосифомъ (Іосифъ Флавій, конечно?), для Мальвера не болѣе какъ „благочестивая фальсификація; упоминаніе писателемъ Тацитомъ о преданіи І. Христа на казнь Пилатомъ у Мальвера не болѣе, какъ позднѣйшая

¹⁾ Іоаннъ гл. 9, ст. 57: „сказали Ему іудеи: „Тебѣ нѣтъ еще пятидесяти лѣтъ,—и Ты видѣлъ Авраама?“

вставка,—(впрочемъ—„по мнѣнію серьезныхъ критикъ“).—Писатель Плиній въ письмѣ къ Траяну говоритъ о миссіи І. Христа, но, по мнѣнію Мальвера, письмо это поддѣльно и написано, *вѣроятно*, впервые (?) лишь въ эпоху Возрожденія“. Желая дискредитировать наши каноническія евангелія, онъ называетъ ихъ апокрифическими, включая ихъ въ общее число 54-хъ евангелій, и говоритъ, что изъ этого общаго числа ихъ церковь избрала евангелія Матѳея, Марка и Луки. Объ евангеліи Іоанна онъ думаетъ, что оно гностическаго происхожденія и принадлежитъ къ болѣе поздней эпохѣ. Мальверъ не хочетъ допустить, что церковь христіанская знала эти евангелія и пользовалась ими со времени ихъ написанія евангелистами, что она не сомнѣвалась въ ихъ подлинности, охраняла ихъ чистоту и неповрежденность и не имѣла надобности выбирать ихъ изъ числа „54-хъ апокрифическихъ евангелій“. Но если бы, допустимъ на время, церкви дѣйствительно пришлось выбирать не только изъ 54, но изъ какого угодно количества, то ошибки не могло бы быть, и выбраны были бы эти же евангелія: Матѳея, Марка, Луки и Іоанна, какъ истинныя, и для людей, ищущихъ одной только истины, отъ ложныхъ легко отличимыя,—въ которыхъ, кромѣ внутренней безпорочности, жизненности и достовѣрности, говорящихъ сами за себя и имѣющихъ въ самихъ себѣ силу убѣдительности, записаны событія не только видѣнныя или полученныя изъ вѣрнѣйшаго источника отъ непорочной Матери Іисуса Христа самими повѣствователями, но въ большей части пережитыя и перечувствованныя ими.

Далѣе, очевидно для той же цѣли дискредитированія Евангелія, Мальверъ говоритъ, что древнѣйшій изъ манускриптовъ евангелія относится къ IV вѣку, т. е. написанъ по меньшей мѣрѣ черезъ 300 лѣтъ послѣ смерти Христа—періодъ вполне достаточный для того, чтобы создавать легенды“.

Мальверъ здѣсь совсѣмъ запутался. Онъ погнался за тѣмъ, чтобы отвергнуть подлинность Евангелій, и не замѣтилъ какъ призналъ фактъ смерти Іисуса Христа и 300-лѣтній періодъ времени послѣ нея, т. е. самъ призналъ существованіе личности Іисуса Христа. Вѣдь для того, чтобы умереть, нужно сначала жить, существовать. Кромѣ того,

Мальверъ, вѣроятно, забылъ свои собственные слова, приведенныя нами выше, что „сами апостолы сочинили легенду объ Иисусѣ Христѣ и создали его жизнеописаніе“. И вотъ теперь онъ говоритъ, что легенда создана, а равно и первое евангеліе написано въ IV вѣкѣ, черезъ 300-лѣтній періодъ послѣ смерти І. Хр.

Итакъ Мальверъ желаетъ увѣрить, что первое евангеліе сочинено и написано *въ четвертомъ вѣкѣ*. Но какимъ же образомъ писатель Цельсъ *во второмъ вѣкѣ* цитируетъ евангелистовъ Луку и Іоанна, и такъ много (около 80-ти разъ) ссылается на Новый Завѣтъ вообще и знаетъ чуть не всѣ главнѣйшія событія изъ евангельской исторіи? Такой дикій анахронизмъ безповоротно и окончательно уничтожаетъ нелѣпое утвержденіе Мальвера, будто манускриптъ евангелія „четвертаго вѣка“ (о которомъ онъ говоритъ) былъ впервые написаннымъ евангелиемъ и будто это евангеліе было не болѣе, какъ тогда же кѣмъ-то сочиненная и написанная легенда. Этотъ анахронизмъ и эта противорѣчивая путаница выставляютъ Мальвера, какъ человѣка способнаго болѣе чѣмъ къ увлеченіямъ, заодно подрываетъ довѣріе и къ Битнеру, ставя сего послѣдняго на одну доску съ первымъ.

Не станемъ высмѣивать этотъ анахронизмъ Мальвера, а также и простодушіе Битнера. Они сами, въ погонѣ за призрачной добычей попали въ поставленный ими же канканъ. Скажемъ прямо: упоминаемый манускриптъ евангелія, когда-бы и кѣмъ-бы ни былъ онъ написанъ и каково-бы ни было его содержаніе не имѣетъ никакого значенія, разъ мы имѣемъ несомнѣнныя евангелія непосредственныхъ учениковъ Іисуса Христа—на которыя ссылались во второмъ вѣкѣ такіе заклятые враги Христа и христіанства, каковы Цельсъ—и эти евангелія содержатъ въ себѣ все необходимое для людей ученіе объ истинномъ Богопознаніи, объ отношеніи людей къ Богу, къ самимъ себѣ и между собою, объ условіяхъ жизни, достойной человѣка и несомнѣнныя проблемы его конечной судьбы, а также исторію жизни Іисуса Христа во всѣхъ ея важныхъ и значительныхъ для людей моментахъ.

Далѣе идутъ нелѣпыя сравненія благовѣщенія Пресвятой Дѣвѣ, рождества Господа Іисуса Христа и др. съ мифами, взятыми Мальверомъ изъ языческихъ культовъ, а

также выписки изъ языческихъ источниковъ, содержащихъ въ себѣ различныя нравственныя сентенціи. Въ концѣ концовъ все это сходитъ опять таки на ту же натопанную Мальверомъ дорожку, сдѣлавшуюся его „*idée fixe*“ (неподвижной идеей), что христіанство произошло изъ дикаго культа огнепоклонниковъ—отъ тѣхъ палочекъ, посредствомъ которыхъ они вытирали себѣ огонь.

Особенно не нравится Мальверу въ евангеліи „та часть христіанской морали“—мы бы сказали: та часть ученія І. Христа—которая открываетъ людямъ знаніе о судѣ Божіемъ и объ отвѣтственности ихъ за совершенныя ими дѣянія. Ему, Мальверу, видимо ненавистна надежда на безконечное счастье въ вѣчности за добрую жизнь на землѣ и страхъ предъ возмездіемъ за преступленія, изъ которыхъ соблазнъ трактуется какъ злѣйшее горе соблазнительямъ, если они соблазнятъ даже единаго изъ малыхъ; лучше даже имъ и не родиться на свѣтъ. Хорошая жизнь заключается въ безкорыстїи любви къ другимъ, равной любви къ самому себѣ. Эта безкорыстная и дѣятельная любовь проникаетъ все ученіе Спасителя, какъ главная основа, какъ „*raison d'être*“—смыслъ бытія человѣка, какъ причина и условіе счастья его самого-себя. Кто же изъ людей безпристрастныхъ не знаетъ тѣхъ словъ Спасителя, въ которыхъ въ особенности выраженъ этотъ самоглавнѣйшій пунктъ его ученія. Отвѣтъ богатому юношѣ ¹⁾, отвѣтъ законнику ²⁾, притча о безкорыстной и дѣятельной любви самарянина къ человѣку, попавшему въ руки разбойниковъ (Лук. гл. 10, ст. 30—37); слова Спасителя: „Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ“ (Іоан. гл. 15, ст. 13 и друг.); слова: „туне прїясте, туне дадите; „такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своего Единороднаго, дабы всякій, вѣрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную“, наконецъ Его собственная миссія—принесеніе Себя въ жертву за людей—это ли не ученіе о безкорыстной любви людей другъ къ другу! Безкорыстную любовь Спаси-

¹⁾ Матѣ. гл. 19, ст. 19: „... „и люби ближняго своего какъ самаго себя“, ст. 21: „если хочешь быть совершеннымъ, продай имѣніе твое и раздай нищимъ; то же Марка 10, 19, 20.

²⁾ Матѣ. 22, 37—40; „Возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ“.

тель ставить даже необходимымъ признакомъ Его послѣдователей, когда говоритъ имъ: „Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга... потому узнаютъ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою“ (Іоан. гл. 14, ст. 34, 35).

Но, въ своей злобѣ ко Христу и христіанству, Мальверъ глухъ и слѣпъ, чтобы слышать и разумѣть это благодѣтельное для людей ученіе Христа Спасителя. Не замѣчая того, что онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, онъ говоритъ: „Вмѣсто того, чтобы подобно стойкамъ проповѣдывать совершенно безкорыстную добродѣтель, христіанство возбуждаетъ въ людяхъ эгоизмъ надеждой на награду и страхомъ предъ наказаніемъ“—и эти слова его звучатъ злонамѣренною клеветою. „На основаніи такого взгляда на добродѣтель, какъ на извѣстную цѣнность, продолжаетъ сѣтовать Мальверъ, развивается монашество, жизнь въ нравственной чистотѣ и молитвѣ, а трудъ, гигиена, любовь, личная инициатива, дѣятельность и разумъ отступаютъ совершенно на задній планъ. Все сводится къ отрицанію жизни, какъ суеты суетъ“.

Изъ сказаннаго Мальверомъ мы видимъ, что онъ поражаетъ себя своими же словами. Въ самомъ дѣлѣ: неужели добродѣтель не имѣетъ никакой цѣнности и неужели нравственная чистота и молитва заслуживаютъ порицанія, какъ пороки, а не уваженія и осуществленія въ жизни, какъ добродѣтели?!

Принявъ эти безусловныя добродѣтели, т. е. нравственную чистоту жизни и молитву, за пороки, Мальверъ съ понятною готовностью бросаетъ ихъ въ лицо монашеству, какъ преимущественное его достояніе.

Мы не склонны бросать никакими камнями въ монашество, считая это недостойнымъ и несправедливымъ, но скажемъ, не обинуясь, что желали бы, чтобы сказанныя добродѣтели сдѣлались достояніемъ не только монашества, но всего человѣчества, и думается, что когда это осуществится на самомъ дѣлѣ, тогда водворится на землѣ царство Божіе, царство всеобщей любви, какъ взаимно эквивалентной милости, правды и мира, какъ нравственной невозможности какого-либо сепаратизма въ пользованіи благами физическими и духовными съ одной стороны и жестокости специа-

лизаціи видовъ труда—съ другой. Затѣмъ упрекъ, брошенный монашеству, въ пренебреженіи его къ труду, къ опрятности, обуславливающей физическое здоровье, къ любви (?), къ личной инициативѣ, къ дѣятельности и, наконецъ, даже къ разуму. Здѣсь необходимо сдѣлать нѣкоторыя логическія сокращенія, а именно: понятіе дѣятельности и понятіе личной инициативы содержится въ понятіи труда; понятіе любви необходимо содержится въ понятіи чистоты нравственной жизни и молитвы; затѣмъ всѣ эти понятія содержатся въ понятіи разума и въ свою очередь каждое изъ этихъ понятій содержитъ въ себѣ понятіе разума; наконецъ, вся совокупность этихъ понятій содержится во всеобъемлющемъ понятіи нравственной чистоты. Остаются такимъ образомъ съ одной стороны чистота нравственной жизни и съ другой стороны—трудъ. При этомъ нужно замѣтить, что понятіе нравственной чистоты не мыслимо безъ труда, тогда какъ трудъ мыслимъ и помимо нея.

Теперь спросимъ у Мальвера, имѣетъ ли онъ понятіе объ общежительномъ монастырѣ? Допустимъ, что не имѣетъ, и не будемъ на этотъ разъ уличать его въ умысленной клеветѣ, а только поставимъ ему на видъ его легкомысленное обвиненіе монашества и постараемся въ общихъ чертахъ освѣдомить его. Общежительное монашество есть собраніе людей, живущихъ общими интересами, ставящихъ своимъ девизомъ жизнь въ нравственной чистотѣ и молитву, какъ положительныя добродѣтели, а не пороки, какъ угодно думать г. Мальверу.

Всѣ промежутки времени между молитвою и упражненіями въ ученіи, нравственной чистотѣ жизни эти люди заполняютъ физическимъ трудомъ, обеспечивающимъ ихъ существованіе. Они понимаютъ трудъ физическій не какъ ненавистное иго, а какъ необходимый долгъ и какъ часть нравственнаго подвига и потому исполняютъ его съ любовью, „не за страхъ, но за совѣсть“. Пойдемте Мальверъ, въ ихъ поля, обработанныя ихъ личными трудами, въ ихъ сады, огороды, ихъ скотные дворы, пчельники, въ ихъ роши и луга, въ ихъ мастерскія, школы и благотворительныя учрежденія,—вы вездѣ увидите трудящихся иноковъ, безъ различія ихъ положенія и возраста, увидите цвѣтущее состояніе различныхъ отраслей ихъ хозяйства и

произведенія ихъ постояннаго труда. Вамъ, можетъ быть, пріятно будетъ видѣть эти простыя, привѣтливыя лица, отражающія въ себѣ душевное равновѣсіе, происходящее именно отъ чистоты нравственной жизни и упражненія въ молитвѣ и трудѣ. Впрочемъ, если вы подумаете, что они таковы изъ-за надежды наградъ или страха наказаній, то вы ошибетесь: они меньше всего объ этомъ думаютъ. Это безпредѣльная любовь Спасителя Христа, всегда ими радостно чувствуемая, вызываетъ въ нихъ отвѣтную, безкорыстную любовь ко всему и всѣмъ. Вы встрѣтите въ нихъ любовную готовность послужить вамъ безкорыстно. Вамъ можетъ быть сдѣлается легко и отраднo на душѣ, когда вы почувствуете себя въ атмосферѣ этого радушія безъ лести и безъ корысти. Войдите въ ихъ погостъ, гдѣ находятся ихъ жилища и ихъ храмы: каждое деревцо, каждая цвѣточная клумбочка, каждая дорожка, каждый палисадничекъ передъ окнами келій, краснорѣчивѣе словъ говорятъ вамъ о заботливомъ уходѣ, о чистотѣ и порядкѣ, которыхъ некому у нихъ нарушать и разрушать. Войдите въ ихъ храмъ: можетъ быть васъ хоть разъ въ жизни охватитъ впечатлѣніе этого царственнаго, хотя иногда и скромнаго величія, этой чистоты и порядка, которые созданы любовью къ Богу, къ Высочайшему Существо, благому Творцу и благодѣтелю всего міра. Можетъ быть и вы окажетесь способны отдохнуть здѣсь душой, какъ приходятъ сюда отдохнуть душой многіе тысячи мірскихъ людей, почерпающихъ здѣсь въ горячей молитвѣ, въ величіи богослуженія и во всей здѣшней умиротворяющей атмосферѣ новыя силы для жизни.

Думается намъ, что, можетъ статься, единомышленники Мальвера не преминутъ напомнить о порокахъ и порочныхъ членахъ монастырскихъ общинъ. Но, подумайте, куда только не проникаетъ порокъ? Проникаетъ онъ, конечно, и въ монашескія общины. Но это не измѣняетъ идеи, не разрушаетъ принципа и не нарушаетъ строя жизни, подобно тому, какъ не можетъ остановить или нарушить ходъ машины приставшая къ колесу песчинка. Правда, въ монашеской общинѣ это гораздо замѣтнѣе, чѣмъ гдѣ-либо.

Но пусть скажутъ теперь, гдѣ же тутъ отрицаніе чело-вѣческой жизни, въ которомъ Мальверъ упрекаетъ хри-

стіанство, въ особенности въ лицѣ монашества, когда на самомъ дѣлѣ мы, наоборотъ, находимъ здѣсь осуществленіе человѣческой жизни въ лучшихъ ея проявленіяхъ. Жизнь общества мірскихъ христіанъ могла бы быть столько же нравственно чистою, если бы она, какъ видимъ въ ней самой, не отклонилась такъ значительно отъ принциповъ, данныхъ Спасителемъ Христомъ, и если бы не вторглись въ нее столь многія условія, противорѣчащія духу христіанскаго ученія. Она имѣетъ еще большую полноту, именно—свое семейное состояніе. Но въ нее вторглась рознь въ видѣ различныхъ своемыслей, эгоистическая обособленность интересовъ, жестокая спеціализація и неправильное распредѣленіе видовъ труда. Для этихъ аномалій создаются оправдывающія ихъ теоріи, но эти теоріи въ сущности не что иное, какъ оправданіе торжества эгоизма и грубой силы, такъ противоположныхъ духу истинныхъ, не фальсифицированныхъ христіанскихъ идеаловъ.

Хотѣлось бы однако знать, въ чемъ же именно, по мнѣнію Мальвера, должна бы состоять жизнь и дѣятельность не христіанскаго общества? Что мы видимъ въ современныхъ теченіяхъ жизни человѣческихъ обществъ? Вольтеріанство, мальверіанство и проч., отказавшись отъ принциповъ христіанской морали,—спасавшей людей отъ звѣрства и, шагъ за шагомъ, направлявшей ихъ къ истинной человѣчности, мало-по-малу очищая ихъ отъ нелѣпости предразсудковъ, отъ языческихъ пережитковъ и низменныхъ страстей,—не дало въ замѣнъ ея людямъ никакихъ своихъ руководящихъ началъ. Ницшеанство и его послѣдователи широко пронесли ученіе грубой силы, какъ добродѣтели, дѣлающей людей сильными и гордыми (сверхъ-человѣками), не признающими никакихъ преградъ для своей дѣятельности и никакого суда, кромѣ своего собственнаго; но на дѣлѣ оказалось иное: наитанные этими ученіями, люди сдѣлались не сильными людьми, а жестокими звѣрями. Ихъ мораль: все можно, лишь бы не попасть въ руки правосудія. Ростъ преступленій количественный и качественный—ужасенъ. Умъ стынетъ предъ такимъ противоестественнымъ извращеніемъ понятій: убійства, грабежи, развратъ возведены въ добродѣтели; нѣкоторыя изъ нихъ получили странныя переименованія, напр., „обезпеченіе свободы, экспроприація, граждан-

скій бракъ, свободная любовь. Страшно подумать, сколько отвратительныхъ картинъ, сколько ужасныхъ страданій содержитъ въ себѣ эта омерзительная, закусившая удила этика! И не сравнятся съ этой вакханаліей свободы совѣсти даже ужасамъ латино-католической инквизиціи. Естественно послѣ этого и понятно, почему этотъ философъ—антихристъ, этотъ „сильный и гордый человекъ“ Ницше подвергся тѣмъ ужаснымъ нечеловѣческимъ мукамъ, которыя вызывало въ немъ сознаніе колоссальнаго злодѣянія, принесеннаго людямъ его философіей,—которыя помрачили его преступный умъ и свели его въ раннюю могилу.

Выдвигается Мальверомъ, такъ сказать, изъ подъ спуда воспоминаніе о печальныхъ временахъ латинско-католическаго средневѣковья съ его инквизиціей. Да, это было печальное порожденіе сбившагося съ истиннаго пути латинства и его дѣтища іезуитства. Но этого явленія, слава Богу, уже нѣтъ; оно побѣждено возстановленіемъ и торжествомъ истинныхъ понятій Христова ученія. Оставимъ же эти дѣянія лежать на совѣсти и отвѣтственности ихъ виновниковъ и не будемъ употреблять ихъ для дискредитированія чистаго, въ самомъ себѣ безупречнаго ученія объ истинной сущности вещей.

Наконецъ Мальверъ дѣлаетъ интересное сопоставленіе, замѣчательное по своей завѣдомой несообразности. Перечисливъ рядъ печальныхъ явленій, имѣвшихъ, по его словамъ, мѣсто въ римско-католическомъ средневѣковьи, каковы, напр., „всеобщая умственная растерянность, помѣшательство и истерія, безбрачіе духовенства, человѣческія гекатомбы, принесенныя руками инквизиціи въ жертву маніи преслѣдованія“, Мальверъ присоединяетъ сюда—чтобы вы думали?—ненавистное ему Евангеліе Іоанна,—то Евангеліе Іоанна, которое отъ начала до конца проникнуто и дышетъ любовью. О сколькихъ дѣлахъ любви къ людямъ Спасителя рассказано Іоанномъ въ его Евангеліи! Если мы говоримъ, что духъ евангелій это любовь, что ученіе Іисуса Христа и вся Его миссія—это та же любовь,—то въ Евангеліи Іоанна, очевидца и участника дѣлъ Его, эта любовь выражена съ наибольшою ясностью и силою. Прочтите главы: 13, 14, 15, 16, 17, 21 и нѣкот. другія и сочтите просто механически, сколько разъ въ нихъ повторено слово, обозначающее лю-

бовь. И вотъ Мальверу особенно ненавистно именно Евангеліе Іоанна, а за одно уже и Апокалипсисъ, которые онъ, съ незнающею границы дерзостью и цинизмомъ, называетъ „отравленнымъ источникомъ“. Вотъ ужъ именно, какъ говорить наша народная пословица: „съ больной головы на здоровую“. Эпитетъ отравленнаго источника какъ нельзя болѣе годится для характеристики книги Мальвера, представляющей настоящую отраву для неопытныхъ, неосторожныхъ и легкомысленныхъ умовъ. Здѣсь онъ грѣхи римскаго католицизма и іезуитскихъ продѣлокъ опять навязываетъ всему Христову ученію,—самому въ себѣ чистому, безупречному и благодѣтельному,—съ тѣмъ же умысломъ дискредитированія его.

Такова то „наука“ Мальвера, противопоставленная имъ „религіи“ въ заглавіи его ядовитой книги.

Но самое злокачественное заключается въ томъ, что эта книга, у насъ въ Россіи, представляетъ собою изданіе „Вѣстника Знанія“, подъ общимъ названіемъ: „Библіотека для саморазвитія“ и слѣдовательно рассчитана на самое широкое распространеніе. Эта отравленная пища, подъ такими заманчивыми названіями, какъ „Вѣстникъ Знанія“ и „Библіотека для Саморазвитія“, готовится Битнеромъ, и, не только безнаказанно для него, но даже и безпрепятственно покупается у него и проглатывается жаждущими знанія и развитія беззащитными младенцами, не успѣвшими еще выработать въ себѣ средствъ самозащиты,—и отравляетъ ихъ. Она лишаетъ ихъ естественнаго *міровоззрѣнія*, неотдѣлимаго отъ духовной природы человѣка, во всѣ времена въ немъ, безъ насилія такъ или иначе проявлявшагося, и во всей полнотѣ и истинности открытаго Спасителемъ. Этотъ мальверовскій ядъ, какъ злѣйшій червь, нападаетъ на самую сердцевину человѣческой души и выѣдаетъ изъ нея самую ея сущность—ея природную вѣру въ Творца міра и въ то преимущество человѣка, что его познающая и мыслящая способность въ совокупности съ ея субстанціей, которой присвоено названіе души, не подлежитъ уничтоженію, а напротивъ, ея удѣлъ, самый смыслъ сущности—ея безконечное существованіе.

Естественно, что лишась этой своей, единственно мыслимой цѣнности, человѣкъ, а тѣмъ болѣе человѣческой

младенецъ, теряетъ и смыслъ жизни. Съ этого момента онъ почувствуетъ свою оторванность отъ чего-то существеннаго, безъ чего нельзя жить, а тогда онъ пускается въ поиски за смысломъ жизни. И эти поиски открываютъ предъ нимъ множество ложныхъ путей, выливаются иногда, соотвѣтственно интеллектуальному и нравственному состоянію, въ самыя уродливыя измышленія, но смысла жизни не даютъ ему. Несчастнѣй въ своей ложной свободѣ, сдѣлавшейся его роковымъ словомъ, его кажущимся якоремъ спасенія, суррогатомъ смысла его жизни,—онъ приходитъ этими путями къ умственной и волевой растерянности и разнузданности, къ пренебреженію жизнью, къ беспочвенному признанію себя „гордымъ и сильнымъ“ самоавторитетнымъ, могущимъ переустроить жизнь по своимъ туманнымъ и ребяческимъ планамъ. Въ послѣдней степени нетерпимый къ возрѣніямъ другихъ людей, къ препятствіямъ, создающимся на его пути и въ тоже время неувѣренный ни въ правотѣ своихъ жестокихъ убѣжденій, ни въ возможности исполненія его замысловъ, ни даже въ завтрашнемъ днѣ, онъ тѣмъ не менѣе успѣшно пріобрѣтаетъ себѣ легкомысленныхъ адептовъ во всѣхъ слояхъ общества. Водимые миражнымъ воображеніемъ, они идутъ на голосъ сладкозвучной сирены, на свѣтъ болотныхъ огоньковъ и попадаютъ въ искусно разставленную и ловкую паутину его ученія. Гонясь за мнимой справедливостью, которой адептъ требуетъ отъ другихъ, самъ приходитъ къ жесточайшимъ дѣяніямъ. Онъ въ большинствѣ случаевъ дѣлается способнымъ идти на все. Онъ начинаетъ чувствовать себя отщепенцемъ среди отщепенцевъ отъ общества нормальныхъ людей, онъ дѣлается безотвѣтнымъ рабомъ воли своихъ единомышленниковъ, воли жестокой и страшной своей трусливой безпощадностью, толкающей его, безъ права возраженія, на такія дѣянія, которыя все-таки возмущаютъ всю его душу. Онъ всѣми силами своими желалъ бы вырваться изъ этого адскаго круга и—не можетъ: онъ боится предателей среди своихъ и боится, чтобы свои не заподозрили его самого въ предательствѣ, понимая нелѣпый трагизмъ своего положенія. Онъ начинаетъ терзаться, мучительно сознавать свое безсиліе,—жестокость и ложность своего міровозрѣнія, теряетъ вѣру въ осуществимость и въ справедливость своихъ

замысловъ. Въ своемъ отчаяніи онъ идетъ на самые свирѣпые, чудовищно безчеловѣчные замыслы и съ тупымъ, точно гипнотическимъ безчувствіемъ приводитъ ихъ въ исполненіе. Онъ дѣлается константнымъ человѣконенавистникомъ, припужденнымъ грабителемъ и убійцею—истиннымъ бичемъ и несчастьемъ для людей, желающихъ жить своимъ мирнымъ трудомъ, своимъ гуманитарно-христіанскимъ міровоззрѣніемъ, котораго благодѣтельность ими непреодолимо чувствуется и сознается,—и прогрессировать, шагъ за шагомъ, путемъ любви и мирнаго убѣжденія, указаннымъ высочайшимъ умомъ Бога Спасителя въ Его Евангеліи—къ всеобщей любви, просвѣщенію (познанію истины), освобожденію (истина освободитъ васъ), уравниенію и всеобщему счастью. Въ лучшихъ случаяхъ онъ не выдерживаетъ невыносимой тяжести и фальши своего положенія и кончаетъ самоубійствомъ.

V.

Въ главахъ: V—„Культъ“ и VI „Святые“ проведена Мальверомъ та же цѣль—дискредитированіе христіанства. Здѣсь опять выступаютъ на сцену тѣ же рисунки, тотъ же ведійскій миѳъ, тѣ же подстановки различныхъ моментовъ языческой миѳологіи подъ событія христіанской исторіи, подъ обряды христіанскаго богослуженія, подъ тезисы христіанской морали. Выводы Мальвера поражаютъ своей неосновательностью. Такъ, наприм.; подъ событіе Рождества Христова онъ подводитъ языческое празднество рожденія „Агни“, которое падало на день зимняго солнцестоянія, 25-е декабря.

По этой логикѣ выходитъ слѣдующее: языческое празднество рожденія „Агни“ падаетъ на день зимняго солнцестоянія, 25 декабря; событіе Рождества Христова падаетъ тоже на 25 декабря. Выводъ: Рождество Христово есть рожденіе „Агни“. Какъ будто паденіе двухъ какихъ либо историческихъ моментовъ на одно и то же число мѣсяца необходимо влечетъ за собою отождествленіе ихъ?! Въ этомъ такая же логика, какъ если бы кто-либо сказалъ: „Я родился 30-го мая; Петръ Великій родился также 30-го мая. Выводъ: Петръ Великій—это я; или же: я—Петръ Великій.

Противологичность подобныхъ умозаключеній очевидна.

Зимнее солнцестояніе (какъ и лѣтнее), въ зависимости отъ неточнаго раздѣленія земной орбиты (эклиптики) на число дней года (суточныхъ вращеній земли), отъ неодинаковаго времясчисленія во всѣ времена, у всѣхъ народовъ и во всѣхъ географическихъ долготахъ и широтахъ земного шара, а также отъ возможнаго несовершенства астрономическихъ наблюденій—представляетъ собою явленіе не постоянное для всѣхъ временъ, мѣстъ и народовъ по отношенію къ ихъ времясчисленію. А потому говорить о совпаденіи какихъ-либо событій или моментовъ, равно какъ и чисель мѣсяца съ моментомъ зимняго солнцестоянія,—быть можетъ и вовсе не приходится. Здѣсь должно еще замѣтить, что подобное совпаденіе, если бы даже оно могло имѣть мѣсто, не доказывало би ничего, какъ всякое случайное совпаденіе; тѣмъ болѣе, если, какъ въ данномъ случаѣ, эти моменты (Рождество Христово, какъ событіе и рожденіе Агни, какъ миѣ), по своимъ существеннымъ, какъ внѣшнимъ, такъ и внутреннимъ признакамъ рѣзко и несогласимо отличаются другъ отъ друга. А потому и принимать подобное сопоставленіе за нѣчто серьезное, а тѣмъ болѣе научное, какъ это дѣлаетъ Битнеръ, по нашему мнѣнію, по меньшей мѣрѣ легкомысленно. Судите же сами, основательно ли въ вопросахъ такой кардинальной важности рѣшаться подставлять легкомысленныя и противологическія сужденія и умозаключенія.

Приведемъ еще одинъ примѣръ.

Подъ рубрикою „Молебны“ Мальверъ, подобно Толстому, говоритъ, что христіанскіе молебны представляютъ собою не что иное, какъ измѣнившіяся съ теченіемъ времени античныя языческія заклинанія, что древніе олимпійскіе боги превратились просто въ святыхъ, къ которымъ стали обращаться съ тѣми же словами и для тѣхъ же цѣлей, какъ и къ первымъ. Посмотримъ однако, что это за боги, которыхъ Мальверъ такъ просто превратилъ въ христіанскихъ святыхъ. Выписываемъ ихъ изъ книжки Мальвера: „духъ неба, духъ земли, духи владыки земли, духи владыки звѣздъ, духи враги зла, духи свѣта и жизни, духи подземнаго міра, духи семи частей свѣта, духъ судія боговъ, духъ божій—величайшій жрецъ на землѣ, духъ великихъ частей свѣта, духъ—дочь океана. Вотъ тѣ боги, ко-

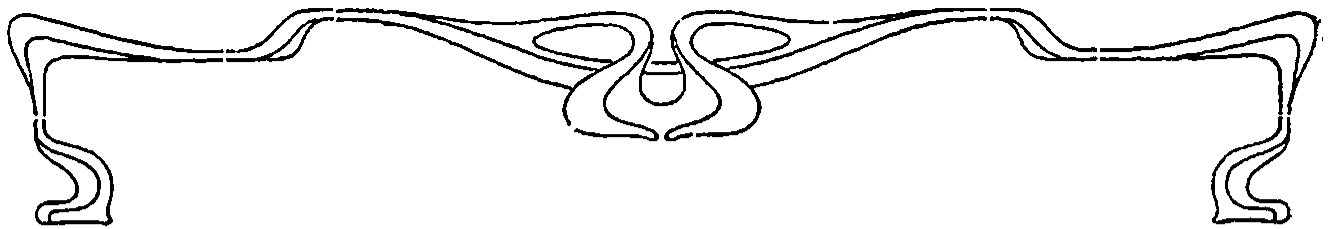
торыхъ Мальверъ, не долго думая, превратилъ въ христіанскихъ святыхъ. Попробуйте теперь припоминать дѣйствительныхъ христіанскихъ святыхъ людей, жившихъ на протяженіи всей христіанской эры, которые выдѣлились изъ общества христіанъ и прославлены, какъ высшіе образцы жизни и дѣятельности, согласной съ идеалами ученія Христа,—и судите, не абсурдно ли будетъ повѣрить словамъ Мальвера, будто кто-либо изъ этихъ святыхъ былъ, напр., духомъ неба, духомъ земли, судьей боговъ, владыкою земли, звѣздъ, подземнаго міра, семи частей свѣта, дочерью океана и т. д.! Невозможно повѣрить, чтобы даже самъ Мальверъ былъ серьезно убѣжденъ въ справедливости своихъ собственныхъ словъ. Невольно представляется болѣе правдоподобнымъ, что здѣсь былъ расчетъ на простодушіе и довѣрчивость читателей его сочиненія и незнакомство ихъ съ исторіей христіанской церкви. Впрочемъ справедливость требуетъ сказать, что христіанскіе святые, и даже всѣ безъ исключенія, дѣйствительно были „врагами зла“ и во всѣхъ ихъ всегда пребывалъ „духъ свѣта“ Христова ученія и „духъ жизни“ Его. Они вели непримиримую борьбу, какъ противъ злѣйшаго червя, губящаго столь великую для нихъ цѣнность—человѣческую душу—противъ отрицанія Бога, отрицанія дѣйствія Его Промысла и Его законовъ въ созданномъ Имъ мірѣ. Несокрушимымъ оружіемъ ихъ въ этой борьбѣ было не мечъ, не тайный заговоръ возникающихъ изъ безбожія убійць и грабителей, а высокое личное ихъ достоинство нравственное, ихъ открытая, не знающая страха, проповѣдь свѣта ученія Христова, ихъ дѣятельный подвигъ въ собственной ихъ жизни, которую они, не колеблясь, приносили въ жертву за вѣру въ истину Христова евангелія, возвѣстившаго благодатное и спасительное знаніе о *всеобщемъ воскресеніи людей для новой безконечной жизни*. Цѣлью ихъ борьбы было не погибель ихъ противниковъ, а наоборотъ, обращеніе таковыхъ изъ темной области Богоотрицанія къ свѣту Богознанія,—на путь жизни и спасенія. Подвигъ свой они совершали не за страхъ и не за корысть, а за совѣсть и за любовь къ ближнему, заповѣданную Богомъ, Спасителемъ Иисусомъ Христомъ. Высшей и единственной наградой для нихъ была радость исполненнаго долга и спасенія ближняго.

Далѣе идутъ укору христіанству по поводу различныхъ злоупотребленій въ области христіанской религіи, напр., именемъ священныхъ предметовъ, о чемъ считаемъ кощунственнымъ даже здѣсь упоминать. Но что же слѣдуетъ изъ того, что существовали, да вѣроятно и существуютъ злоупотребленія? По нашему, изъ этого слѣдуетъ только то, что существовали да и существуютъ безсовѣстные и невѣжественные люди, которые не постыдились воспользоваться именемъ священныхъ предметовъ для тѣхъ или иныхъ своихъ цѣлей. И если эти укору до нѣкоторой степени могли бы быть оправдываемы,—то только по отношенію къ этимъ людямъ. Но нѣтъ и не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что сущность христіанства отъ этого ни на іоту не измѣнилась: правда, его исторіи, святость ученія Христова, чистота нравственной жизни истинныхъ христіанъ по этому ученію, безкорыстіе учредителей христіанскаго богослуженія и христіанскихъ установленій и благодѣтельность ихъ для всей жизни истиннаго христіанскаго общества остаются неповрежденными.

П. С. Гдѣмлинскій.

(Окончаніе будетъ).

ПОЗНАНІЕ И ЕГО ОБЪЕКТЪ.

(Оправданіе здраваго смысла).

(Продолженіе *).

VIII гл. ПРИЧИННОСТЬ И СУБСТАНЦІИ.

§ 1. Существуют ли матеріальныя вещи?

Въ предыдущей главѣ мы разобрали „априорныя“ понятія Канта и пришли къ заключенію, что они вовсе не таковы, какими онъ ихъ считаетъ, и что они не имѣютъ никакого значенія для гносеологіи. Эти понятія оказались 1) довольно сложными и приобретаемыми при помощи продолжительнаго опыта, хотя и заключаютъ въ себѣ и нечувственные элементы познанія. 2) Такъ какъ опытъ познающаго находится въ зависимости и отъ внѣшняго міра, то очевидно, что этимъ понятіемъ должно нѣчто соответствовать и въ реальномъ мірѣ, т. е. эти понятія не представляютъ собою чисто субъективнаго творчества познающаго духа, которому будто бы нѣтъ ничего соответствующаго въ реальномъ мірѣ, какъ это ошибочно предполагаетъ Кантъ. Далѣе мы пришли къ заключенію, что замѣнъ априорности нужно отличать въ нашемъ познаніи элементы *чувственные* отъ *сверхчувственныхъ*. Для тѣхъ и другихъ нужно предполагать особыя прирожденные, т. е. унаслѣдованные отъ отдаленныхъ предковъ, способности. Такъ какъ не всѣ предметы опыта имѣютъ для познающаго одинаковый интересъ и значеніе, такъ какъ одни предметы часто,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 18 за 1912 годъ.

а другіе рѣдко попадаютъ въ опытъ и сознаніе познающаго; то въ зависимости отъ этого одни предметы уже отъ рожденія легко познаются и усваиваются познающимъ: такіе предметы, если они входили въ опытъ длиннаго ряда поколѣній, отличаются особой убѣдительностью и реальностью. Таковы напр. такъ называемыя *первичныя качества* тѣлъ: тѣлесность, (плотность, непроницаемость) протяжность, (величина) форма, движеніе. Локкъ и матеріалисты, не отвергая существованія матеріальныхъ вещей, эти качества считаютъ реальными, т. е. присущими самимъ вещамъ. Наоборотъ, цвѣта, звуки, вкусовыя, обонятельныя ощущенія они считаютъ чисто субъективными „идеями“, которыхъ не существуетъ въ реальномъ мірѣ.

Это различіе качествъ дѣлалъ еще Демокритъ. Но уже Беркли отвергаетъ это различіе, считая и первичныя качества субъективными. Беркли, какъ извѣстно, отрицалъ существованіе матеріальныхъ вещей и матеріи, признавая однѣ идеи: поэтому для него не имѣло значенія упомянутое различіе, сдѣланное Локкомъ. Наоборотъ, матеріалисты признаютъ реально существующей только матерію и матеріальныя вещи, а явленія духовныя считаютъ произведеніемъ матеріи. Кантъ признаетъ реальное существованіе какихъ-то „вещей въ себѣ“, непохожихъ на воспринимаемыя нашими чувствами вещи; но эти „вещи въ себѣ“ онъ считаетъ непознаваемыми. (Такого же мнѣнія были и древніе скептики-пирроновцы). Матерія же, по Канту, не—„вещь въ себѣ“, а проявленіе таковой въ пространствѣ и времени; она соответствуетъ нашимъ ощущеніямъ ¹⁾.

Обыкновенные люди со здравымъ смысломъ, не знакомые съ философскими ученіями, не мирятся ни съ однимъ изъ праведныхъ воззрѣній на внѣшнія вещи. Они вѣрятъ своимъ чувствамъ и убѣждены, что вещи реально существуютъ въ пространствѣ такими, какими онѣ намъ „кажутся“: протяженными, болѣе или менѣе плотными, опредѣленной формы и цвѣта и съ остальными качествами физическими. Это воззрѣніе презрительно названо философами *наивнымъ реализмомъ*. Между тѣмъ въ этотъ наивный реализмъ вѣрило и вѣритъ все человѣчество, не тронутое философіей;

¹⁾ *Kant, Kritik d. rein. Vern. 1 Aufl. S. 370—371; R. 314—315.*

съ этой вѣрой оно не только не погибло въ неумолимой борьбѣ за свое существованіе, но и размножается по всей поверхности нашей планеты и размножается до того, что иные философы-политики серьезно опасаются, что земля скоро станетъ тѣсной для рода человѣческаго. (Таковымъ былъ и англійскій политико-экономъ Мальтусъ). Со своей „наивной“ вѣрой человѣчество не только было счастливо до Мальтуса, но и послѣ него сдѣдало важныя открытія и усовершенствованія своей жизни: а философы, считающіе эту вѣру наивной и ошибочной, подарили человѣчеству нѣсколько книгъ, вызвавшихъ безконечные споры въ лагерѣ самихъ философовъ. Кто правъ? Нѣсколько философовъ или миллиарды обыкновенныхъ смертныхъ?

Если все человѣчество (отъ нашего прародителя Адама до нашихъ дней) окажется въ сплошномъ заблужденіи относ. познанія матеріальныхъ вещей: то это будетъ новой загадкой для философовъ. Имъ придется отвѣтить: какъ возможно такое сплошное безуміе, что освободило отъ него тѣхъ немногихъ мудрецовъ, и почему эти мудрецы до сихъ поръ не могли убѣдить не только массы людей, но и ученыхъ естествоиспытателей въ ихъ сплошномъ обманѣ?

Къ числу этихъ мудрецовъ принадлежатъ и такіе, которые вѣрятъ въ премудраго и всемогущаго Создателя вселенной. У такихъ этотъ Создатель получаетъ плохое свѣдѣтельство своей премудрости, если Онъ создалъ умъ человѣчскій для сплошнаго заблужденія!

§ 2. Основное условіе познанія природы и матеріальныхъ вещей.

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію познанія матеріальныхъ (или чувственныхъ) вещей, мы рассмотримъ старинное скептическое утвержденіе пирроновцевъ, будто мы не можемъ познать вещи, какими онѣ сами по себѣ, независимо отъ познающаго; будто мы познаемъ только явленія вещей, а не самыя вещи. Это же въ новѣйшее время повторяется и критицизмомъ Канта, и позитивизмомъ Канта, а отчасти и агностицизмомъ Гексли и Спенсера. На это скептическое утвержденіе мы прежде всего возразимъ, что ни одинъ скептикъ на практикѣ не примѣнялъ своего воз-

зрѣнія: всѣ они разсуждаютъ и вѣрятъ въ существованіе реальныхъ вещей; всѣ они употребляютъ въ своихъ сочиненіяхъ и имена существительныя, а половина изъ нихъ обозначаетъ вещи, и притомъ такія, которыя они знаютъ и признаютъ реально существующими. Еще больше непослѣдовательны новѣйшіе скептики всѣхъ наименованій: неокантианцы и позитивисты. Они признаютъ за науку и естествовѣдѣніе со всѣми ея отраслями, а въ нихъ имѣется больше милліона названій цѣлыхъ группъ вещей, а не явленій. Таковыя напр. названія разныхъ видовъ животныхъ (около 200.000), названія видовъ растений (около 500,000), названія небесныхъ тѣлъ (около 400.000), названія костей скелета, названія нервовъ и мускуловъ; а въ технику названія машинъ и частей ихъ. Все это, несомнѣнно—вещи, и не только познаваемые, но и уже познанныя въ большей или меньшей степени.

Эти вещи, правда, мы познаемъ на основаніи тѣхъ впечатлѣній, которыя онѣ производятъ на насъ; но при этомъ мы не ограничиваемся одними чувствеными впечатлѣніями. Таковыя мы дополняемъ своимъ умомъ: мы дѣлаемъ разные умозаключенія объ ихъ сущности, объ ихъ назначеніи и цѣли, объ ихъ измѣненіяхъ, объ ихъ дѣятельности. Самыя качества мы познаемъ тоже не исключительно одними органами чувствъ: свои ощущенія мы истолковываемъ на основаніи памяти и разсудка.

Такъ напр., если я ворона считаю чернымъ, а лебедя бѣлымъ; то это я дѣлаю потому, что воронъ на мое зрѣніе всегда производитъ впечатлѣніе, которое называется чернымъ цвѣтомъ; а лебедь—впечатлѣніе бѣлаго цвѣта. При этомъ я при повторномъ впечатлѣніи узнаю такого же ворона, такого же лебедя: я ихъ отношу къ извѣстному уже виду птицъ. Воспринимаемая зрѣніемъ качества я не считаю существенными, такъ какъ я читалъ про сѣрыхъ лебедей, живущихъ въ Сибири, и допускаю возможность бѣлыхъ вороновъ, хотя о такихъ я ничего не слышалъ. Слѣдовательно, я сужу и о сущности ворона и лебедя. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что воронъ самъ по себѣ не черный, а только производитъ такое впечатлѣніе на мой глазъ. Скептики говорятъ: если бы мой глазъ былъ иначе устроенъ, то тотъ же воронъ могъ бы мнѣ показаться сѣрымъ или

иного цвѣта. Это возраженіе не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ у насъ идетъ рѣчь о познаніи человѣческомъ, о познаніи нормально устроенныхъ людей, которое обязательно и одинаково для всѣхъ нормальныхъ людей, всѣхъ странъ и всѣхъ временъ. Итакъ для таковыхъ вѣронъ черенъ, хотя я не знаю никакихъ основаній, почему онѣ не могъ бы быть и бѣлымъ. Если же скептику угодно выражаться, что вѣронъ самъ по себѣ не черенъ, а только каждый разъ производитъ на его глазъ впечатлѣніе чернаго цвѣта; то я ему не возбраняю и такъ выражаться, если это ему нравится. Обыкновенные люди предпочитаютъ краткія выраженія, если они не сбивчивы и не двусмыслены. Поэтому обыкновенный здравый смыслъ предпочтетъ выражаться такъ, какъ это дѣлало человечество въ теченіе тысячелѣтій, а именно: вѣронъ черенъ, снѣгъ бѣлъ, золото желто, медь сладокъ, полынь горька, огонь жжетъ, ледъ холоденъ и т. д.

Во всѣхъ этихъ сужденіяхъ мы имѣемъ познанія реальныхъ предметовъ (матеріальныхъ), которые производятъ впечатлѣнія на наши органы чувствъ. Это значитъ, что эти реальные предметы дѣйствуютъ, а наши органы чувствъ нѣчто претерпѣваютъ, т. е. испытываютъ дѣйствіе (впечатлѣніе) при участіи нашего сознанія и души. Внѣшніе предметы оказываются причиной нашихъ впечатлѣній. Такимъ образомъ *причинность оказывается другимъ основнымъ условіемъ познанія внѣшняго міра*. (Первымъ условіемъ мы признали тожество въ познаваемомъ и въ познающемъ).

§ 3. „Вещи въ себѣ“ Канта.

Разсужденія предыдущаго параграфа съ улыбкой прослушаетъ кантіанецъ и замѣтитъ: авторъ этихъ строкъ, по видимому, ничего не смыслитъ въ философіи; вѣдь, онъ разсуждаетъ объ *эмпирическихъ* вещахъ, а не о „вещахъ въ себѣ“ какими онѣ существуютъ сами по себѣ, т. е. независимо отъ познающаго. Кантіанецъ можетъ возразить цитатами изъ Кантовой Критики чистаго разума: что вещи въ себѣ намъ совершенно неизвѣстны; а то, что мы называемъ внѣшними предметами, есть не что иное, какъ только

представленія нашей чувственности, формой которыхъ есть пространство. Истинный коррелятъ ихъ, т. е. вещь въ себѣ, этимъ нисколько не познается (sic!) и даже не можетъ быть познана“¹⁾. „Гѣла не суть вещи въ себѣ, говоритъ Кантъ, но явленія чего-то, что остается непознаваемымъ“²⁾. Непознаваемость „вещей въ себѣ“ раздѣляется не только кантіанцами (за исключеніемъ Фолькельта и О. Либмана), но и агностиками, каковы напр. Спенсеръ и Р. Вале. Тѣмъ не менѣе я беру на себя смѣлость утверждать, что ихъ мнѣніе, несмотря на его авторитетность и распространенность, основано на недоразумѣніи. Правда, наше познаніе, какъ мы видѣли въ двухъ послѣднихъ главахъ, складывается не изъ однихъ чувственныхъ элементовъ. Даже въ воспріятіяхъ, въ отличіе отъ простыхъ чувственныхъ ощущеній и представленій, мы отмѣтили наличность сверхчувственныхъ элементовъ, приносимыхъ нашей памятью и разсудкомъ и другими прирожденными способностями. Но и эти сверхчувственные элементы познанія не представляютъ собою произвольную, ничѣмъ не обоснованную, дѣятельность познающаго духа: и они находятся въ нѣкоторой зависимости или отъ унаслѣдованнаго опыта, или отъ личнаго опыта, или же отъ самихъ впечатлѣній, производимыхъ внѣшнимъ міромъ или же еще отъ чего-то намъ не вполне извѣстнаго (отъ организациі души). Во всякомъ случаѣ, и сверхчувственные элементы познанія подчинены опредѣленнымъ законамъ и свойствамъ общечеловѣческаго ума: иначе не могло бы получиться знанія, одинаковаго у всѣхъ людей и во всѣ времена; а таковое, какъ мы видѣли, существуетъ въ разныхъ наукахъ.

Самыя понятія „познаніе“, „познать“ и „знать“, сами по себѣ, не имѣютъ опредѣленнаго значенія. Если я скажу: „я знаю“, то никто меня не пойметъ; а спросить: „что ты знаешь?“ Очевидно, познаніе и знаніе предполагаетъ и познаваемый объектъ, и познающаго субъекта: оно есть результатъ взаимодѣйствія обоихъ. Эта истина давнымъ давно от-

¹⁾ *Kant*, Kritik. d. rein. Vern. 2 Aufl. S. 45; R 57—60. Vorrede S. 26; R 23.

²⁾ *Kant*, Kleinere Schriften zur Logik u. Metaph. 2 Aufl, 1905 III, Bd. Üb. e. Entdeck. S. 29—30.

мѣчена философами; еще греческіе философы понимали ее, хотя и смутно: однако она упускается изъ виду и современными кантіанцами.

Если всякое знаніе есть знаніе чего-то, если знаніе не можетъ существовать безъ познаваемаго объекта: то откуда узналъ Кантъ о существованіи „вещей въ себѣ? Вѣдь онъ передаетъ намъ и повторяетъ много разъ это свое рѣшительное знаніе не въ видѣ божественнаго откровенія, даннаго ему свыше: онъ не въ вѣрилъ въ таковыя и вообще въ чудеса. Слѣдовательно и Кантъ получилъ это свое знаніе о „вещахъ въ себѣ“ обычнымъ путемъ, т. е. вслѣдствіе ихъ воздѣйствія на его познавательныя способности, воздѣйствія прямого или косвеннаго. Это подтверждается первымъ параграфомъ его Критики чистаго разума. Въ этомъ параграфѣ Кантъ начинаетъ съ заявленія, что всякое „познаніе направленное на предметы... которое какъ средство имѣется въ виду всякимъ мышленіемъ, оказывается возрѣніемъ (Anschauung). Но таковое, по словамъ Канта, осуществляется тогда, когда намъ данъ предметъ; а это опять возможно (по крайней мѣрѣ для насъ, людей) только тѣмъ способомъ, что онъ опредѣленнымъ образомъ дѣйствуетъ на душу (das Gemüt afficirt). Способность получать представленія (Vorstellungen) путемъ получаемыхъ воздѣйствій отъ предметовъ называется чувственностью. Слѣдовательно, заключаетъ Кантъ, посредствомъ чувственности даются намъ предметы, и она одна даетъ намъ возрѣнія; умомъ же они мыслятся, и изъ него возникаютъ понятія. Всякое мышленіе должно... у насъ относиться къ чувственности, такъ какъ инымъ способомъ намъ не можетъ быть данъ предметъ“¹⁾. Таково начало Критики чистаго разума: въ немъ, очевидно, разъяснены основныя понятія, отъ которыхъ исходитъ авторъ.

Въ своемъ предисловіи ко 2 изданію Кр. ч. раз. Кантъ разъясняетъ: „хотя мы и не познаемъ (erkennen) предметы, какъ вещи въ себѣ; но мы по крайней мѣрѣ должны быть въ состояніи ихъ мыслить (müssen denken können). Иначе, изъ этого слѣдовало бы нелѣпое положеніе,, будто

¹⁾ Kant. Kritik d. rein. Vern. 2 Aufl. 33 и 34; R. 48. (Маркировки мои).

существуетъ явленіе безъ чего-нибудь, что является“¹⁾. Такимъ образомъ и по Канту существуетъ являемое, въ данномъ случаѣ, „вещи въ себѣ“, и о нихъ узналъ Кантъ, заключая отъ явленія къ являемому. Если же эти вещи въ себѣ намъ „являются“, то онѣ прямо или косвенно дѣйствуютъ на познающаго ихъ субъекта: слѣдовательно о нихъ онѣ узнаетъ нѣчто, по крайней мѣрѣ то, что онѣ существуютъ. На самомъ дѣлѣ, и Кантъ о нихъ знаетъ больше. Такъ какъ явленій вещей, т. е. „эмпирическихъ предметовъ“, имѣется чрезвычайное множество, то этому множеству должно соответствовать такое же множество и „вещей въ себѣ“. Вѣдь и Кантъ говоритъ не объ одной „вещи въ себѣ“ (или непознаваемой сущности), а о многихъ. Въ противномъ случаѣ, разнообразіе „эмпирическихъ предметовъ“ было бы совершенно не объяснимымъ закономъ причинности, который лежитъ въ основаніи толкованія нашей „чувственности“, даннаго и самимъ Кантомъ.

Но Кантъ передаетъ и другія знанія о вещахъ въ себѣ: и наша душа принадлежитъ къ миру „вещей въ себѣ“; въ немъ же онѣ признаетъ и „трансцендальную апперцепцію“; даже единство апперцепціи Кантомъ отнесено въ трансцендентный міръ „вещей въ себѣ“. А такъ какъ Кантъ признавалъ одушевленность и другихъ людей, кромѣ себя, то и душа каждаго принадлежитъ къ міру „вещей въ себѣ“. Такимъ образомъ самъ Кантъ передаетъ о дѣятельности милліоновъ „вещей въ себѣ“ разныя свои познанія, которыя опровергаютъ его утвержденіе объ ихъ непознаваемости.

§ 4. Анализъ конкретнаго примѣра. Выводы.

Для лучшаго уразумѣнія предмета, мы возьмемъ конкретный примѣръ, какихъ Кантъ совсѣмъ не приводитъ и не анализируетъ, вслѣдствіе чего и порождается столько недоразумѣній у его толкователей. Предположимъ, я вижу на фруктовницѣ антоновское яблоко. Мое зрительное впечатлѣніе мгновенно пробуждаетъ во мнѣ цѣлый рядъ познаній, вызываемыхъ моимъ прошлымъ опытомъ. Я тотчасъ же узнаю знакомую фруктовницу, а желтое пятно на ней я признаю за реальный и плотный предметъ изъ числа мнѣ хо-

¹⁾ Ibid. 25—26; R. 23.

рошо извѣстныхъ, который я обозначаю именемъ „яблоко“. Видимое яблоко я представляю или мыслю съ его качествами: сочностью, кислотой, запахомъ и проч. Совокупностью всѣхъ его качествъ съ присоединеніемъ къ нимъ еще понятій „единства“ и „вещи“ (или субстанціи) дается мнѣ понятіе вещи, именуемой словомъ „яблоко“. Но всѣ эти мои познанія не тождественны съ самой вещью, именуемой яблокомъ. Въ моемъ зрительномъ воспріятіи или въ моемъ понятіи „яблоко“ качества яблока только представляются, а не ощущаются. Только съ осуществленіемъ соотвѣтственныхъ зрѣнію ощущеній—осязательныхъ, вкусовыхъ и проч. я могу съ полной увѣренностью сказать, что имѣю дѣло съ реальною вещью, какова она на дѣлѣ, а не только въ ея видимости.

Эту вещь я знаю,—конечно, не вполнѣ; а настолько, насколько она меня интересовала, т. е. какъ вещь питательная и вкусная. Но изъ этого не слѣдуетъ, что ученый специалистъ никогда не узнаетъ сущности яблока, какимъ оно есть въ дѣйствительности. Таковой ученый можетъ изучить до малѣйшихъ подробностей и внутреннюю структуру яблока, и химическій составъ его частей, и ихъ фізіологическое и біологическое значеніе и назначеніе; онъ можетъ изучить (по крайней мѣрѣ въ отдаленномъ будущемъ) и всѣ дремлющія въ зернышкахъ яблока жизненные силы, число которыхъ окажется превосходящимъ число всѣхъ яблочныхъ деревьевъ. Неужели и подобное знаніе не будетъ знаніемъ яблока, какимъ оно есть „само по себѣ“, а только, какимъ оно кажется обыкновеннымъ смертнымъ?

Правда, и это полное знаніе ученаго ботаника должно быть основано на изученіи дѣйствительности, а не того, что недѣйствительно, или, что будто бы находится въ какомъ-то „трансцендентномъ мірѣ“.

Всѣ люди познаютъ и знаютъ (въ большей или меньшей степени) только дѣйствительность; а таковая познаваема лишь постольку, поскольку она дѣйствуетъ на познающихъ. Что ничѣмъ не обнаруживаетъ своей дѣйствительности, что никакъ, нигдѣ и никогда не дѣйствуетъ на познающаго, то не можетъ и вызвать какого бы то ни было познанія о немъ, ни представленія, ни мысли. Самое познаніе есть результатъ взаимодѣйствія познаваемаго и познающаго; а гдѣ нѣтъ на лицо одного изъ нихъ, тамъ не мо-

жетъ быть и рѣчи объ ихъ взаимодействіи, т. е. о познаніи. Познаніе безъ объекта есть нелѣпость, *contradictio in adjecto*. Поэтому утвержденіе скептиковъ и кантіанцевъ, что „вещи непознаваемы, какими онѣ есть сами по себѣ, независимо отъ того, какими онѣ являются (т. е. познающему)“ заключаетъ въ себѣ такую же истину, какъ и слѣдующее утвержденіе: квадратъ непознаваемъ, каковъ онъ есть самъ по себѣ, независимо отъ четырехъ равныхъ прямыхъ, пересѣкающихся подъ прямыми углами. Вѣдь, безъ этого условія невозможно самое понятіе квадрата.

Для доказательства подобныхъ истинъ, право, не стоило писать ученыхя философскія разсужденія! Всякое знаніе осуществляется исключительно въ актахъ сознанія, которые отнюдь не тождественны, ни даже подобны „вещамъ въ себѣ“. Каждый актъ познанія представляетъ собою нѣкоторое отраженіе, нѣкоторый знакъ того, что дѣйствуетъ на познающаго, но отнюдь не то, что дѣйствуетъ на насъ, ни даже копію его. Между познаніемъ и познаваемымъ существуетъ лишь параллелизмъ, а не сходство. (Ср. VII гл. § 13). Такъ же точно между нашими словами и обозначаемыми ими предметами не имѣется никакого сходства: въ различныхъ языкахъ они обозначаются разными словами. Такъ же точно нѣтъ сходства и между буквами (видимыми знаками) и обозначаемыми ими звуками человѣческой рѣчи (слышимыми колебаніями воздуха). Поэтому желаніе выйти познающему изъ предѣловъ своего сознанія (и человѣческаго познанія) въ какой-то „трансцендентный міръ“ еще болѣе нелѣпо, чѣмъ желаніе младенца, который, подложивъ свои ручки подъ свои бедра, силится поднять себя ввверхъ безъ машинъ. Доказательство невозможности подобныхъ затѣй не стоитъ усилій ни великихъ философовъ, ни большихъ почитателей такихъ: ихъ доказательства сводятся къ слѣдующей истинѣ: непознаваемое не можетъ быть познано!

Правда, пытливый человѣческій умъ не ограничивается только тѣми предметами познанія, которые непосредственно обнаруживаются ему. Метафизики строятъ свои догадки относ. существованія разныхъ силъ, субстанцій и сущностей, которыми они стараются объяснить многообразіе явленій или даже возникновеніе видимаго міра; но ихъ предположенія только тогда могутъ имѣть познавательную цѣнность,

если они опираются на факты дѣйствительности, каковой она представляется всѣмъ познающимъ людямъ или же, по крайней мѣрѣ, можетъ представиться на основаніи предшествовавшего опыта. И сущности, и субстанціи, и силы метафизиковъ должны хоть чѣмъ-нибудь, хоть косвенно обнаружить свою дѣйствительность, свое существованіе. По этимъ обнаруженіямъ, или „явленіямъ“ заключаютъ къ являемому, и не только относ. его существованія, но и относ. его природы и свойствъ.

Итакъ, наше познаніе не ограничивается одними „явленіями“, т. е. чувственнымъ познаніемъ, видимаго и осязаемаго. Оно проникаетъ и въ сверхчувственный, но дѣйствительный міръ. Если же избранникамъ человѣчества дѣлается чудесное откровеніе, то и такое можетъ осуществляться лишь въ образахъ и понятіяхъ, свойственныхъ человѣческому познанію и уму. И вѣра не можетъ выйти изъ предѣловъ сознанія и человѣческихъ понятій.

§ 5. 125-и-лѣтняя полемика съ Кантомъ.

На противорѣчія въ ученіи Канта относ. „вещей въ себѣ“ указывали еще современники Канта. Такъ наприм. изъ числа противниковъ критицизма *Якоби* указывалъ на то, что „вещи въ себѣ“ не могутъ дѣйствовать на познающихъ, если категорія причинности еоть чисто субъективная форма познанія, примѣнимая только къ явленіямъ, а не къ вещамъ въ себѣ ¹⁾. То же повторяетъ и *Г. Э. Шульце* (*Эне-сидэмусъ*) ²⁾. Возражали Канту между другими также *Гарве*, историкъ *Тидеманъ и Эбергардъ*. Послѣднему Кантъ счелъ нужнымъ отвѣтить особымъ трактатомъ ³⁾.

И между сочувствующими критицизму Канта тоже многіе старались поправить его ученіе. Такъ напр. *С. Маймонъ* отвергаетъ „вещи въ себѣ“ Канта, которыя будто бы даютъ матерію познанія: по его мнѣнію, и матерія познанія

¹⁾ *Jacobi* Fr. Heinr. Werke 1812, II. Bd. David Hume... S. 301 u. ff.

²⁾ См. *Ueberweg*, Gesch. d. Philos. III. Th. 10 Aufl. Berlin 1907, S. 395 u. 401.

³⁾ *Kant*, Ueber eine Entdeckung, nach der alle neue Kritik der reinen Vernunft durch eine ältere entbehrlich gemacht werden soll, Königsb. 1790.

дается сознаниемъ ¹⁾. Такъ же и Якобъ С. Бекъ отмѣчаетъ непослѣдовательность Канта: „какъ могутъ „вещи въ себѣ“ дѣйствовать на насъ (affizieren) и давать матерію представленій, если онѣ безвременны, внѣ пространства и внѣ причинности?“ Бекъ признаетъ возбужденіе нашихъ чувствъ, но не „вещами въ себѣ“, а явленіями ихъ ¹⁾.

Совершенно отвергають „вещи въ себѣ“ нѣмецкіе идеалисты, замѣняя ихъ идеями. По ученію *Фихте*, вещь такова, каковой она должна мыслиться каждымъ интеллектомъ ²⁾. *Шеллингъ* считаетъ вещи въ себѣ „идеями въ вѣчномъ познавательномъ актѣ“ ³⁾; познать вещи въ себѣ значитъ познать ихъ такими, какія они есть въ нашемъ разумѣ; вещь съ ея субъективными опредѣленіями именно и есть настоящая вещь ⁴⁾. То же иными словами утверждаетъ и *Гегель*: вещь сама по себѣ—это идея и, какъ таковая, познаваема ⁵⁾.

Изъ неокантіанцевъ отвергають вещи въ себѣ *Фолькельтъ* и *Либманъ*, отчасти и *Когенъ*; равнымъ образомъ отвергають ихъ позитивисты (*Лаасъ*, *Махъ*, *Оствальдъ*), идеалисты и приверженцы имманентной философіи (*Шуппе*, *Ремке*, *Шубертъ-Золдернъ*), а также *Ницше*.

Другіе философы только отчасти признають непознаваемость вещей въ себѣ. Такъ напр., *Шопенгауэръ* признаетъ познаніе одной вещи въ себѣ, а именно—воли, посредствомъ внутренняго опыта, непосредственной интуиціи; подобно понимаетъ вещь въ себѣ и *Вундтъ*. Напротивъ, *Герbartъ*, *Лотце*, *Ренувье* считаютъ вещи въ себѣ духовными сущностями, монадами.

Не такъ давно появилась на русскомъ языкѣ весьма дѣльная книга *А. М. Щербинны*, излагающая „ученіе Канта о вещи въ себѣ“. Хотя авторъ по этому вопросу пользовался одной нѣмецкой литературой и большей частью въ русскомъ переводѣ; однако онъ хорошо разобрался въ противорѣчійхъ и слабостяхъ Канта, которыя въ общемъ осно-

¹⁾ См. *Ueberw.* цитир. соч. стр. 408.

²⁾ *I. G. Fichte*, Grundlage der ges. Wissenschaftslehre, 2 Aufl., 1802, S. 131.

³⁾ *Schelling* F. W. I., Ideen zu e. Philos. d. Natur, 2 Aufl. 1803, S. 76.

⁴⁾ *Schelling*, Sämtl. Werke, I Abt. X, S. 216.

⁵⁾ *Hegel* G. W. F., Logik II.

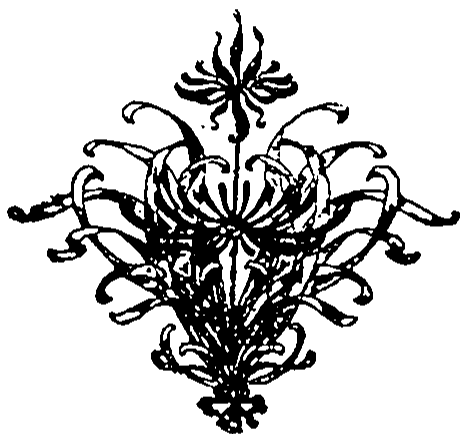
вательно критикуеть. Тѣмъ не менѣе и онъ не дошелъ до тѣхъ выводовъ относ. Канта, которые мы изложили въ предыдущемъ; и онъ презрительно относится къ „наивному“ реализму. Однако вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ признаеть, что мы „глубоко убѣждены, что нашимъ мыслямъ и представленіямъ соотвѣтствуетъ извѣстная реальность, имѣющая хотя самое отдаленное сходство (sic!) съ ними и существующая независимо отъ какихъ бы то ни было субъективныхъ переживаній“¹⁾. Равнымъ образомъ онъ признаеть, что эту реальность мы можемъ познать не только въ ея явленіяхъ, но и въ ея сущности.

Несогласенъ я съ авторомъ относ. оцѣнки Канта, которая совершенно совпадаетъ съ нѣмецкими кантіанцами, а именно: будто Кантъ—„величайшій мыслитель новаго времени“, и будто „ни одно твореніе новой филозофїи никомъ образомъ не можетъ соперничать съ Критикой чистаго разума“²⁾. Мнѣ лично она не дала новыхъ фактовъ, которыхъ я не зналъ бы изъ чтенія Локка, Лейбница, Юма, Беркли и Рида, у которыхъ поучался и Кантъ.

Этотъ вѣковой споръ о Кантѣ не говоритъ ни въ его пользу, ни въ пользу его защитниковъ!

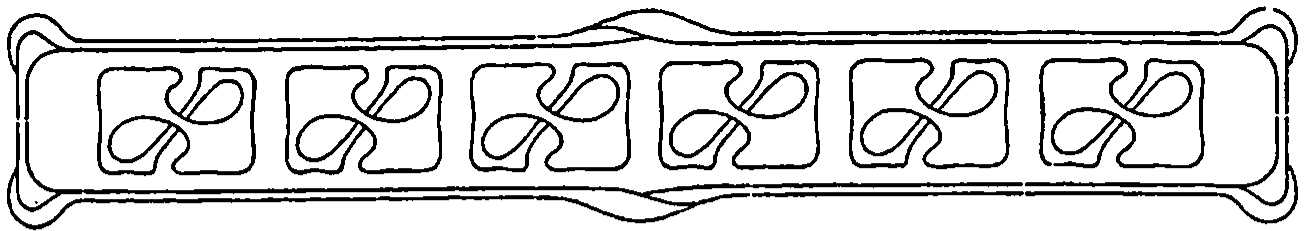
И. С. Проданъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ А. М. Щербина, Ученіе Канта о вещи въ себѣ, Кіевъ 1904, стр. 187; (маркировки мои).

²⁾ Тамъ же, стр. 187 и 189.

СПИРИТУАЛИСТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ДУШѢ по ПРОИЗВЕДЕНІЯМЪ проф. ЧЕЛПАНОВА.

Произведенія профессора Челпанова „Мозгъ и душа“ и „Введеніе въ философію“, въ отношеніи къ вопросу о природѣ человѣческой души, могутъ быть разсматриваемы, какъ система оправданія спиритуалистическаго ученія объ этомъ предметѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ своихъ конечныхъ выводахъ профессоръ утверждаетъ, что человѣческая душа, это—нематеріальная, непротяженная, абсолютно простая и недѣлимая духовная субстанція. Она есть начало, отличное отъ тѣла, и, какъ субстанція, неизмѣнное по своей природѣ. Въ нашемъ внутреннемъ, непосредственномъ опытѣ она не дана; даны только постоянно смѣняющіяся явленія, которыя составляютъ ея модусы или обнаруженія. Словомъ, душа, это—субстратъ или носитель, основаніе и причина всѣхъ психическихъ состояній. Она также необходима для объясненія явленій душевной жизни, какъ необходимъ атомъ для объясненія жизни матеріальной. Ученіе, какъ видно, почти строго спиритуалистическое.

Разсмотрѣніе названныхъ сочиненій показываетъ, что профессоръ приходитъ къ своимъ основнымъ выводамъ, главнымъ образомъ, путемъ отрицательнымъ, путемъ критики другихъ ученій о природѣ человѣческой души (матеріализма, психофизическаго монизма). Но такъ какъ и въ интересахъ чистой науки, и въ интересахъ каждаго, желающаго оправдать существованіе души, какъ особой субстанціи, гораздо важнѣе его положительныя данныя въ пользу субстанціальности души; то мы и сосредоточимъ свое вниманіе преимущественно на этихъ послѣднихъ. Однако, чтобы

оправданіе души, какъ самостоятельнаго и неизмѣннаго субстрата психическихъ явленій, оправданіе, представленное въ выше указанныхъ произведеніяхъ профессора Челпанова, не казалось одностороннимъ, мы сравнительно кратко изложимъ и его критику другихъ, неспиритуалистическихъ теорій по данному вопросу. Въ заключеніе выскажемъ нѣсколько собственныхъ, усиленныхъ соображеній относительно того, насколько удовлетворительна система оправданія спиритуалистическаго ученія о душѣ человѣка, даваемая профессоромъ Челпановымъ въ обонхъ разсматриваемыхъ произведеніяхъ его.

Поставивъ главною задачей нашей работы указаніе тѣхъ положительныхъ данныхъ, которыя профессоръ Челпановъ приводитъ въ доказательство истинности своего ученія о человѣческой душѣ, какъ о нематеріальной, непротяженной, абсолютно-простой и недѣлимой духовной субстанціи, мы должны сначала изложить и выяснить тотъ центръ, ту основную точку зрѣнія, твердо стоя на которой только возможно, по словамъ профессора Челпанова, поднимать вопросъ о душѣ человѣка, только и возможно говорить о духовной субстанціи. Такою точкою, по его мнѣнію, является *признаніе различія между психикой и матеріей, между міромъ душевныхъ явленій и міромъ явленій физическихъ*. Въ своемъ произведеніи „Мозгъ и душа“ уважаемый профессоръ пишетъ: „вопросъ о коренномъ различіи между явленіями физическими и явленіями психическими есть одинъ изъ очень существенныхъ вопросовъ философіи. Для того, кто не постигъ этой разницы между физическими и психическими явленіями, знакомство съ философскими ученіями о томъ, что такое душа, существуетъ-ли духовная субстанція, существуетъ ли взаимодействіе между духомъ и матеріей, окажется невозможнымъ“ (стр. 105). Приглашая читателя обратить особенное свое вниманіе на приведенную выдержку, мы считаемъ не лишнимъ въ дѣляхъ разъясненія къ ней съ своей стороны добавить, что, дѣйствительно, тотъ, кто не почувствуетъ глубокаго различія между этими двумя мірами, ни въ какомъ случаѣ не будетъ и не можетъ ставить для себя вопроса о природѣ человѣческой души, и именно по той простой причинѣ, что онъ уже рѣшенъ для него материалистически. Имѣя въ виду важность и необходимость

усвоенія коренного различія между психическимъ и физическимъ въ дѣлѣ постановки и рѣшенія вопроса о природѣ души человѣка, профессоръ двѣ спеціальныхъ лекціи посвящаетъ доказательству истинности этого различія. (См. „Мозгъ и душа“. Лекц. V и VI). Эти двѣ лекціи мы сейчасъ и рассмотримъ.

Прежде чѣмъ приступить къ раскрытію и аргументаціи своей основной точки—коренного различія между явленіями физическими и психическими, профессоръ дѣлаетъ оговорку, въ которой замѣчаетъ, что доказывать это различіе онъ будетъ сначала на почвѣ разсмотрѣнія вопроса о предметѣ психологіи. Его выборъ въ данномъ отношеніи объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ давалъ ему возможности съ особенною полнотою и ясностью раскрыть первый признакъ существенной разницы между міромъ психическимъ и міромъ матеріальнымъ. Признакъ этотъ—совершенное различіе способовъ или методовъ познанія того и другого міра: „психическія явленія, читаемъ въ произведеніи „Мозгъ и душа“, могутъ быть познаваемы *только* путемъ самонаблюденія“ (стр. 81). Выставивъ этотъ тезисъ въ качествѣ черты, отличающей исключительно психическія явленія, профессоръ по необходимости долженъ былъ заняться его уясненіемъ и обоснованіемъ. А сдѣлать послѣднее наилучшимъ образомъ и можно на почвѣ разсмотрѣнія вопроса о предметѣ психологіи.

Выполненіе своей задачи профессоръ начинаетъ констатированіемъ того факта, что очень часто ученые смѣшиваютъ предметъ психологіи съ предметомъ фізіологіи, считаютъ первую только частью послѣдней и навязываютъ наукамъ о душѣ совсѣмъ не свойственные ей фізіологическіе методы, считая ненаучнымъ методъ самонаблюденія. Въ тоже время и въ связи съ этимъ существуетъ мнѣніе, по которому психологія совершенно недавно сдѣлалась истинной наукой, такъ какъ будто бы она *недавно стала въ связь съ философіей*, давшей ей дѣйствительно научные пути изслѣдованія взамѣнъ „метафизичнаго“ и ложнаго самонаблюденія. Прежде всего, профессоръ опровергаетъ послѣднее мнѣніе, какъ болѣе легкое и не требующее многого для доказательства своей несостоятельности. Ссылаясь на исторію психологіи, онъ нагляднымъ образомъ даетъ понять, что съ са-

маго рожденія своего, какъ науки, съ самыхъ временъ своего отца-Аристотеля, психологія была уже фізіологической, такъ какъ еще этотъ великій ученый древности разсматривалъ всякій психологическій процессъ въ связи съ фізіологическими. Таковою же психологія была извѣстна и послѣ Аристотеля, и во время Декарта и, наконецъ, въ XVIII вѣкѣ. Отмѣчая, въ заключеніе къ разбору приведеннаго выше мнѣнія, современный характеръ психологіи, профессоръ говоритъ: не то ново въ психологіи, что она фізіологическая, а то, что она все болѣе и болѣе становится наукой экспериментальной; но первое и второе направленіе въ наукѣ о душѣ—совсѣмъ различныя понятія.

Нанесши, такимъ образомъ, ударъ ходячему мнѣнію о томъ, что психологія недавно сдѣлалась точной, истинной наукой и сдѣлалась именно потому, что будто-бы она недавно стала фізіологической, профессоръ этимъ подготовилъ почву для своихъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Въ самомъ дѣлѣ, если психологія давно извѣстна, какъ фізіологическая, то ясно, что теперешній успѣхъ ея въ научномъ смыслѣ вовсе не есть результатъ ея связи съ фізіологіей. А если такъ, то правы ли ученые, которые высказываются противъ самостоятельности психологіи, какъ науки, признавая предметъ ея тождественнымъ съ предметомъ фізіологіи, считая единственно научными методами въ дѣлѣ изслѣдованія психическихъ явленій методы фізіологіи и совершенно отрицая самонаблюденіе, какъ методъ ложный, метафизическій и ненаучный? Такого рода вопросъ даетъ профессору право перейти къ критикѣ только что приведенныхъ положеній, причемъ, главное вниманіе свое онъ обращаетъ на оправданіе самонаблюденія, какъ способа познанія психическихъ явленій, обращаетъ въ той мысли, что, доказавъ законность и возможность этого послѣдняго, онъ оправдываетъ все. Дѣйствительно, если путь самонаблюденія представится не только вѣроятнымъ, но и единственно возможнымъ средствомъ познавать душевныя явленія, если мы убѣдимся, что онъ не только не излишенъ, но безъ него и внѣ его ни одинъ методъ фізіологіи не будетъ въ состояніи проникнуть внутрь психическаго міра,—то непосредственно являются вопросы: чѣмъ же объяснить безсиліе и тщетность методовъ фізіологіи лишь своими собственными средствами изслѣдо-

вать психическую область? И что же это за область, которая для своего познанія требуетъ какого-то особеннаго, специфическаго способа, способа самонаблюденія? Значить, природа этой области совсѣмъ другая, нежели природа остальныхъ физическихъ и физиологическихъ явленій? Значить, предметъ науки психологіи, пользующейся преимущественно методамъ самонаблюденія, совсѣмъ другой, отличный отъ предмета физиологіи? Значить, послѣдняя не цѣлое, по отношенію къ которому наука психологія—лишь часть, а обѣ они равноправны и совершенно другъ отъ друга независимы, какъ обладающія разными предметами и разными методами изслѣдованія? Вотъ къ какимъ цѣннымъ для психолога выводамъ приводитъ оправданіе самонаблюденія, какъ способа познанія психическихъ явленій. Признавъ его необходимость, невольно вынуждаешься признать не только независимость науки психологіи отъ физиологіи, но прямо коренное различіе между ними, различіе, обусловливающееся (и это особенно важно для профессора Челпанова въ данный моментъ) субстанціальнымъ различіемъ ихъ предметовъ, т. е., съ одной стороны, психическихъ, а съ другой,—физико-физиологическихъ явленій.

Указавъ мотивъ, по которымъ профессоръ сосредоточилъ свое вниманіе преимущественно на защитѣ самонаблюденія, рассмотримъ теперь самый родъ защиты.

Первымъ *долгомъ* профессоръ отмѣчаетъ возраженіе Канта противъ самонаблюденія, какъ главное въ новѣйшее время, раскрываетъ это возраженіе довольно подробно, но въ критику его не вдается. Онъ говоритъ лишь мимоходомъ, что однѣ изъ ученыхъ, каковы, напр., Милль, Льюисъ, Кавелинъ, отвергли взглядъ Канта, другіе—МAUDSLI, у насъ—СѢЧЕНОВЪ, сдѣлались его горячими адептами,—и послѣ этого прямо переходитъ къ положительному оправданію самонаблюденія. Онъ утверждаетъ, что многіе отрицаютъ самонаблюденіе, какъ методъ ненаучный, просто потому, что не могутъ понять смысла самаго термина „самонаблюденіе“, которое съ англійскаго языка есть „глядѣніе внутрь самого себя“. Рекомендуя въ подобныхъ недоумѣянныхъ случаяхъ обращаться непосредственно къ самой философіи, профессоръ разъясняетъ, что у философовъ терминъ этотъ имѣетъ очень простой, понятный и вполне опредѣленный смыслъ.

Наше познание,—говорятъ они, по своему содержанію слагается изъ двухъ элементовъ: съ одной стороны, изъ явленій, воспринимаемыхъ нами при посредствѣ органовъ внѣшнихъ чувствъ, каковы, напр., явленія цвѣта, звука, формы и т. п., съ другой,—изъ феноменовъ иного порядка, феноменовъ, которые мы познаемъ какимъ-то „особеннымъ“ образомъ и къ которымъ относятся такіе, напр., процессы, какъ процессы мысли, чувства, желанія, рѣшенія и т. д. Вотъ этотъ то „особенный“ способъ воспріятія явленій и извѣстенъ въ философіи подъ именемъ „самонаблюденія“, внутренняго зрѣнія“ и тому подобными названіями. Выдѣляя самонаблюденіе, какъ совершенно самостоятельный, въ полномъ смыслѣ „особенный“ путь воспріятія явленій, профессоръ коротко указываетъ, какіе отсюда можно сдѣлать логическіе выводы и которые дѣйствительно дѣлаются представителями философіи и психологіи. Эти выводы мы уже указывали выше, но, въ цѣляхъ стройности изложенія, считаемъ не лишнимъ повторить опять. Именно, если самонаблюденіе есть на самомъ дѣлѣ независимый методъ изслѣдованія явленій, методъ, существенно отличный отъ способа воспріятія явленій при помощи органовъ внѣшнихъ чувствъ, то несомнѣнно, что сами явленія, какъ предметъ познанія, кореннымъ образомъ разнятся другъ отъ друга, что міръ психическій, какъ совокупность феноменовъ одного рода, совсѣмъ не тождествененъ съ физическимъ, какъ совокупность феноменовъ другого рода. Далѣе, если это такъ, если явленія, воспринимаемыя нами при помощи органовъ внѣшнихъ чувствъ, дѣйствительно отличаются отъ явленій, познаваемыхъ чрезъ самонаблюденіе, то предметы физиологій, какъ науки о феноменахъ перваго рода, и психологіи, какъ науки о феноменахъ втораго рода, приходится признать другъ отъ друга независимыми. А истинность этого послѣдняго положенія влечетъ за собою истинность и несомнѣнность другого, по которому психологія, какъ отрасль общечеловѣческаго знанія, совершенно самостоятельна, а вовсе не есть часть физиологіи. Однако, чтобы имѣть возможность выдавать всѣ эти выводы за несомнѣнные, профессоръ долженъ былъ не только указать, но и доказать „особенность“ самонаблюденія, т. е., съ одной стороны, сдѣлать очевидной его разницу отъ внѣшняго наблюденія, съ другой,—разрѣ-

шить недоумѣнія и опровергнуть возраженія, которыя являются въ связи съ признаніемъ самонаблюденія. Это онъ и дѣлаетъ въ дальнѣйшемъ изложеніи,

Первую половину своей задачи профессоръ выполняетъ довольно кратко. Онъ приводитъ нѣсколько примѣровъ познанія по тому и другому методу и, на основаніи ихъ констатируетъ, что въ то время, какъ въ актѣ внѣшняго наблюденія познаваемые явленія доступны всѣмъ и каждому, въ актѣ внутренняго зрѣнія или самонаблюденія познаваемые феномены доступны исключительно лицу познающему и никому болѣе, другими словами, если методъ внѣшняго наблюденія можетъ быть названъ объективнымъ, то методъ самонаблюденія—субъективнымъ. Но противъ послѣдняго положенія могутъ возразить, могутъ сказать, что внутреннія состоянія человѣка не всегда доступны лишь ему одному, что мы, напр., видя плачущаго человѣка, способны опредѣлить его душевное настроеніе, способны сказать, что онъ испытываетъ чувство печали,—словомъ, способны путемъ чисто внѣшняго наблюденія узнать его душевныя явленія. Опроверженіемъ этого возраженія начинается выполнение второй, такъ сказать, отрицательной половины задачи оправданія самостоятельности и „особенности“ самонаблюденія.

Профессоръ, отвѣчая тѣмъ, которые будто-бы чисто внѣшнимъ путемъ могутъ видѣть чужія настроенія, пишетъ въ своемъ произведеніи „Мозгъ и душа“: „но вы ошибаетесь, чувствъ вы не видите, страданій вы не видите, вы воспринимаете только рядъ физическихъ явленій, изъ которыхъ вы умозаключаете, что человѣкъ страдаетъ“ (стр. 93). Разъясняя дальше свои слова, профессоръ приходитъ къ выводу, что мы въ данномъ случаѣ не воспринимаемъ психическихъ явленій непосредственно, а судимъ о нихъ по внѣшнимъ проявленіямъ, которыя когда-нибудь наблюдали у самихъ себя въ связи съ тѣми или иными душевными процессами. Эта-то вотъ связь, добытая нами чрезъ самонаблюденіе, и даетъ намъ возможность узнавать, повидимому, чисто внѣшнимъ путемъ чужія психическія переживанія. Итакъ, вмѣшательство самонаблюденія въ актъ познанія внутреннихъ явленій не только не устраняется, но ясно подтверждается и имъ предполагается, а потому, говоритъ профессоръ, можно съ несомнѣнностью заключить, что

„самонаблюдение есть единственный источник познания психических процессов; безъ самонаблюдения о психической жизни другихъ индивидуумовъ, другихъ организмовъ мы ничего не могли бы знать“ (Ibid. стр. 95). Такъ какъ многіе могутъ подумать, что выраженіе профессора относительно самонаблюдения, какъ *единственнаго* источника познания психическихъ явленій, отрицаетъ значеніе внѣшняго наблюдения для психологіи, то онъ считаетъ нужнымъ выяснить правильное пониманіе своего выраженія. Профессоръ говоритъ, что онъ очень далекъ отъ указаннаго отрицанія. Вмѣстѣ съ другими философами и психологами онъ признаетъ, что на основаніи наблюденій только надъ самимъ собою нельзя установить законовъ жизни духа, что психологія черпаетъ свои свѣдѣнія изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ. Перечисляя области знанія, изъ которыхъ психологія заимствуетъ матеріалы для своихъ операцій и отмѣчая значеніе свѣдѣній, получаемыхъ изъ каждой области, для психологіи, профессоръ разъясняетъ, что своимъ выраженіемъ о самонаблюденіи онъ не устраняетъ значенія только что названныхъ матеріаловъ, а лишь утверждаетъ, что всѣ эти матеріалы имѣютъ смыслъ и цѣну единственно при наличности самонаблюдения: не будь послѣдняго, не будутъ пониматься и внѣшне пріобрѣтаемыя свѣдѣнія, не будутъ именно потому, что самое пріобрѣтеніе ихъ возможно только чрезъ самонаблюденіе. Разобравши первсе возраженіе, направленное къ замѣнѣ самонаблюдения внѣшнимъ наблюдениемъ, и ясно показавши, что каждый изъ этихъ методовъ не отрицаетъ другого, профессоръ переходитъ къ критикѣ новаго возраженія противъ самонаблюдения, возраженія, которое можетъ быть построено на почвѣ примѣненія эксперимента въ психологіи. Въ самомъ дѣлѣ, могутъ спросить: не устраняется ли возможность самонаблюдения фактомъ существованія эксперимента въ области изученія психическихъ процессовъ? Вѣдь экспериментъ есть нѣчто такое, что имѣетъ мѣсто лишь по отношенію къ внѣшнимъ, видимымъ, доступнымъ для всѣхъ людей, а не одному только лицу явленій. Отсюда, если, съ одной стороны, говорить, что психологія оперируетъ исключительно надъ данными самонаблюдения (исключительность понимается въ выше объясненномъ смыслѣ), а съ другой,—утверждать, что примѣненіе

эксперимента въ психологiи все-таки возможно, то не значить ли это — слишкомъ очевидно самому себѣ противорѣчить? Что нибудь одно: или самонаблюденіе, какъ актъ чисто-субъективный, или экспериментъ, какъ актъ чисто внѣшній, объективный. Это антитетическое возраженіе профессоръ разрѣшаетъ очень просто. Выяснивъ сущность эксперимента вообще, которая заключается въ томъ, чтобы, измѣняя условія извѣстнаго явленія, наблюдать происходящія отсюда измѣненія въ самомъ явленіи, профессоръ говоритъ, что такого рода экспериментъ возможенъ въ психологiи не прямо, а косвенно, по силѣ той неразрывной связи, которая существуетъ между психическими явленіями, съ одной стороны, и физико-физиологическими—съ другой. Эта-то связь и даетъ возможность экспериментировать въ психологiи, т. е. употреблять въ области чисто-субъективныхъ процессовъ внѣшне-объективный пріемъ, именно, она позволяетъ послѣ, измѣняя физико-физиологическія условія психическихъ явленій, наблюдать измѣненія въ этихъ послѣднихъ, какъ въ извѣстномъ смыслѣ слѣдствійхъ первыхъ. Чтобы эти разсужденія профессора по поводу самонаблюденія получили до нѣкоторой степени объективный характеръ и завѣреніе со стороны, онъ ссылается въ подтвержденіе своихъ мыслей на свидѣтельства такихъ корифеевъ философско-психологической науки, каковыми являются Д. С. Милль, Гербертъ Спенсеръ, Рибо и Вундтъ. Основная мысль ихъ сужденій по вопросу о самонаблюденіи сводится къ тому, что послѣднее не только допустимо, но что сама психологiя не была бы возможна, если бы не было самонаблюденія.

Доказавъ, такимъ образомъ, законность и самостоятельность внутренняго зрѣнія, его „особность“ и совершенную отдѣльность отъ внѣшняго наблюденія, профессоръ дѣлаетъ изъ доказаннаго положенія всѣ выводы, какіе ему были необходимы и которые мы дважды указали выше. Не считая нужнымъ снова повторяться, мы всѣ эти выводы перечислять уже не будемъ; упомянемъ только объ одномъ изъ нихъ, который служитъ центромъ всѣхъ изложенныхъ разсужденій профессора. Именно, если самонаблюденіе, какъ методъ познанія психическихъ явленій, *существенно* отличается отъ внѣшняго наблюденія, какъ способа воспріятія явленій матеріальныхъ, то несомнѣнно, что сами явленія

различны между собою по существу: „познаніе того и другого міра (т. е. физическаго и психическаго),—говорить профессоръ,—получается различными путями, а если способ познанія совершенно иной, то это значитъ, что между міромъ физическимъ и міромъ психическимъ есть непроходимое различіе“ („Мозгъ и душа“. Стр. 104).

Итакъ, первая черта, доказывающая истинность коренного различія между духомъ и матеріей, есть существенное различіе методовъ ихъ познанія.

Другою такою чертою, открываемою уже на почвѣ разсмотрѣнія самой природы психическаго и физическаго, является, по мнѣнію профессора, непротяженность въ пространствѣ перваго и пространственность второго. Раскрываетъ эту черту профессоръ слѣдующимъ образомъ.

Въ цѣляхъ ясности и раздѣльности дальнѣйшаго изложенія, считаемъ необходимымъ прежде всего кратко выразить сущность мыслей профессора по данному вопросу, именно: отсутствіе пространственной протяженности въ явленіяхъ психическаго міра и наличность этого качества въ феноменахъ міра физическаго профессоръ доказываетъ на основаніи закона непосредственной очевидности, устраняя при этомъ тѣ возраженія, которыя ему могутъ представить.

Рядъ своихъ разсужденій профессоръ начинаетъ анализомъ самаго термина „протяженность“, ссылаясь на важность терминологіи въ философіи и тѣ нежелательныя послѣдствія и даже заблужденія, которыя являются продуктомъ неточнаго пониманія и употребленія словъ. При помощи наглядныхъ примѣровъ, онъ разъясняетъ, что быть пространственно-протяженнымъ, это значитъ—имѣть опредѣленное положеніе или мѣсто въ пространствѣ, обладать извѣстною формой и, наконецъ, заключать въ себѣ способность перемѣны мѣста въ пространствѣ или движенія. Передавая ту же самую мысль на техническомъ языкѣ философіи, нужно выразиться такъ, что быть протяженнымъ, это значитъ—допускать возможность примѣненія къ себѣ „категорій пространственной протяженности“. Установивъ, такимъ образомъ, точный смыслъ словъ „пространственная протяженность“, профессоръ опять таки посредствомъ яснѣйшихъ примѣровъ показываетъ, что насколько естественно прилагать категорію пространственной протяженности къ ве-

щамъ и явленіямъ физическаго міра, настолько же неосновательно и абсурдно дѣлать это по отношенію къ феноменамъ міра психическаго. Въ самомъ дѣлѣ, какъ, съ одной стороны, очевидно то, что всякая матеріальная вещь, процессъ или явленіе занимаетъ извѣстное положеніе въ пространствѣ, имѣетъ опредѣленную форму и обладаетъ способностью движенія (электричество, магнетизмъ не составляютъ исключенія, такъ какъ, по даннымъ науки, ихъ сущность есть перемѣщеніе частицъ матеріи, т. е. движеніе), такъ, съ другой стороны, нелѣпо то, что какой-нибудь психическій процессъ, напримѣръ, мысль, чувство, желаніе, находится направо, а не налево, вверху, а не внизу, что онъ круглъ, а не четырехуголенъ, длиненъ, а не коротокъ, что, наконецъ, онъ не стоитъ, а движется въ пространствѣ.

Такъ говоритъ непосредственное сознаніе. Оно ясно доказываетъ непротяженность психическихъ явленій. Тѣмъ не менѣе, и здѣсь не обходятся безъ возраженій.

Прежде всего возраженіе въ данномъ случаѣ построено на почвѣ локализациі ощущеній въ опредѣленномъ мѣстѣ на периферіи нашего тѣла. Если, говорятъ, чувство или ощущеніе; напримѣръ, теплоты, холода, боли и т. п., помещается нашимъ сознаніемъ въ извѣстномъ участкѣ кожи, то несомнѣнно, что категория пространственной протяженности къ чувствамъ вполне примѣнима. Но это возраженіе профессоръ разрѣшаетъ очень легко. По его мнѣнію, дѣло здѣсь въ томъ, что мы привыкли вмѣстѣ съ тѣмъ, или инымъ ощущеніемъ, съ тѣмъ или инымъ чувствомъ связывать зрительную протяженность периферіи нашего тѣла, а потому и думаемъ, что само ощущеніе или чувство занимаетъ извѣстное положеніе въ пространствѣ. Однако, ничего подобнаго не существуетъ. Что это дѣйствительно такъ, можно ясно убѣдиться изъ того факта, что часто ампутированные, спустя долгое время послѣ операциі, чувствуютъ боль въ отнятыхъ частяхъ тѣла, чего ни въ какомъ случаѣ не могло бы быть, если бы чувство занимало опредѣленное мѣсто.

Итакъ, категоріи пространственной протяженности къ явленіямъ психическимъ не приложимы; они возможны лишь въ отношеніи къ вещамъ и феноменамъ міра мате-

ри. Это—не личное убѣжденіе профессора только: это—мнѣніе всѣхъ представителей философско-психологической науки. Достаточно принять во вниманіе свидѣтельства по данному вопросу такихъ ученыхъ, какъ Декарта, Лейбница, Юма, І. Спенсера, англійскаго физика Тэта, чтобы повѣрить сказанному.

Увѣреніе профессора въ томъ, что признаніе протяженности физическаго міра и непротяженности психическаго—общее достояніе философіи, могло вызвать, думаетъ онъ, слѣдующее возраженіе. Могли бы спросить: если отмѣченное различіе между психикой и матеріей—общепризнанная истина среди мыслителей, то почему же она не была извѣстна такимъ виднымъ ученымъ, каковы были апостолы матеріализма Фогтъ, Молешоттъ и Бюхнеръ? Отвѣчая на это возраженіе, профессоръ цитируетъ два мѣста изъ произведенія Харьковскаго психіатра Ковалевскаго „Основы механизма душевной дѣятельности“, причемъ особенно подчеркиваетъ такія его выраженія, какъ ощущенія *проникаютъ*, ощущенія *двигаются*. Далѣе, онъ разъясняетъ, что ученые матеріалисты, какъ показываетъ самая внѣшняя форма только что приведенныхъ фразъ, смотрятъ на психическіе процессы съ предзанятою мыслью, что они, вмѣсто того, чтобы думать объ ощущеніи, какъ таковомъ, думаютъ о тѣхъ физиологическихъ процессахъ, которые сопутствуютъ ощущенію. Результатомъ такого направленія мышленія и бываетъ то, что они впадаютъ въ заблужденіе, отождествляютъ физиологическіе процессы, сопровождающіе чувства, съ самими чувствами. Но что между первыми и послѣдними глубокое различіе, это открывается изъ того простаго факта, что чувство, напримѣръ, голода извѣстно всякому человеку, даже младенцу и дикарю, тогда какъ физиологическіе процессы, связанные съ этимъ чувствомъ, извѣстны только специалисту-физиологу.

Опровергнувъ и это возраженіе, профессоръ еще не считаетъ возможнымъ закончить свои рассужденія по вопросу о непротяженности духа. Онъ предвидитъ, что его доказательства, какъ опирающіяся исключительно на свидѣтельство непосредственной очевидности, всегда могутъ поднасть упреку въ отсутствіи научности. Желая отразить и это, довольно серьезное, по его мнѣнію, возраженіе, профессоръ

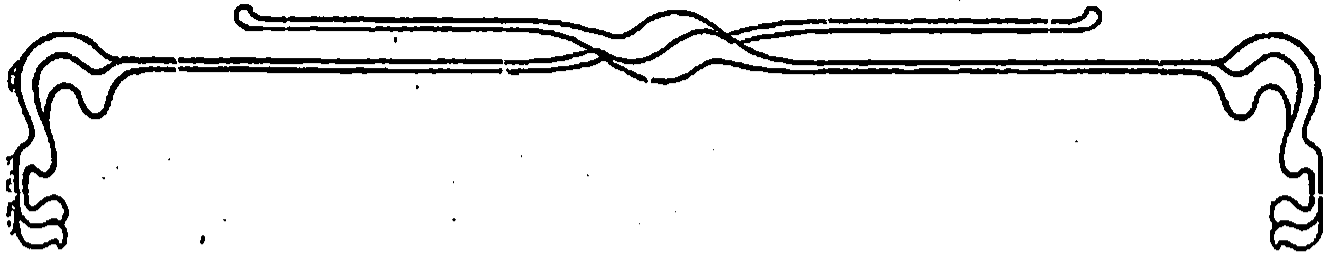
сначала, такъ сказать, обращаетъ оружіе противъ самихъ возражателей и спрашиваетъ ихъ, могутъ ли они, требующіе научнаго доказательства непротяженности духа, съ своей стороны научно доказать протяженность матеріи. Но такъ какъ они отказываются исполнить его предложеніе относительно матеріи (потому что нельзя доказывать очевидное, нельзя, на примѣръ, стараться обставить различными доводами то положеніе, что вода жидка, или огонь жжется), ссылаясь на свидѣтельство здраваго смысла, то точно также и въ силу тѣхъ же основаній отказывается и онъ исполнить ихъ предложеніе касательно духа. Однако, только такимъ чисто отрицательнымъ способомъ критики разсмаиваемаго возраженія профессоръ не довольствуется. Зная всю недостаточность одного отрицанія, онъ представляетъ положительныя данныя въ пользу того, что непротяженность духа не можетъ быть научно обоснована. Именно, приводя наглядные примѣры изъ области физики и математики, онъ ясно доказываетъ, что, подобно тому, какъ въ каждой наукѣ имѣются самоочевидныя истины, которыя изъ другихъ уже не выводимы, такъ и въ данномъ случаѣ немислимо требовать научной обосновки такой несомнѣнной истины, что духъ не обладаетъ протяженностью въ пространствѣ.

На этомъ профессоръ и заканчиваетъ свои разсужденія о непространственности явленій психическаго міра. Подводя общій итогъ, онъ пишетъ: итакъ „остановимся на томъ положеніи, что разница между физическимъ и психическимъ та, что къ первому приложимы категоріи протяженности, а ко второму неприможимы“ („Мозгъ и душа“. Стр. 124). Это, по мнѣнію профессора Челпанова, уже второй признакъ кореннаго различія между духомъ и матеріей.

С. П—скій.

(Продолженіе будетъ).

Факты и воспоминанія изъ жизни герцеговинца на службѣ по духовно-учебному вѣдомству.

(Продолженіе *).

Учебная часть въ семинаріи и синодальная ревизія
въ 1894 году.

Внѣшнія условія жизни учениковъ семинаріи безъ сомнѣнія неблагопріятно отражались на ихъ успѣхахъ и поведеніи, но въ общемъ учебная часть въ семинаріи продолжала быть удовлетворительною. Если весьма притязательный ревизоръ С. И. Миропольскій, много рѣзкаго написавшій (въ 1885 г.) въ своемъ отчетѣ о состояніи семинаріи, не могъ не признать, что „учебное дѣло въ семинаріи поставлено вообще правильно“, то значитъ учебная часть въ семинаріи дѣйствительно находилась въ удовлетворительномъ состояніи. Хотя въ иные года моего ректорства и замѣчались колебанія въ успѣхахъ учениковъ по отдѣльнымъ предметамъ, но въ общемъ дѣло шло успѣшно, и Полтавская семинарія, смѣю утверждать,—въ учебномъ отношеніи не уступала другимъ своимъ сестрамъ. Синодальная ревизія семинаріи, произведенная въ ноябрѣ и декабрѣ 1894 г. членомъ-ревизоромъ учебнаго Комитета д. с. с. А. М. Докучаевымъ, нашла ее въ очень хорошемъ состояніи по всѣмъ частямъ и только русскій выговоръ полтавцевъ не удовлетворилъ ревизора тверяка. Правда, ревизоръ былъ моимъ товарищемъ по академіи, но было бы недостойно и оскорбительно для его памяти, какъ человѣка высокочестнаго, предполагать возможность уклоненія его

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 18 за 1912 годъ.

отъ служебнаго долга ради какого-то проблематическаго чувства товарищескаго, черезъ 28 лѣтъ совершенно изсякшаго.

Насколько А. М. былъ строго корректенъ въ своихъ дѣйствіяхъ по ревизіи, можно судить по слѣдующей выдержкѣ изъ его оффиціального письма ко мнѣ отъ 10-го октября 1894 г.: „Св. Синодомъ поручено мнѣ обревизовать духовно-учебныя заведенія Полтавской епархіи. Моему обзрѣнію будутъ подлежать данныя изъ жизни семинаріи, совершившіяся за періодъ времени, начиная съ 1885 года, современіи ревизіи Миропольскаго, по дни моей ревизіи. Покорнѣйше прошу васъ приказать, кому слѣдуетъ, приготовить для меня, ко времени пріѣзда моего въ Полтаву, слѣдующія письменныя данныя: 1) Именной списокъ преподавателей и прочихъ лицъ государственной службы, состоящихъ при семинаріи, съ подробнымъ обозначеніемъ мѣста образованія, ученой степени, перемѣнъ по прохожденію службы, почетныхъ наградъ и проч. 2) Вѣдомость: а) о количествѣ опущенныхъ наставниками, каждымъ порознь, уроковъ за каждый годъ и б) о общемъ количествѣ уроковъ за каждый годъ, пропущенныхъ воспитанниками вообще; причины опущенія уроковъ слѣдуетъ обозначать точнымъ образомъ. 3) Свѣдѣнія о процентномъ по отношенію къ общему числу учащихся количествѣ малоуспѣшныхъ учениковъ у каждаго преподавателя и въ каждомъ классѣ. 4) Статистическія данныя о числѣ ученическихъ проступковъ. 5) Свѣдѣнія о заболѣваемости и смертности среди воспитанниковъ и 6) Недѣльное росписаніе уроковъ.—Конечно, всѣ подобныя свѣдѣнія будутъ провѣрены мною лично, по документамъ“.

Не знаю, почему мой деликатный коллега счелъ нужнымъ послѣднее прибавить, но его предупрежденіе мнѣ не понравилось, какъ излишнее и обидное для меня и тѣхъ моихъ сослуживцевъ, на коихъ мною возлагалась обязанность изготовить требуемыя имъ свѣдѣнія. Думаю, что во время ревизіи А. М. вполне убѣдился, что я неспособенъ на замалчиваніе фактовъ, какъ бы онѣ ни были прискорбны, и менѣе всего забочусь о показности. Дѣло говорило само за себя и прикрашивать его въ ту или другую сторону было бы нечестно съ моей стороны. То, чтобы я, можетъ

быть, другому ревизору и отвѣтилъ на его вопросы относительно сослуживцевъ, воздерживался въ отвѣтахъ А. М., который, конечно, понималъ мою щепетильность и самъ не настаивалъ на откровенности. Я весьма радъ былъ, что его отзывы о преподавателяхъ оказались благопріятными, но нѣкоторыя изъ его заключеній показались мнѣ неудобными и несоотвѣтствующими дѣйствительности.

Мѣсяца два послѣ ревизіи семинаріи (29-го января 1895 г.) онъ писалъ мнѣ слѣдующее: „Духовныя училища Полтавской епархіи я нашелъ переполненными съ одной стороны учащими изъ всякаго сословія, а съ другой стороны—наставниками малороссами, и притомъ лицами семинарскаго образованія, довольно слабыми и въ наукахъ, и въ русскомъ языкѣ въ частности. Желательно, чтобы и академисты --Полтавскіе уроженцы, сравнительно слабые въ русскомъ языкѣ, а главное—весьма пристрастные къ своему малороссійскому нарѣчію, не были опредѣляемы на родину, въ духовно-учебныя заведенія“.

Къ сожалѣнію, эта мысль проведена была и въ отчетахъ о ревизіи семинаріи и училищъ и дала поводъ оберъ-прокурору Св. Синода К. П. Побѣдоносцеву къ заключенію, что будто бы и въ семинаріи неудовлетворительно поставлено преподаваніе русскаго языка, о чемъ онъ и высказался при посѣщеніи ея 12-го сентября 1895 г. Всѣ служащіе, особенно преподаватели словесности и исторіи русской литературы, смущены были такимъ неблагопріятнымъ отзывомъ оберъ-прокурора и объясняли его недоразумѣніемъ или смѣшеніемъ нашей семинаріи съ какою нибудь другою, но когда прислана была въ правленіе семинаріи „Выписка“ изъ отчета ревизора и въ ней ничего не упоминалось о нашихъ руководителяхъ по русскому языку, смущеніе наше усугубилось. Я счелъ долгомъ написать А. М. Докучаеву и выразить сожалѣніе по поводу отсутствія въ его отчетѣ упоминаній о двухъ лучшихъ преподавателяхъ семинаріи и о томъ впечатлѣніи, какое на насъ произвело замѣчаніе оберъ-прокурора относительно русскаго языка.

Добрый коллега мой вотъ что мнѣ отвѣтилъ 5-го января 1896 г.: „Очень досадно, что по ошибкѣ канцеляріи пропущены преподаватели Мартиновичъ и Леонтьевъ. О нихъ у меня сказано: „Они очень свѣдующіе въ своемъ дѣлѣ и бе-

зукоризненные въ исполненіи своихъ обязанностей. Оба они жалуются на слабую подготовку воспитанниковъ въ духовныхъ училищахъ по русскому языку, выражающуюся въ поразительной неудовлетворительности какъ ихъ письменныхъ работъ, такъ и устныхъ отвѣтовъ, крайне механическихъ, безсвязныхъ, непослѣдовательныхъ, и т. д. При такой слабой подготовкѣ учениковъ вообще, преподаваніе ими обширнаго курса словесности встрѣчаетъ на своемъ пути большія трудности“. Пожалуйста, передайте объ этомъ г.г. Мартиновичу и Леонтьеву и успокойте ихъ. Говоря въ своемъ отчетѣ о преподавателяхъ малороссахъ, говорящихъ по-русски несвободно, я разумѣлъ главнымъ образомъ преподавателей-семинаристовъ (въ Ромнахъ, Переяславѣ и друг.), дѣйствительно слабоватыхъ въ русской рѣчи. Я себѣ такъ думалъ: если я скажу о преподавателяхъ вообще, то никто лично не обидится этимъ. Но за то я не порицалъ лично того или другого преподавателя, когда говорилъ порознь о каждомъ. Тутъ уже я щадилъ самолюбіе каждаго. Пожалуйста, успокойте всѣхъ: не думалъ я оскорблять чье-либо самолюбіе“. Въ заключеніи своего письма А. М. выразился, что „при первой же возможности оставлю должность ревизора: она мнѣ очень не нравится. Насъ—ревизоровъ заставляютъ здѣсь, въ Петербургѣ, оцѣнивать головы преподавателей: эта миссія просто непріятна мнѣ“.—Тѣмъ не менѣе эту непріятную миссію онъ исполнялъ еще нѣсколько лѣтъ и за нее, послѣ ревизіи одной изъ сибирскихъ семинарій, сильно простудившись, поплатился и жизнію. († въ 1901 г.).

Не могу не отмѣтить, что во время ревизіи Полтавской семинаріи А. М. Докучаевъ наводилъ справки о ней и *увѣнниихъ*, между прочимъ, у тогдашняго начальника губерніи камергера А. Н. Татищева. Благородный А. Н. отзывался хорошо о нашихъ питомцахъ, какъ скромныхъ и вѣжливыхъ молодыхъ людяхъ, и не по наслышкѣ отъ другихъ, а по личному наблюденію за ними, при встрѣчахъ въ семинаріи и внѣ ея. Несмотря на свою болѣзненность, онъ не чуждался семинаріи, бывалъ въ ея храмѣ со всею семьей и удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ ея скромныя празднества. Естественно, что при такихъ отношеніяхъ его къ семинаріи не могли имѣть мѣста недоразумѣнія, какія въ

прошломъ (1911 г.) году обнаружилась въ Полтавѣ безъ всякаго умысла со стороны воспитанниковъ къ нынѣшнему начальнику губерніи г. Муравьеву, о чемъ трезвонили въ лѣвыхъ и правыхъ газетахъ.

Показатели состоянія учебной части въ семинаріи.

Помимо отзыва ревизора, фактическимъ подтвержденіемъ того, что учебная часть въ семинаріи находилась въ хорошемъ состояніи, могутъ служить разрядные списки воспитанниковъ, составлявшіеся на основаніи ихъ годовыхъ и экзаменскихъ успѣховъ по пройденнымъ курсамъ, отзывы экзаменаціонныхъ комиссій духовныхъ академій о студентахъ изъ Полтавской семинаріи и выдающіеся успѣхи полтавцевъ въ академіяхъ.

Въ годъ моего поступленія на ректорство, т. е. въ 1890 году, состояло на лицо въ семинаріи и подвергалось экзаменамъ 406 учениковъ: изъ нихъ окончили курсъ 59 человѣкъ, удостоены перевода въ слѣдующіе классы 211, подверглись переэкзаменовкамъ по одному или двумъ предметамъ, оставлены на повторительный курсъ и уволены за малоуспѣшность или по прошеніямъ родителей—всего 136 учениковъ или 33,5%.

Черезъ четыре года, въ 1894 году, къ началу экзаменовъ числилось въ семинаріи 447 учениковъ: изъ нихъ 43 окончили курсъ, 287 переведены въ слѣдующіе классы, 83-мъ назначены переэкзаменовки и дополнительные экзамены послѣ каникулъ, 28 оставлены на повторительный курсъ, 5 уволились по прошеніямъ родителей и одинъ по малоуспѣшности—всего 117 или 26,2%.

Еще черезъ четыре года, въ 1898 году, къ началу экзаменовъ состояло въ семинаріи 500 учениковъ: изъ нихъ 68 окончили курсъ, 323 удостоены перевода въ слѣдующіе классы, 85 назначены переэкзаменовки, 23 оставлены на повторительный курсъ и одинъ уволенъ по прошенію отца—всего—109 или 21,8%.

Въ предпоследній годъ моей службы въ семинаріи, въ маѣ 1901 года, считалось 476 учениковъ: изъ нихъ 55 окончили курсъ, 366 переведены въ слѣдующіе классы, 37-ми назначены переэкзаменовки, 14 оставлено на повторитель-

ный курсъ (6 по малоуспѣшности и 8 по болѣзни) и 4 уволено по малоуспѣшности—всего 55 или 11,6⁰/₀.

Изъ этихъ цифровыхъ данныхъ объ успѣхахъ учениковъ семинаріи на пространствѣ 11-ти лѣтъ видно, что учебное дѣло у насъ не ухудшалось, а постепенно улучшалось, и общая неуспѣшность съ 33,5⁰/₀ понижалась до 26,2⁰/₀, 21,8⁰/₀ и 11,6⁰/₀.

Отзывы академическихъ экзаменаціонныхъ комиссій объ устныхъ и письменныхъ отвѣтахъ воспитанниковъ Полтавской семинаріи.

Относительно общей развитости и подготовленности воспитанниковъ Полтавской семинаріи къ слушанію академическихъ курсовъ имѣю право утверждать, что они не уступали студентамъ изъ другихъ семинарій какъ въ духовныхъ академіяхъ, такъ и въ высшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Мнѣніе, высказанное кѣмъ-то въ Кіевѣ А. М. Докучаеву вскорѣ по окончаніи имъ ревизіи семинаріи, „что Полтавскіе семинаристы, вслѣдствіе ихъ слабой подготовки, избѣгаютъ являться на пріемные экзамены въ Кіевскую академію, гдѣ вообще предъявляются къ студентамъ семинарій научныя требованія серьезнаго свойства, и бѣгутъ въ Московскую академію, гдѣ за послѣднее время наука среди учащихъ болѣе и болѣе падаетъ, благодаря послабленіямъ начальства“,—опровергается отзывами академическихъ экзаменаціонныхъ комиссій о студентахъ изъ полтавцевъ при пріемѣ ихъ въ академіи и журналами академическихъ совѣтовъ о прохожденіи полтавцами академическаго курса. Въ свое время я далъ соотвѣтствующій отвѣтъ на несправедливый отзывъ о дорогихъ мнѣ Полтавскихъ питомцахъ и думаю, что не погрѣшу если и теперь повторю его.

„Никакъ не могу согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ вамъ кѣмъ-то въ Кіевѣ, писалъ я своему академическому коллегѣ, что наши семинаристы, вслѣдствіе якобы своей слабой подготовленности, обходятъ Кіевскую академію и стремятся въ Московскую. У насъ послѣднее обстоятельство объясняется нѣсколько иначе: не только въ средѣ воспитанниковъ распространено не совсѣмъ благоприятное мнѣніе, что Кіевская академія по научнымъ силамъ уступаетъ

другимъ, но оно раздѣляется и наставниками, особенно питомцами Московскои академіи. Устные экзамены въ послѣдней значительно легче производятся, чѣмъ въ Кіевскои академіи, и едва ли слѣдуетъ упрекать молодыхъ людей за то, что они направляются туда, гдѣ больше шансовъ на принятіе. Если бы Кіевская академія назначала повѣрочные экзамены по тѣмъ предметамъ, по какимъ назначаютъ другія академіи, то явилось бы и больше желающихъ подвергаться онымъ. Вотъ факты относительно нашей Полтавскои семинаріи: въ 1891 году отправлены были на казенный счетъ въ академію два студента—Брумбендеръ въ Кіевскую и Курдиновскій въ Петербургскую; оба приняты въ числѣ первыхъ студентовъ. Державшій экзаменъ въ Кіевскои академіи оказался самымъ лучшимъ знатокомъ латинскаго языка и отлично аттестованъ по греческому языку, а въ Петербургскои академіи сочиненіе по св. писанію Полтавскаго студента признано „особенно выдающимся по всестороннему раскрытію предмета и по живому, стройному и ясному изложенію“ (Циркуляръ по духовно-учебному вѣдомству № 11, стр. 15, 16 и 20). Въ 1892 г. въ Петербургскую академію посланъ на казенный счетъ первый по списку студентъ семинаріи Сагарда Н., — принять седьмымъ и въ настоящее время (1895 г.) считается лучшимъ студентомъ академіи. Въ Кіевскую академію поѣхалъ пятый по списку студентъ Селинъ В., ибо другіе предпочли ѣхать въ Московскую въ качествѣ волонтеровъ. Въ послѣдней академіи, кромѣ древнихъ языковъ, производился экзаменъ по догматическому богословію, общей и русскои церковной исторіи, а въ Кіевскои по св. писанію ветхаго завета, по всеобщей и русскои гражданскои исторіи и начальнымъ основаніямъ философіи. Приготовить къ экзаменамъ то, что проходило въ первыхъ трехъ классахъ, было очень трудно, а для нашихъ воспитанниковъ тѣмъ труднѣе, что гражданская исторія и философія изучались довольно поверхностно, благодаря сложности занятій одного (протоіерей Леб.) и непригодности другого (В—въ) изъ бывшихъ преподавателей. Вслѣдствіе отказа лучшихъ студентовъ ѣхать на казенный счетъ въ Кіевскую академію, я думалъ было написать въ Учебный Комитетъ объясненіе и указать истинную причину уклоненія ихъ, но оставилъ свое намѣреніе, потому что рискнулъ поѣхать пятый по списку. Онъ выдер-

жалъ испытаніе и принять на казенное содержаніе, а изъ четырехъ товарищей его, поѣхавшихъ въ Московскую академію, одинъ (Яновскій) принять на казенное содержаніе, а три (Захаржевскій, Якубовскій и Грановскій) своекоштными пансіонерами. Въ циркулярѣ по духовно - учебному вѣдомству (№ 13, стр. 19 и 20) значитъ, что въ Московской академіи два полтавца волонтера дали лучшіе отвѣты по латинскому и одинъ по греческому языку. Въ Петербургской академіи (стр. 17) полтавецъ получилъ высшій баллъ (5) по греческому, а въ Кіевской академіи (стр. 18 и 19) въ числѣ „слабѣ другихъ“ по древнимъ языкамъ оказались и полтавцы! Въ 1893 г. отправлены на казенный счетъ два студента— въ Кіевскую академію Букшованый и въ Петербургскую Фіалковскій; оба выдержали экзамены удовлетворительно и приняты на казенное содержаніе. Кіевскій студентъ отмѣченъ въ числѣ наиболѣе удовлетворительно отвѣчавшихъ по латинскому языку. Въ 1894 г. въ составъ академическихъ курсовъ Петербургской и Московской академій вызвано по одному студенту (Чаленко и Тарасовъ); оба приняты на казенное содержаніе и петербургскій третьимъ по числу. Сочиненіе его по психологіи оцѣнено балломъ $4\frac{3}{4}$ (Цирк. № 14, стр. 37). Въ Московской академіи устные отвѣты трехъ полтавцевъ по основному богословію оцѣнены баллами $4\frac{1}{2}$, 4 и 4—(стр. 19); по философіи одинъ изъ нихъ показанъ на третьемъ мѣстѣ (стр. 30) и одинъ въ числѣ отлично отвѣчавшихъ по греческому языку (стр. 35). Факты эти свидѣтельствуютъ, что мы осторожны въ рекомендаціи и что рекомендуемые нами студенты обладаютъ довольно солидными познаніями“.

Къ высказанному полуофициально въ началѣ 1895 г. присовокуплю, что и въ послѣдующіе годы полтавцы поддерживали честь своей alma mater. Въ 1895 г. посланы на казенный счетъ по одному студенту въ академіи Петербургскую (Самойловичъ Г.) и Московскую (Мищенко Ѳ.); въ послѣднюю явились и три волонтера (Румницкій А., Куликъ А. и Якубовскій П.). Въ циркулярѣ № 16 (стр. 12) отмѣчено, что въ Петербургской академіи студентъ изъ полтавцевъ получилъ высшій баллъ (5) по общей церковной исторіи, а получить такую оцѣнку у профессора Болотова было не легко. О другихъ его отвѣтахъ не упоминается въ

отзывахъ экзаменаціонной комиссіи, но они были настолько удовлетворительны, что С—чъ принятъ двѣнадцатымъ по списку и зачисленъ на казанное содержаніе. Въ Московской академіи, въ числѣ отлично отвѣчавшихъ по св. писанію, значатся и полтавцы (стр. 9); по психологіи „лучшіе отвѣты; отмѣченные балломъ 5, принадлежатъ тремъ присланнымъ воспитанникамъ Полтавской, Подольской и Симбирской семинарій“; „у 4-хъ воспитанниковъ Полтавской семинаріи средній баллъ около $4\frac{1}{4}$ (стр. 15); по латинскому языку одинъ полтавецъ аттестованъ балломъ 5; сочиненіе по философіи одного изъ Полтавскихъ волонтеровъ оцѣнено балломъ $4\frac{1}{2}$, а у одного признано неудовлетворительнымъ (тамъ-же). Въ результатѣ оказалось, что рекомендованный правленіемъ семинаріи студентъ Мищенко принятъ былъ первымъ, волонтеры—Румницкій пятымъ и Якубовскій 25-мъ, а Куликъ, хотя выдержалъ экзамены, но въ число студентовъ не попалъ за неимѣніемъ мѣста.—Объ отвѣтахъ волонтеровъ Яρμοша Л. и Вербицкаго М., поступившихъ въ Кіевскую академію, въ циркулярѣ не имѣется свѣдѣній, но оба приняты были въ составъ курса и зачислены на казенное содержаніе.

Въ 1896 г. рекомендованы были правленіемъ семинаріи два студента въ академіи: Бондарь С. въ Московскую и Воблый К. въ Кіевскую. Въ Московской академіи по общей церковной исторіи, логикѣ, начальнымъ основаніямъ философіи и греческому языку въ числѣ отлично отвѣчавшихъ упоминается студентъ изъ полтавцевъ (Цирк. № 17, стр. 17, 23 и 26). Сочиненіе его по св. писанію отмѣчено балломъ $4\frac{1}{2}$. Въ Кіевской академіи въ числѣ лучшихъ отвѣтовъ по логикѣ былъ отвѣтъ полтавца (стр. 24); въ той-же академіи объ экзаменѣ по новымъ языкамъ данъ такой отзывъ: „Какъ на исключеніе, можно указать на весьма хорошіе отвѣты пѣсколькихъ воспитанниковъ казеннокоштныхъ Черниговской и Полтавской семинарій“ (стр. 27).

Въ 1897 г. рекомендованы были въ Петербургскую академію Стефановичъ Д., въ Московскую Гординскій Θ. и въ Кіевскую Подгорный Г. Свѣдѣній о ихъ отвѣтахъ не имѣется въ отзывахъ экзаменаціонныхъ комиссій, но всѣ приняты на казенное содержаніе. Стефановичъ былъ украшеніемъ своего академическаго курса.

Въ 1898 г. посланы были на казенный счетъ: въ Петербургскую академію Думскій Ф., въ Московскую Бѣлоусовъ С. и въ Кіевскую Корецкій М. Въ циркулярѣ № 19 имѣются свѣдѣнія, что студентъ изъ полтавцевъ, посланный въ Петербургскую академію, получилъ высшій баллъ (5) по догматическому богословію (стр. 11) и его сочиненіе по словесности значится „въ числѣ лучшихъ по изложенію и литературной обработкѣ“ (стр. 24). Принять въ академію четвертымъ. Не сконфузились и рекомендованные въ академіи Кіевскую и Московскую.

Къ несчастію, тогда же зачисленъ былъ въ составъ академическаго курса, безъ всякихъ законныхъ основаній, вдовый священникъ Георгій Галонъ, окончившій курсъ Полтавской семинаріи въ 1893 г. съ 4 по поведенію и во второмъ разрядѣ.

Въ 1899 г. рекомендованы были правленіемъ семинаріи три студента: въ Петербургскую академію Сиротенко С., въ Московскую Туницкій Н. и въ Кіевскую Смаль И. Всѣ выдержали экзамены хорошо и приняты въ академіи—первый своекоштнымъ, а второй и третій на казенный счетъ, причемъ Туницкій показанъ вторымъ по списку. Тогда же поступили въ академію и два волонтера изъ полтавцевъ—Стефановичъ И. въ Петербургскую и Ващенко Е. въ Московскую; второй принять шестымъ по списку.

Въ 1900 г. рекомендованы были Щепотьевъ В. въ Петербургскую академію и Леонтовскій В. въ Кіевскую. Оба приняты на казенное содержаніе, а первый и въ первомъ десяткѣ. Его сочиненіе по словесности: „Пушкинъ, какъ народный поэтъ“, было одно изъ лучшихъ (Цирк. 21, стр. 38).

Въ 1901 г. въ тѣ же академіи посланы были на казенный счетъ—въ Петербургскую Пархоменко В. и въ Кіевскую Коломинскій С.; первый принять 15 по списку. Второй, извѣщая о результатахъ своихъ испытаній и принятіи на казенное содержаніе, не удержался сообщить мнѣ и то, что его на первыхъ порахъ озадачило въ академіи. „Экзамены прошли не безъ волненія, писалъ онъ. По св. писанію много смущаетъ то обстоятельство, что Б—скій требуетъ знанія текста, очень даже дословнаго, и не позволяетъ пользоваться Новымъ Заветомъ до тѣхъ поръ, пока не увидитъ, что отвѣчающій рѣшительно затрудняется. По церковной

исторіи меня лично смутило то, что въ академіи могутъ дѣлать спеціальнымъ предметомъ отвѣта такія вещи, какъ, напримѣръ, умноженіе церковныхъ должностей въ періодъ вселенскихъ соборовъ. Это было со мной. Я, конечно, ихъ зналъ и перечислилъ, но что изъ этого? Темы сочиненій были легкія, но не безъ нѣкоторыхъ недостатковъ. Богословская—„Что такое „правда Божія“ и чѣмъ она отличается отъ правды человѣческой“? предполагаетъ знаніе текста св. писанія. Многіе, не имѣя такого знанія, рѣшительно затруднились въ отвѣтѣ. Философская—„Въ какой степени можно полагаться на аналогію въ дѣлѣ познанія истины“? всѣхъ поразила своею странностью и не пригодностью для экспромпта и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа „общей“? Наконецъ, литературная—„Отраженіе личности поэта въ его произведеніяхъ“ страдаетъ крайней неопредѣленностью, а потому неудобна для пятичасовой работы. Общее же впечатлѣніе отъ экзаменовъ я вынесъ то, что главную роль играетъ пресловутый случай. Иные обладали сравнительно обширными познаніями и не получили высшей отмѣтки, другіе сравнительно съ первыми ничего не знали, а получали пятерку. Это, быть можетъ, покажется вамъ мало-вѣроятнымъ, но оно такъ“.

Успѣхи студентовъ полтавцевъ въ академіяхъ.

Насколько успѣшно шли занятія моихъ питомцевъ полтавцевъ въ духовныхъ академіяхъ, видно изъ слѣдующихъ показаній, заключающихся въ журналахъ совѣтовъ академій:

Въ Петербургской академіи изъ десяти студентовъ, рекомендованныхъ правленіемъ семинаріи съ 1891 по 1901 г., девять окончили курсъ магистрантами (Курдиновскій В. въ 1895 г., Сагарда Н. въ 1896 г., Фіалковскій Н. въ 1897 г., Чаленко И. въ 1898 г., Самойловичъ Г. въ 1899 г., Стефановичъ Д. въ 1901 г., Думскій Ф. въ 1902 г., Щепотьевъ В. въ 1904 г. и Пархоменко В. въ 1905 г.) и одинъ кандидатомъ (Сиротенко С. въ 1903 г.). Изъ магистрантовъ два Сагарда Н. и Думскій Ф. оставлены были на годъ при академіи въ качествѣ профессорскихъ стипендіатовъ для приготовленія къ занятію преподавательскихъ вакансій, а третій—

Стефановичъ Д., окончившій курсъ въ 1901 г. первымъ магистрантомъ, отказался отъ этой чести по домашнимъ обстоятельствамъ и предпочелъ будущему профессорству священнослужительство въ столицѣ. Сагарда Н., написавшій блестящую магистерскую диссертацию—„Первое соборное посланіе святаго апостола и евангелиста Іоанна Богослова“, удостоенную преміи митрополита Макарія (см. Церк. вѣд. 1906 г., стр. 301), около 10 лѣтъ состоитъ профессоромъ въ родной академіи по патрологіи. Стефановичъ Д. обработалъ свое курсовое сочиненіе „Стоглавъ: его составъ и историко-литургическое значеніе“, удостоенное лестнаго отзыва и преміи митрополита Іосифа, и представилъ на соисканіе степени магистра, каковой послѣ блестящей защиты диссертации и удостоенъ. Недавно это сочиненіе удостоено Св. Синодомъ и Макарьевской преміи. О Думскомъ Ф. свѣдѣній въ настоящее время не имѣю, но въ свое время, въ 1902 г., его курсовое сочиненіе—„Ученіе Новаго Завѣта о царствѣ Божіемъ“ (Библейско-богословское изслѣдованіе) обратило на себя вниманіе профессора академіи Н. Н. Глубоковскаго и удостоилось такого заключительнаго отзыва отъ него: „Разсматриваемое въ цѣломъ, сочиненіе показываетъ въ авторѣ человека, достойнаго вниманія академическаго Совѣта, который и сверхъ присужденія кандидатской степени—по всей справедливости можетъ выдѣлить его особымъ поощреніемъ“ (Журн. Сов. 1901—1902 г. стр. 359).

Представлено и принято на соисканіе степени магистра богословія и рукописное изслѣдованіе Чаленка И., окончившаго курсъ въ 1898 г., подъ заглавіемъ: „Независимость христіанскаго ученія о нравственности отъ естественнаго“. Хотя сочиненіе это, по отзыву одного изъ профессоровъ—рецензентовъ, представляетъ „изумительный и обширнѣйшій трудъ почти въ 1500 страницъ—in folio“, но, къ сожалѣнію, оно продолжаетъ оставаться въ рукописи, за неимѣніемъ у автора, учителя епархіальнаго женскаго училища, средствъ для напечатанія его и представленія въ Совѣтъ академіи извѣстнаго количества экземпляровъ.

Магистрантъ 1905 г. Пархоменко В. 15-го апрѣля с. г. защищалъ представленную имъ въ Совѣтъ академіи магистерскую диссертацию—„Очеркъ исторіи Переяславско-Бориспольской епархіи (1733—1785 г.), въ связи съ общимъ хо-

домъ малороссійской жизни того времени“, и признанъ достойнымъ степени магистра богословія.

Въ Московской академіи изъ 15-ти студентовъ полтавцевъ (5 рекомендованныхъ правленіемъ семинаріи и 10 волонтеровъ) 5 окончили магистрантами (Яновскій В. въ 1896 г., Овсіевскій В. въ 1898 г., Румницкій А. въ 1899 г., Бондарь С. въ 1900 г. и Туницкій Н. въ 1903 г.), а остальные удостоены степени кандидата (Захаржевскій, Якубовскій и Грановскій въ 1896 г., Тарасовъ въ 1898 г., Якубовскій П. въ 1899 г., Гординскій Ѡ. въ 1901 г. Бѣлоусовъ и Филипповичъ въ 1902 г., Ващенко Е. въ 1903 г. и Неутріевскій въ 1905 г.) Одинъ изъ рекомендованныхъ, Туницкій Н., окончившій курсъ въ 1903 г. вторымъ магистрантомъ оставленъ былъ при академіи на годъ въ качествѣ профессорскаго стипендіата для приготовления къ занятію кафедры русскаго и церковно-славянскаго языка (съ палеографіей) и исторіи русской литературы. Для полной подготовки къ занятію означенной кафедры, Совѣтъ академіи, согласно докладной запискѣ заслуженнаго ординарнаго профессора Григорія Воскресенскаго, предложилъ Туницкому „прослушать въ теченіе 1903—1904 учебнаго года курсъ лекцій общаго и сравнительнаго языкознанія, греко-славянской палеографіи, славяно-русской филологіи и литературы на историко-филологическомъ факультетѣ Императорскаго С.-Петербургскаго университета“ (Журн. Сов. Моск. акад. за 1903 г., стр. 324—326). Черезъ годъ, когда Туницкій представилъ отчетъ о своихъ занятіяхъ, Совѣтъ академіи допустилъ его къ чтенію пробныхъ лекцій и назначилъ и. д. доцента. Его ученныя изслѣдованія печатались въ академическомъ журналѣ „Богословскій вѣстникъ“, а сочиненіе „Св. Климентъ Величскій“, послѣ публичной защиты, удостоено Совѣтомъ академіи степени магистра-богословія.

Въ Кіевской академіи изъ 10-ти рекомендованныхъ полтавцевъ окончили курсъ магистрантами 3 (Брумбендеръ М. въ 1895 г., Мищенко Ѡ. въ 1899 г. и Смаль И. въ 1903 г.), 5 кандидатами (Селинъ В. въ 1896 г., Ярмошъ Л. въ 1899 г., Водлый К. въ 1900 г., ¹⁾ Подгорный Г. въ 1901 г., Леонтовскій В. въ 1904 г.), одинъ дѣйствительнымъ студентомъ (Букшованый Ѡ.) и одинъ

¹⁾ Водлый К. состоитъ нынѣ ординарнымъ профессоромъ Кіевского университета по политической экономіи.

умеръ (Корецкій М.) во время прохожденія курса. Изъ магистрантовъ Мищенко Ѳ., первоначально поступившій первымъ студентомъ въ Московскую академію (въ 1895 г.), а затѣмъ по климатическимъ условіямъ переведшійся въ Кіевскую, оставленъ былъ на годъ при академіи для приготовленія къ занятію преподавательской каѳедры. Его богатые дарованія и познанія, въ сочетаніи съ рѣдкимъ благородствомъ характера, доставили ему каѳедру каноническаго права въ академіи, гдѣ онъ съ честью подвизается, какъ выдающійся профессоръ и ученый специалистъ. Его магистерская диссертация: „Рѣчи св. апостола Павла въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ“ удостоена Св. Синодомъ преміи митрополита Макарія (Церк. вѣд. 1910 г. стр. 258—265).

О своихъ питомцахъ, поступившихъ въ Кіевскую академію волонтерами, мало что помню, но съ удовольствіемъ вспоминаю о молодомъ вдовомъ священникѣ Максимѣ Вербицкомъ, державшемъ при мнѣ экзаменъ на званіе студента семинаріи и поступившемъ въ академію въ 1895 г. По окончаніи курса въ 1899 г. со степенью кандидата онъ нѣкоторое время состоялъ миссіонеромъ въ Кишеневской епархіи, затѣмъ по принятіи монашества съ именемъ Димитрія, назначенъ былъ смотрителемъ Кіево-Софійскаго духовнаго училища, а въ 1910 г. возведенъ въ санъ епископа Уманскаго, викарія Кіевской митрополіи (Церк. вѣд. 1910 г. стр. 419).

Къ сожалѣнію, не могу представить точныхъ свѣдѣній объ успѣхахъ моихъ полтавскихъ питомцевъ въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, но думаю, что и вышеприведенныхъ данныхъ совершенно достаточно для подтвержденія сказаннаго мною, что учебная часть въ Полтавской семинаріи за время моего ректорства въ оной находилась въ хорошемъ состояніи. Едва ли какая либо изъ семинарій въ теченіи десяти лѣтъ дѣла столько профессорскихъ стипендіатовъ и преподавателей для академій, какъ дорогая мнѣ Полтавская семинарія.

Прот. Іоаннъ Пичета.

(Продолженіе будетъ).

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ по Харьковской епархіи.

15 Октября

№ 19

1912 года.

Содержаніе.—Отъ Государственнаго Банка объявленіе.—Отношеніе Товарища Оберъ-Прокурора Св. Синода на имя Высокопросвященнѣйшаго Архіепископа Арсенія.—Журналы съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа, бывшаго 24 сентября 1912 года.—Епархіальныя извѣщенія.

I.

Отъ Государственнаго Банка объявленіе.

На основаніи п. III одобреннаго Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою и Высочайше утвержденнаго 5 іюня 1912 г. закона о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1912 г. и послѣдовавшаго во исполненіе сего распоряженія Г. Министра Финансовъ, билеты 5-го 5⁰/₀ займа 1854 года на сумму 24,357,000 руб. и 6-го 5⁰/₀ займа 1855 года на 253,500 руб. назначены къ погашенію на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Билеты, капиталъ которыхъ не представляется неприкосновеннымъ въ силу условій, отмѣченныхъ въ государственной долговой книгѣ, назначаются къ выкупу по нарицательной цѣнѣ на 1/14 октября 1912 года.

Теченіе процентовъ по выкупаемымъ билетамъ прекращается 1/14 октября 1912 года и съ того же срока назначается выплата нарицательной стоимости помянутыхъ билетовъ.

Уплата нарицательнаго капитала по означеннымъ билетамъ будетъ произведена:

а) по билетамъ, снабженнымъ купонными листами,—въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка;

б) по безкупоннымъ билетамъ, проценты по коимъ уплачивались въ С.-Петербургѣ въ Гоеударственной Коммиссіи Погашенія Долговъ—въ С.-Петербургской Конторѣ Государственнаго Банка;

в) по всѣмъ остальнымъ безкупоннымъ билетамъ—въ тѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ Казначействахъ, въ которыхъ производилась уплата процентовъ, причемъ, одновременно съ выплатою капитала по билетамъ учрежденія эти уплачиваютъ владѣльцамъ билетовъ и

проценты какъ на срокъ 1 октября 1912 года, такъ и проценты за предыдущіе сроки, если таковыя числятся невыданными.

Предъявляемые къ выкупу билеты, выпущенные съ купонными листами, должны имѣть при себѣ всѣ купоны, начавая съ купона срока 1 апрѣля 1913 года. Стоимость недостающихъ купоновъ будетъ удержана изъ нарицательнаго капитала билетовъ.

2) Билеты, по которымъ въ государственной долговой книгѣ отмѣчены неподлежащія измѣненію или уничтоженію условія, устанавливающія навсегда неприкосновенность капитала въ этихъ билетахъ, будутъ обмѣнены Государственной Коммиссіею Погашенія Долговъ на пятипроцентные билеты вѣчныхъ вкладовъ.

3) Билеты, по которымъ въ государственной долговой книгѣ отмѣчены условія, устанавливающія временную неприкосновенность капитала въ этихъ билетахъ, будутъ выкуплены, по мѣрѣ прекращенія дѣйствія этихъ условій. Въ ближайшій срокъ уплаты процентовъ, наступающій за прекращеніемъ неприкосновенности билетовъ, капитальная сумма таковыхъ подлежитъ уплатѣ наличными деньгами въ мѣстахъ, производящихъ выдачу процентовъ.

4) Владѣльцамъ неприкосновенныхъ билетовъ, имѣющимъ, согласно условіямъ долговой книги, право измѣненія или отмѣны таковыхъ условій, предоставляется заявлять Государственной Коммиссіи Погашенія Долговъ о совершенной отмѣнѣ неприкосновенности билетовъ или замѣнѣ таковой временною. Согласно таковымъ заявленіямъ владѣльцевъ, принадлежащія имъ билеты будутъ подлежать выкупу въ порядкѣ ст. 1 и 3.

На основаніи вышеизложеннаго учрежденіями Государственнаго Банка и Казначействами съ 1 сентября 1912 года будетъ открытъ пріемъ заявленій объ оплатѣ билетовъ вышесказанныхъ займовъ.

За Управляющаго, Членъ Совѣта *А. Голубевъ.*

Отношеніе Товарища Оберъ-Прокурора Св. Синода на имя Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Арсенія.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

Милостивый Государь и Архипастырь.

Высочайше утвержденнымъ въ 23 день іюня сего года закономъ объ измѣненіи устава о воинской повинности (Собр. Узак. и Расп. Прав. 1912 г., ст. 1197) предоставленіе дополнительныхъ для

окончанія образованія отсрочекъ, предусмотрѣнныхъ ст. 61² дѣйствующаго устава, по прод. 1906 г., отмѣнено. На основаніи же ст. 2 закона о порядкѣ введенія въ дѣйствіе упомянутаго выше закона (Собр. Узак. и Расп. Прав. 1912 г., ст. 1344), согласно раздѣлу 1 коего новый законъ о воинской повинности вступаетъ въ силу съ 1 декабря сего года, разрѣшаются на основаніи дѣйствующихъ нынѣ узаконеній лишь тѣ ходатайства о предоставленіи названныхъ отсрочекъ, которыя будутъ возбуждены въ установленномъ порядкѣ до наступленія указаннаго срока, т. е. до 1 декабря сего года.

Въ виду сего и принимая во вниманіе, что согласно этому порядку, изложенному въ изданныхъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и по соглашенію съ подлежащими Министерствами и Главноуправляющими отдѣльными вѣдомствами циркулярныхъ распоряженіяхъ 1879 г. № 36, 1885 г. № 28 и 1901 г. № 6, ходатайства учащихся о предоставленіи дополнительныхъ отсрочекъ заявляются чрезъ ближайшее учебное начальство и, по обсужденіи ихъ въ педагогическомъ совѣтѣ, конференціи или иномъ коллегіальномъ учрежденіи подлежащаго учебнаго заведенія, сообщаются сими начальствами по принадлежности уѣзднымъ (городскимъ или окружнымъ) по воинской повинности присутствіямъ. За Министра Внутреннихъ Дѣлъ членъ совѣта Министра тайный совѣтникъ Морозовъ, отношеніемъ отъ 4 сентября сего года за № 37230 проситъ обратить вниманіе учебныхъ начальствъ какъ на необходимость для воспитанниковъ ввѣренныхъ имъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, нуждающихся, для окончанія ими образованія, въ дополнительныхъ отсрочкахъ, заявить ходатайства о семъ безотлагательно и во всякомъ случаѣ, не позднеѣ 1 декабря сего года, такъ и на желательность возможно быстраго дальнѣйшаго направленія этихъ ходатайствъ. Къ сему тайный совѣтникъ Морозовъ присовокупляетъ, что 1) въ виду ограниченія удовлетворенія подобныхъ ходатайствъ срокомъ заявленія ихъ до 1 декабря сего года, представляется совершенно необходимымъ въ журналахъ (протоколахъ и т. п.) засѣданій педагогическихъ совѣтовъ (конференцій или иныхъ коллегіальныхъ учрежденій) по разсмотрѣнію сего рода ходатайствъ учащихся отмѣчать время возбужденія ихъ передъ учебнымъ начальствомъ, безъ чего удовлетвореніе ихъ въ дальнѣйшемъ не представится возможнымъ, и 2) Министерство Внутреннихъ Дѣлъ полагаетъ, что для лицъ, имѣющихъ исполнить воинскую повинность вольноопредѣляющимися послѣ 1 декабря сего года, дополнительныя отсрочки представлялось бы нынѣ правильнымъ ограничивать уже

не 15 августа, а 15 декабря для лицъ съ медицинскимъ, ветеринарнымъ или фармацевтическимъ образованіемъ и 15 іюня для молодыхъ людей съ инымъ образованіемъ, каковыя сроки приѣма вольноопредѣляющихся установлены ст. 109 закона 23 іюня сего года. Засимъ, въ виду того, что согласно ч. 2 той же ст. 109, отсрочки до 15 декабря могутъ быть предоставляемы и лицамъ второй категоріи, но лишь по ходатайству учебныхъ начальствъ ихъ, полагалось-бы соотвѣтственнымъ обратить вниманіе этихъ начальствъ и на необходимость указывать при исходатайствованіи нынѣ вольноопредѣляющимся дополнительныхъ отсрочекъ, имѣющихъ окончиться послѣ 1 декабря сего года,—желательный срокъ такихъ отсрочекъ 15 іюня или же 15 декабря.

О вышеизложенномъ имѣю честь сообщить Вашему Высокопреосвященству для зависящихъ въ чемъ слѣдуетъ распоряженій.

Испрашивая молитвъ Вашихъ, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть

Вашего Высокопреосвященства

Милостиваго Государя и Архипастыря,

покорнѣйшимъ слугою *П. Даманскій*.

На подлинномъ резолюція Его Высокопреосвященства отъ 5 октября 1912 года за № 5931 послѣдовала такая: „Въ Консисторію на разсмотрѣніе и для исполненія“.

Ж У Р Н А Л Ы

Съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа,

бывшаго 24 сентября 1912 года.

Журналъ № 1. Уполномоченные отъ духовенства Сумскаго училищнаго округа въ числѣ девяти (9) человекъ, прибывъ въ собраніе въ 10 часовъ утра, въ помещеніе Сумскаго духовнаго училища, по молитвѣ, избравъ единогласно Предсѣдателемъ Съѣзда священника Аполлонія Гончаревскаго и секретарями священниковъ: Василя Сушкова и Александра Церковницкаго, *слушали*: журналы предыдущаго Съѣзда, бывшаго 22 сентября 1911 года съ резолюціями на нихъ Его Высокопреосвященства и, принявъ ихъ къ свѣдѣнію, приступили къ обсужденію вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію Съѣзда.

1. *Слушали:* Докладъ временно-ревизионнаго Комитета по документальной провѣркѣ экономическаго отчета и прихода-расходныхъ книгъ училища за 1911-й годъ: а) журналъ и б) актъ о ревизіи денежнаго училищнаго ящика.

Постановили: а) Счетоводство признать правильнымъ, не возбуждающимъ никакого сомнѣнія, и рекомендовать такого же порядка придерживаться и на будущее время. Что же касается усмотрѣннаго временно-ревизионнымъ Комитетомъ увеличенія количества прислуги, лошадей и запасовъ провизіи противъ смѣты, то считать таковое вынужденнымъ потребностями учебнаго заведенія, и потому неизбежнымъ, б) Актъ принять къ свѣдѣнію.

2. *Разсматривали:* Смѣту прихода и расхода суммъ по содержанию училища на 1913-й годъ, при чемъ нашли, что статьей 15 пункт. 4 предположенъ новый расходъ въ суммѣ 1.440 р., обусловленный введеніемъ новаго способа содержанія служителей пищею, съ ассигнованіемъ на 32 человекъ прислуги по 45 рублей въ годъ.

Постановили: Просить Правленіе училища держаться прежняго порядка въ содержаніи служителей пищею, за недостаткомъ средствъ на введеніе новаго, и соотвѣтственно этому сумму расхода 773 р. 91 к. изъ смѣты исключить, въ остальномъ смѣту признать правильной и подлежащей исполненію въ 1913 году.

Слѣдуютъ подписи.

На семь журналѣ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства: „1912. Сен. 26. Читалъ Архiepископъ Арсеній“.

Журналъ № 2. Уполномоченные отъ духовенства Сумскаго училищнаго округа въ числѣ десяти (10) человекъ, прибывъ въ собраніе въ 7 часовъ вечера, состоявшееся въ помещеніи Сумскаго духовнаго училища, по молитвѣ,

1. *Слушали:* Отчетъ Правленія училища по постройкѣ дома для квартиры эконома училища и производили осмотръ новаго дома. Изъ отчета видно, что на постройку названнаго зданія Съѣздомъ духовенства въ 1911 г. признано желательнымъ „не выходить изъ смѣты по постройкѣ означеннаго дома, выразившейся въ суммѣ 1.584 р. 95 к.; постройка же, покупка стараго дома и его перевозка обошлись на 400 р. 43 к. дороже.

Постановили: Перерасходъ признать вынужденнымъ необходимостію и покрыть его изъ смѣтныхъ остатковъ.

2. *Слушали:* Отношеніе Правленія Сумскаго духовнаго училища о желательности и необходимости, начиная съ 1912—1913. учебнаго года, назначить особую дополнительную плату съ иноокружныхъ воспитанниковъ въ суммѣ по 20 рублей въ годъ.

Постановили: Увеличить плату съ иноокружныхъ учениковъ на 15 рублей въ годъ, а иноепархіальныхъ приравнять въ данномъ случаѣ къ ученикамъ иносословнымъ.

3. *Слушали:* Прошеніе учителя пѣнія Сумскаго духовнаго училища, коллежскаго ассесора, Павла Карпова объ увеличеніи ему вознагражденія за регенство до 200 рублей въ годъ.

Постановили: Во вниманіе къ многолѣтней службѣ Карпова и успѣху въ преподаваніи церковнаго пѣнія, назначить ему лично впредь до улучшенія матеріальнаго обезпеченія учителей духовныхъ училищъ, начиная съ 1912 года, по 100 рублей въ годъ добавочнаго вознагражденія изъ смѣтныхъ остатковъ.

4. *Слушали:* Прошеніе фельдшера больницы Сумскаго духовнаго училища Корнилія Горбачука о разрѣшеніи ему съ семьей помѣститься для жительства въ училищной больницѣ, приспособивши двѣ ея комнаты подъ квартиру.

Постановили: Просьбу фельдшера Горбачука представить на благоусмотрѣніе Правленія училища, предоставивъ ему удовлетворить настоящую просьбу за счетъ смѣтныхъ остатковъ въ 1913 г.

5. *Слушали:* Прошеніе псаломщика с. Бранцовки, Ахтырскаго уѣзда, Якова Левитскаго о принятіи его сына Николая, ученика 3 класса училища, на казенное содержаніе.

Постановили: Просьбу Левитскаго признать не подлежащею разсмотрѣнію, такъ какъ по справкѣ оказалось, что Правленіемъ училища таковая по мѣрѣ возможности уже удовлетворена.

6. *Слушали:* Прошенія псаломщиковъ: с. Гречаниковки, Ахтырскаго уѣзда, Михаила Бородаева и с. Каменки, того же уѣзда, Александра Ковалевскаго о сложеніи съ нихъ числящихся за ними недоимокъ по содержанію дѣтей въ училищномъ общежитіи.

Постановили: Просьбу псаломщика Бородаева отклонить, за удовлетвореніемъ уже таковой Братствомъ Св. Амвросія Медиоланскаго, а псаломщика Ковалевскаго отклонить за отсутствіемъ средствъ на покрытіе числящейся за нимъ недоимки.

7. *Слушали:* Списокъ должниковъ къ 24 сентября 1912 г., представленный Съѣзду духовенства Правленіемъ училища, и повсестороннемъ обсужденіи такового.

Постановили: Долги взыскивать чрезъ о.о. благочинныхъ.

8. *Слушали:* Предложеніе члена Съѣзда, протоіерея Алексія Станиславскаго о введеніи для всѣхъ учениковъ холоднаго завтрака.

Постановили: Просить Правленіе училища съ сего же учебнаго года выдавать учащимся холодный завтракъ, съ родителей же на покрытіе сего расхода взыскивать по 5 руб. въ годъ.

9. *Слушали:* Докладъ Правленія училища о томъ, что срокъ трехлѣтія службы 3-хъ членовъ Правленія училища отъ духовенства и 3-хъ членовъ временно-ревизіоннаго Комитета истекъ, и потому предстоить избраніе означенныхъ членовъ на слѣдующее трехлѣтіе на тѣ же должности и кандидатовъ къ нимъ.

Послѣ закрытой баллотировки членами Съѣзда единогласно избраны на третіе трехлѣтіе тѣ же члены Правленія отъ духовенства, а именно: протоіерей Іоаннъ Дмитріевъ, священникъ Іоаннъ Браиловскій и священникъ Алексій Артюховскій, а кандидатомъ къ нимъ—священникъ Іоаннъ Сапухинъ.

Членами же временно-ревизіоннаго Комитета единогласно избрали: священника Тимона Ѳедорова, священника Василия Флоринскаго и священника Василия Крыжановскаго, а кандидатомъ къ нимъ священника Іоанна Рубинскаго.

10. Члены Съѣзда духовенства время будущаго очереднаго собранія училищнаго Съѣзда предположили на 23 сентября 1913 г.

11. Депутаты отъ духовенства Сумскаго училищнаго округа, въ виду окончанія разсмотрѣнія подлежащихъ Съѣзду дѣлъ,

Постановили: Предсѣдателю Съѣзда, священнику Аполлонію Гончаревскому, двумъ дѣлопроизводителямъ: священнику Василию Супкову и священнику Александру Церковницкому выразить благодарность Съѣзда за понесенные труды, со внесеніемъ въ послужные списки. Кромѣ того, членамъ Правленія: Предсѣдателю, проторіею Аркадію Грузову, помощнику смотрителя, Священнику Василию Яновскому, учителю Алексію Литкевичу, протоіерею Іоанну Дмитріеву, священнику Іоанну Браиловскому и священнику Алексію Артюховскому, а также членамъ временно-ревизіоннаго Комитета, священникамъ: Іакову Левитскому, Тимону Ѳедорову и Виктору Флоринскому—за ревностную ихъ службу выразить такую же благодарность, со внесеніемъ въ послужной списокъ.

Журналы Съѣзда духовенства представить на благоусмотрѣніе и утвержденіе Его Высокопреосвященства.

По молитвѣ, Съѣздъ объявленъ закрытымъ.

— Слѣдуютъ подписи.

На семъ журналѣ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства: „1912. Сент. 26. Утверждается. Архіепископъ Арсеній“.

Съ подлиннымъ вѣрно: дѣлопроизводитель А. Литкевичъ.

Епархіальныя извѣщенія.

1) Объ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія должности.

а) Безмѣстный священникъ Преображенской церкви сл. Пань-Ивановки, Харьковскаго уѣзда, *Дмитрій Сукачевъ*, 25 сентября опредѣленъ на священническое мѣсто при Николаевской церкви с. Березовки, Харьковскаго уѣзда.

б) Безмѣстный священникъ *Іоаннъ Ястремскій*, состоявшій на псаломщицкой вакансіи при церкви с. Мартовой, Волчанскаго уѣзда, 25 сентября опредѣленъ на священническое мѣсто при Александро-Невской церкви с. Татарки, Харьковскаго уѣзда.

в) Окончившій курсъ Харьковской духовной семинаріи *Андрей Горинъ* 28 сентября опредѣленъ на священническое мѣсто при Вознесенской церкви с. Большой-Рогозянки, Харьковскаго уѣзда.

г) Безмѣстный священникъ Покровской церкви с. Порхомовки, Богодуховскаго уѣзда, *Григорій Покровскій*, 28 сентября опредѣленъ на священническое мѣсто при Успенской ц. с. Осиновой, Старобѣльскаго уѣзда.

д) Безмѣстный священникъ *Андрей Настѣкинъ* 2 октября опредѣленъ на священническое мѣсто при Георгіевской церкви с. Поповки, Изюмскаго уѣзда.

е) Діаконъ Николаевской церкви с. Бѣлки, Ахтырскаго уѣзда, *Андрей Должанскій*, 3 октября опредѣленъ на священническое мѣсто при Іоанно-Предтеченской церкви с. Ивановки, Изюмскаго уѣзда.

ж) Псаломщикъ Александро-Невской церкви при станціи „Славянецъ“ Южн. жел. дор., *Михаилъ Груша*, 3 октября опредѣленъ на діаконское мѣсто при Кресто-Воздвиженской церкви с. Новаго, Валковскаго уѣзда.

з) Діаконъ Николаевской церкви с. Новаго, Валковскаго уѣзда, *Александръ Труфановъ*, 28 сентября опредѣленъ на священническое мѣсто при Троицкой церкви с. Стеблянкино, Лебединскаго уѣзда.

и) Бывшій псаломщикъ *Владиміръ Мужинъ* 30 сентября опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Николаевской церкви с. Рясного, Богодуховскаго уѣзда.

і) Сынъ умершаго діакона *Иванъ Настѣдкинъ* 22 сентября опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Іоанно-Богословской церкви с. Средняго Бурлучка, Валковскаго уѣзда.

2) О перемѣщеніи духовенства.

а) Священникъ Іоанно-Предтеченской церкви с. Рябушекъ, Лебединскаго уѣзда, *Владиміръ Чернявскій*, по прошенію, 25 сентября перемѣщенъ на священническое мѣсто при Успенской церкви с. Заводы, Волчанскаго уѣзда.

б) Священникъ Троицкой церкви с. Стеблянкино, Лебединскаго уѣзда, *Александръ Поповъ*, по прошенію, 25 сентября перемѣщенъ къ церкви сл. Рябушекъ, Лебединскаго уѣзда.

в) Священникъ Александро-Невской церкви с. Тополей, Купянскаго уѣзда *Владиміръ Троицкій*, по прошенію, 28 сентября перемѣщенъ къ церкви с. Каменки, Купянскаго уѣзда.

г) Священникъ церкви с. Поповки, Изюмскаго уѣзда, *Сергій Спѣсивцевъ*, по прошенію, 28 сентября перемѣщенъ къ церкви с. Тополей, Купянскаго уѣзда.

д) Священникъ Александро-Невской церкви с. Татарки, Харьковскаго уѣзда, *Дмитрій Курской*, по прошенію, 25 сентября перемѣщенъ на священническое мѣсто при церкви с. Ново-Бурлучкаго, Волч. уѣзда.

е) Діаконъ Покровской церкви с. Старой Водолаги, Валков-уѣзда, *Мокій Мисенко*, 27 сентября, по прошенію, перемѣщенъ къ церкви Богодуховскаго монастыря.

ж) Псаломщикъ Успенской церкви с. Николаевки II, Волчанскаго уѣзда, *Іоаннъ Кучаренко*, 22 сентября перемѣщенъ къ церкви с. Алисовки, Изюмскаго уѣзда.

3) Объ увольненіи за штатъ.

а) Священникъ Успенской церкви с. Заводы, Волчанскаго уѣзда, *Александръ Чернявскій*, по прошенію, 25 сентября уволенъ за штатъ.

б) Священникъ Успенской церкви с. Осиновой, Старобѣльскаго уѣзда, *Василій Капустянский*, 26 сентября уволенъ за штатъ.

в) Священникъ Рождество-Богородичной церкви сл. Михайловки, Лебединскаго уѣзда, *Георгій Полтавцевъ* по прошенію 27 сентября уволенъ за штатъ.

г) Священникъ Іоанно-Предтеческой церкви с. Ивановки, Изюмскаго уѣзда, *Симеонъ Исиченко*, 24 сентября уволенъ за штатъ.

4) О смерти духовенства.

Псаломщикъ Успенской церкви гор. Валокъ *Михаилъ Аристовъ* 30 сентября умеръ.

5) Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

а) Къ церкви сл. Поповки, Старобѣльскаго уѣзда, старостою 14 сентября утвержденъ крестьянинъ *Павель Скаленко*.

б) Къ церкви с. Средняго Бурлука, Волчанскаго уѣзда, старостою 24 сентября утвержденъ крестьянинъ *Иванъ Чупахинъ*.

в) Къ церкви с. Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, старостою 28 сентября утвержденъ крестьянинъ *Михаилъ Петренко*.

г) Къ церкви при Ахтырской мужской гимназіи старостою 30 сентября утвержденъ купецъ *Владиміръ Долгаревъ*.

д) Къ церкви с. Никольско-Екатериновки, Волчанскаго уѣзда, старостою 20 октября утвержденъ князь *Александръ Вадбольскій*.

6) Объ утвержденіи въ должности законоучителей.

а) Священникъ церкви с. Ново-Александровки, Старобѣльскаго уѣзда, *Іоаннъ Ходаковскій*, 12 сентября утвержденъ въ должности законоучителя Ольшанскаго народнаго училища.

б) Священникъ церкви сл. Крыгской, того же уѣзда, *Іоаннъ Дикаревъ*, 12 сентября утвержденъ въ должности законоучителя Крыгскаго народнаго училища.

в) Священникъ Вознесенской церкви гор. Золочева, Харьковскаго уѣзда, *Гавріилъ Ковалевскій*, 24 сентября утвержденъ въ должности законоучителя Золочевскаго 3-го народнаго училища.

г) Священникъ церкви с. Шубино, Харьковскаго уѣзда, *Петръ Подлуцкій*, 24 сентября утвержденъ въ должности законоучителя Шубинскаго народнаго училища.

д) Священникъ церкви с. Соколово, Зміевского уѣзда, *Іаковъ Подлуцкій*, 27 сентября утвержденъ въ должности законоучителя Соколовскаго 2-го народнаго училища.

е) Священникъ церкви с. Волчьего-Яра, Зміевского уѣзда, *Павелъ Агнивцевъ*, 27 сентября утвержденъ въ должности законоучителя Волчьейрскаго народнаго училища.

ж) Священникъ церкви с. Русскихъ Тишковъ, Харьковскаго уѣзда, *Іоаннъ Сильванскій*, 25 сентября утвержденъ въ должности законоучителя 1 и 2 Русско-Тишковскихъ народныхъ училищъ.

Священникъ церкви с. Кальченково, Сумскаго уѣзда, *Маркъ Веселовскій*, 30 сентября утвержденъ въ должности законоучителя Воронинскаго 1 народнаго училища.

7) Вакантныя мѣста.

а) Священническія:

При Александро-Невской церкви, что при Харьковской 1-й мужской гимназіи.

„ Покровской ц. с. Пархомовки, Богодух. уѣзда.

„ Рождество-Богородичной ц. с. Михайловки, Леб. у.

б) Діаконскія:

При Николаевской ц. с. Бѣлки, Ахт. уѣзда.

в) Псаломщицкія:

При Рождество-Богород. ц. с. Мартовой, Волч. уѣзда.

„ Воскресенской ц. с. Ясеноваго, Лебед. уѣзда.

„ Александро-Невской ц. при ст. „Славянецъ“ Южн. ж. д.

„ Успенской церкви гор. Валокъ.

II.

Содержаніе. Поученіе въ день Св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова. *II. Красина.*—За отрезвленіе народа. *Прот. II. Волина.*—Епархіальная хроника. Архіерейскія богослуженія. *Прот. Г. Виноградова.*—Престольный праздникъ въ Харьковской Духовной Семинаріи.—Ино-епархіальный отдѣлъ.—Съѣздъ законоучителей Волынской епархіи.—Запасные священники.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Бородинскій монастырь.—Объявленія.

Поученіе въ день Св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова.

„Духа не угашайте“ (I Сол. 5, 12).

Время жизни и дѣятельности апостоловъ, первые вѣка христіанства—время необычайное, поразительное, неповторимое въ исторіи по многимъ своимъ свойствамъ и больше всего по тому необычайному духовному подъему, какой проявился тогда. Такого подъема духа, такой высоты, такой побѣды его, такого полного и безраздѣльнаго господства во всей жизни,—не было на землѣ и не будетъ. Такихъ величайшихъ героевъ духа, какъ апостолы, мученики, исповѣдники—не знаетъ исторія челоуѣчества. Вотъ передъ нами одинъ изъ такихъ великихъ свѣтильниковъ церкви Божіей—Св. Апостоль и Евангелистъ Іоаннъ Богословъ, молитвенное воспоминаніе котораго, по уставу церковному, мы нынѣ, братіе, совершаемъ. Какое необычайное величіе духа, какую необычайную преданность своему Учителю и Его великому дѣлу—проявилъ этотъ любимѣйшій ученикъ и другъ Христовъ. По одному мановенію Іоанна Крестителя,—своего перваго учителя, по одному его указанію „Се Агнецъ Божій“ (Іоанна 1, 36) онъ слѣдуетъ за Спасителемъ; съ перваго часа безраздѣльно Ему принадлежитъ, спокойно оставляетъ отца, мать, домъ, отъ всего отказывается, всѣмъ жертвуетъ, чтобы постоянно быть возлѣ своего великаго Учителя, чтобы не проронить ни одного Его божественнаго слова. И онъ дѣйствительно проникъ въ самыя глубокія тайны Божественнаго ученія, онъ видѣлъ всю жизнь Спасителя, ничего не пропустилъ, ничего не просмотрѣлъ, ничего не забылъ, онъ видѣлъ и зналъ такъ много, что если-бы сталъ по-

дробно все записывать, то міръ не вмѣстилъ бы пишемыхъ книгъ (Іоанна 21, 25). Онъ не оставляетъ любимаго Учителя въ самыя тяжелыя минуты Его жизни, онъ всегда при Немъ, готовъ на все по первому Его призыву, по первому Его слову: онъ возлежитъ на персяхъ Іисусовыхъ во время тайной вечери (Іоанна 13, 23. 25; 21, 20), ночью послѣ взятія Его онъ идетъ вмѣстѣ съ Петромъ во дворъ архіерейскій, онъ сопутствуетъ Ему въ Его крестномъ пути на Голгофу, онъ единственный изъ апостоловъ все время стоитъ у креста, слышитъ Его предсмертный вздохъ, Его послѣднія слова „Совершилось“. Смерть Спасителя не колеблетъ его великой вѣры: въ утро воскресенія онъ первый, узнавши отъ Маріи Магдалины, что во гробѣ нѣтъ Спасителя, приходитъ туда и первый вѣруетъ Его воскресенію (Іоанна 20, 2—8) Вознесеніе Спасителя не уменьшаетъ его любви и преданности, только теперь онъ всю свою пламенную ревность отдаетъ завѣщанному Учителемъ великому дѣлу: распространенію и утвержденію церкви Божіей на землѣ; безбоязненно и неутомимо проповѣдуетъ, ведетъ борьбу съ неправомыслящими, устраиваетъ и утверждаетъ новообразованныя христіанскія общества; подвергается пыткамъ и изгнанію, терпитъ лишенія, но не прекращаетъ своей неутомимой дѣятельности, не ослабѣваетъ въ своемъ необыкновенномъ рвеніи, горитъ яркимъ свѣтомъ и въ дни глубочайшей старости, поддерживаемый безпримѣрной любовью къ своему Учителю, совершеннѣйшей преданностью великому дѣлу, глубокой вѣрой, полной убѣжденностью и яснымъ сознаніемъ высочайшихъ цѣлей своей жизни и дѣятельности. Къ нему онъ идетъ неуклонно, послѣдовательно; съ нимъ и за нимъ идутъ другіе, такіе же убѣжденные такіе же преданные Христову дѣлу, такіе же безбоязненные неустрашимые борцы за истину,—идутъ... и достигаютъ высокой пѣли: распространяютъ христіанство по всей землѣ, проповѣдуютъ божественную истину всѣмъ людямъ. Такъ побѣжденъ былъ міръ, такъ утвердилась во всѣхъ концахъ земли церковь Христова.

Чѣмъ же побѣжденъ былъ міръ? Чѣмъ сильны были самоотверженные проповѣдники новаго ученія? Какъ могли они—неученые простолюдины—поражать и изумлять своимъ глубокомысліемъ ученѣйшихъ мудрецовъ тогдашняго міра;

какъ могли они—слабые съ виду—поражать сильныхъ, идти противъ вооруженныхъ и знаніями, и силою, и властью язычниковъ, безбоязненно смотрѣть въ глаза мучительной смерти? Гдѣ источникъ этой необычайной перемѣны, этого необычайнаго могущества духа? Прежде всего, конечно, въ благодати божественной, „Немощная врачующей и оскудѣвающая восполняющей“, въ силѣ Божіей, которая въ „немощахъ совершается“ (2 Кор. 12, 9), которая слабыхъ дѣлаетъ сильными, немудрыхъ—мудрыми. Но божественная благодать не поборааетъ совершенно и не уничтожаетъ дѣйствія естественныхъ, Богомъ же данныхъ силъ человѣка, а только восполняетъ и повышаетъ ихъ, такъ что дѣйствуетъ все таки человѣкъ, только вспомоствуемый божественною благодатью; и далѣе, не всѣмъ и не въ одинакой мѣрѣ дается благодать, а только тѣмъ, которые способны и достойны ее воспріять, и въ той мѣрѣ, въ какой они могутъ ее вмѣстить; и наконецъ,—божественная благодать никогда не оскудѣвала въ церкви Христовой, она изливается обильно и въ настоящее время, но почему теперь въ христіанскомъ обществѣ нѣтъ такого подъема духа, почему онъ теперь такъ не торжествуетъ въ его жизни, не шествуетъ побѣдно, какъ это было въ первые вѣка христіанства, почему теперь такъ мало тѣхъ горюевъ духа, какихъ было много тогда? Враждебные христіанству лица отвѣчаютъ, что это потому, что христіанство отжило, что оно устарѣло, что его идеалы не могутъ уже больше воодушевлять въ такой степени, какъ когда то, что теперешнимъ людямъ нужна новая религія и они пытаются дать такую религію. Но не годится намъ этотъ отвѣтъ возгордившагося и въ своей гордости воставшаго противъ Бога современнаго человѣка... Нѣтъ, христіанство также божественно прекрасно и свѣтозарно, его идеалы также высоки, непредѣльны, чисты, какими были въ началѣ, они и теперь способны воодушевлять, двигать на подвиги, и если теперь это рѣже видится въ массѣ христіанскаго, часто, къ сожалѣнію, только по имени, общества, то причина вовсе не въ нихъ, а въ томъ духовномъ убожествѣ, въ томъ крайнемъ оскудѣніи духа, какимъ отличается жизнь современнаго общества. Апостолы побѣдили міръ, они явили необычайные примѣры героизма потому, что въ ихъ душѣ неугасимо горѣлъ божественный огонь,—ихъ великая сила

заключалась въ ихъ высокомъ, святомъ идеализмѣ. Это та почва, которая необходимой является для воспріятія божественной благодати въ той высокой мѣрѣ, въ какой она имъ была дана,—то необходимое условіе, при которомъ только и можетъ быть сообщена сила Божія. Благодаря этой своей идеалистической настроенности, они сразу пошли за Божественнымъ Провозвѣстникомъ высочайшихъ идеаловъ, прониклись ими, отдались безраздѣльно проведенію ихъ въ жизнь и покорили имъ царства и народы. И всегда, во всѣ вѣка исторіи христіанской церкви такіе святые идеалисты имѣли неотразимое вліяніе, покоряли не только вѣрныхъ, но и чуждыхъ, овладѣвали ихъ душами, управляли ихъ жизнью, содѣйствовали развитію церковной жизни. И не только въ церковной жизни идеализмъ имѣетъ такое значеніе: онъ составляетъ внутреннюю основу всей жизни человѣческой во всѣхъ ея проявленіяхъ. Жизнь всегда двигалась впередъ идеалистами. И чѣмъ больше идеализма въ обществѣ, чѣмъ идеалистичнѣе оно настроено, тѣмъ больше способно оно къ развитію и совершенствованію. Гдѣ идеализмъ—тамъ нѣтъ мѣста застою, тамъ движеніе, тамъ жизнь, гдѣ нѣтъ его, тамъ нѣтъ жизни, гдѣ гаснетъ этотъ, вложенный въ человѣка Творцомъ огонь, тамъ неминуемо должна угаснуть и жизнь человѣческая или претвориться въ животную, бездушную, безидейную. Еще древній мудрецъ сказалъ: „Смерть мужу покой, его же путь сокровенъ есть“ (Іов. 3, 23) т. е. человѣку, желающему знать свой путь, имѣть ясный идеаль жизни и лишенному этой возможности лучше умереть. И не этимъ ли упадкомъ духа жизни—чистаго идеализма объясняется большое количество самоубійствъ настоящаго времени: если скрытъ „путь“ жизни, если онъ не найденъ и не чувствуется возможности найти его, то зачѣмъ тогда жить..., жизнь тогда представляется пустой, бессмысленной, безцѣльной и ненужной. А этотъ упадокъ идеализма въ современномъ интеллигентномъ обществѣ не подлежитъ сомнѣнію. Въ ужасъ приводитъ вдумчиваго наблюдателя общественной жизни это, все больше растущее, духовное оскудѣніе, идейное убожество такъ называемаго интеллигентнаго общества. Чувствуется оно всюду. Вотъ современное учащееся юношество. Къ чему оно стремится, чѣмъ увлекается? Какія, напр. науки пользуются его

преимущественнымъ расположеніемъ? Чаше всего тѣ, которыя общаются больше выгодъ въ жизни занимающимся ими, (такъ наз. прикладныя и отчасти естественныя), которыя открываютъ двери спеціальныхъ учебныхъ заведеній, обеспечивающихъ выходящимъ изъ нихъ достатокъ и хорошее положеніе; эти учебныя заведенія переполняются, другія пустуютъ, но переполняются только до той поры, пока обеспечиваютъ карьеру своимъ питомцамъ. Теперь притокъ въ нѣкоторыя изъ такихъ учебныхъ заведеній ослабѣлъ, почему? Потому что понизился интересъ къ изученію преподаваемыхъ тамъ наукъ? О, нѣтъ, просто потому, что стало давать себя знать перепроизводство спеціалистовъ здѣсь подготавливаемыхъ. Допускаемъ, и вѣримъ, что не у всѣхъ здѣсь односторонняя научная любознательность имѣетъ такой корыстный характеръ, увѣрены, что многіе чувствуютъ искреннее—внутреннее влеченіе къ этимъ наукамъ, но, во-первыхъ, такихъ меньшинство, а, во-вторыхъ, это отсутствіе интереса къ такъ называемымъ „чистымъ“ наукамъ, т. е. не имѣющимъ непосредственнаго практическаго примѣненія въ жизни,—еще сильнѣе, пожалуй, чѣмъ корысть первыхъ, говорить объ упадкѣ чистаго идеализма... Пойдемъ дальше, посмотримъ чѣмъ они увлекаются? Прежде, нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ эти увлеченія носили глубоко идейный характеръ: отвлеченнѣйшія философскія ученія, чистое искусство,—глубоко волновали учащееся юношество, возбуждали среди него горячіе споры, захватывали, увлекали. А теперь? Есть и теперь увлеченія, но, къ сожалѣнію, они далеко не идейнаго характера. Самое модное это—спортъ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. И учащіеся и не учащіеся юноши со страстью, съ увлеченіемъ отдають ему все свободное время, не жалѣють силъ, не чувствуютъ усталости, бросаютъ чтеніе, уроки, теряютъ охоту и способность къ умственной работѣ, глубоко волнуются успѣхомъ или поражениемъ своей „команды“. Что это? Естественныя заботы о тѣлесномъ здоровьѣ? Очевидно нѣтъ. Это проявленіе того же оскудѣнія духа. Посмотримъ на оставившаго школу, уже устроившагося въ жизни современнаго интеллигентнаго человека. Не найдемъ ли у него больше духовной жажды? Увы, здѣсь ее еще меньше. Литература, въ особенности художественная и искусство, служащія отраженіемъ настро-

нія этого духовно-арѣлаго человѣка, показателемъ его идейныхъ запросовъ, ясно говорятъ о большомъ духовномъ его оскудѣніи. Тутъ—и въ художественной литературѣ и въ искусствѣ, (напр. живописи) почти общимъ признаніемъ пользуется ученіе о самодовлѣющемъ значеніи формы въ художественномъ произведеніи. Прежде художественные образы разсматривали и цѣнили какъ воплощеніе той или иной идеи: чѣмъ выше идея, чѣмъ совершеннѣе она отражается въ художественномъ образѣ, тѣмъ цѣннѣе произведеніе и тѣмъ болѣе оно соотвѣтствуетъ своему назначенію. Теперешніе художники заботятся только о красивой формѣ, подъ которой не скрывается большей частью никакой идеи, а иногда даже простого здраваго человѣческаго смысла. Возведенная въ принципъ такая художественная теорія будетъ принципиальнымъ отрицаніемъ идейности искусства, изгнаніемъ изъ искусства идеаловъ, превращеніемъ его въ игру для слуха, въ забаву для зрѣнія. Такъ написанныя произведенія читаются, такъ нарисованныя картины усердно смотрятся и раскупаются, очевидно они идутъ на встрѣчу безидейному настроенію современнаго интеллигента, въ нихъ онъ находитъ отраженіе и оправданіе своей собственной духовной (идейной) несостоятельности. Есть, конечно, въ современномъ обществѣ люди, которыхъ считаютъ идеалистами, выдвигаются въ немъ и разнообразные идеалы. Но, во-первыхъ, много ли ихъ? А, во-вторыхъ, какіе это идеалы, каковы ихъ провозвѣстники и какими путями они идутъ къ ихъ осуществленію? Если мы правильно отвѣтимъ на эти вопросы, то врядъ ли особенно порадуетъ насъ этотъ идеализмъ и эти идеалисты. Въ зависимости отъ содержанія идеалы принято дѣлить на: религіозные, нравственные, соціальные, политическіе, художественные и т. д. Всѣ они значительно различаются между собою не только по содержанію, но и по качеству (большая или меньшая высота, чистота, широта и т. п.). Но при всѣхъ различіяхъ въ этихъ интеллигентскихъ идеалахъ можно уловить нѣчто общее: человѣкъ, мыслимый въ его физическомъ существѣ по преимуществу, какъ высшее въ цѣпи другихъ земныхъ животныхъ животное,—является ихъ исходнымъ началомъ и высшей точкой; другого міра, кромѣ земнаго, дру-

гой стороны въ человѣкѣ, кромѣ матеріальной, эти идеалы не знаютъ, даже религія здѣсь является безъ Бога и безъ неба; отсюда—низменный, узко-матеріальный характеръ ихъ (сытость—идеаль социальный, тѣло—идеаль художника живописца, влеченія тѣла—матеріаль художника писателя); не говоримъ уже о томъ, что у нѣкоторыхъ художниковъ они получаютъ явно нескромный и прямо безнравственный характеръ. Это не тѣ идеалы, которые подобно яркимъ звѣздамъ, съ небесной высоты льютъ свой чистый свѣтъ, это, въ лучшемъ случаѣ, маленькіе свѣтлячки, которые слабо мерцаютъ въ темныя ночи на поверхности земли. Таковы идеалы, посмотримъ теперь на ихъ глашатаевъ. Всегда ли они вѣрны своимъ идеаламъ, всегда ли послѣдовательны въ ихъ осуществленіи? Далекое нѣтъ. Проповѣдуя любовь къ людямъ, они часто не проявляютъ простого благожелательства къ нимъ; проповѣдуя свободу и требуя ее для себя, они отказываютъ въ ней другимъ, требуютъ рабскаго себѣ поцчиненія отъ своихъ единомышленниковъ, готовы прибѣгнуть ко всякому насилію когда дѣло касается ихъ противниковъ; громко говоря о равенствѣ и братствѣ, они брезгливо сторонятся тѣхъ, которые ниже ихъ стоятъ по общественному положенію, происхожденію или матеріальнымъ средствамъ. И не только отдѣльные лица, у которыхъ это можетъ быть объясняемо и отчасти извиняемо человѣческой слабостью. Есть передовая страна, гдѣ высокія начала свободы, равенства и братства объявлены основными догматами общественно-государственной жизни, гдѣ они яркими буквами написаны на всѣхъ казенныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, но гдѣ, увы, они остаются только на вывѣскахъ а—въ жизни... ихъ гораздо меньше, чѣмъ тамъ, гдѣ никакихъ красивыхъ вывѣсокъ не вѣшаютъ; больше того, тамъ особенно сильно чувствуется разительное неравенство, страшная пропасть между имущими и неимущими, а свобода попирается самымъ грубымъ образомъ тѣми, которые вѣшаютъ вывѣски. Если мы посмотримъ на тѣ средства, которыми наши „идеалисты“ насаждаютъ свои идеалы, то увидимъ, что здѣсь большею частью считается все дозволеннымъ до грабежа (подъ видомъ экспроприацій) и убійства включительно; примѣры изъ родной жизни еще свѣжи и у всѣхъ

на памяти. Таковъ въ общемъ современный безрелигіозный идеализмъ и идеалисты изъ интеллигентовъ.

Не здѣсь, очевидно, чистѣйшій источникъ для жаждущаго духа жизни человѣка, не здѣсь путеводныя для него звѣзды, не здѣсь безупречные примѣры, которые могли бы воодушевить и дать силу въ жизненной борьбѣ. Гдѣ же они? Для насъ, братіе христіане, ясно гдѣ. Въ церкви Христовой—чистѣйшій источникъ чистѣйшаго идеализма, неизсякаемый родникъ духа жизни. Христіанство предлагаетъ идеальнѣйшее ученіе, даетъ несравненные примѣры величайшихъ идеалистовъ. Христіанскіе идеалы безпримѣрно чисты, въ нихъ „тѣмы нѣсть ни единыя“; они необъятно широки, охватываютъ всю жизнь, ни одного ея уголка не оставляютъ неосвѣщеннымъ; они безпредѣльно высоки, открываютъ возможность безмѣрнаго совершенствованія жизни личной и общественной. Глубоко жизненные, безпредѣльные они никогда не потеряютъ своего значенія, никогда не переростутъ ихъ люди, всегда они будутъ ярко свѣтить имъ съ своей небесной высоты, воодушевлять всѣхъ у кого не угасла въ душѣ божественная искра. О проповѣдникахъ и носителяхъ христіанскихъ идеаловъ мы сказали въ началѣ своего слова. Какая глубокая пропасть между этими святѣйшими идеалистами святѣйшихъ идеаловъ, своею кровью пролагавшими себѣ путь и теперешними сомнительными идеалистами сомнительныхъ идеаловъ, думающими достигнуть побѣды пролитіемъ чужой крови!.. Какая неизмѣримая разница въ средствахъ осуществленія идеаловъ тамъ и здѣсь! тамъ: слово, убѣжденіе, примѣръ, ни тѣни насилія, вражды, злобы, никакого обмана и хитрости, безукоризненно честный прямой путь; здѣсь: ненависть, ожесточеніе, насиліе, убійства, хитрость—кривые пути со всякими „тактическими“ обходами. Христіанскіе идеалисты не знали разницы между словомъ и дѣломъ: говоря о любви—они дѣйствительно любили, никого не ненавидѣли; проповѣдуя свободу, они хотѣли ее для всѣхъ, а не для себя и своихъ только и никогда не совершали насилія; провозглашая равенство и братство—они давали въ своей жизни совершеннѣйшіе примѣры того и другого. Вотъ истинный идеализмъ, вотъ подлинныя идеалисты, они въ церкви Христовой, въ ея ученіи, въ ея жизни. Здѣсь и пути жизни, здѣсь и духъ жизни.

Всѣмъ она указываетъ эти пути, всѣхъ зоветъ пріобщиться этому духу.

Возлюбленные юноши! Не будьте глухи къ этому зову! Не угашайте духа живущаго въ васъ, не тушите искры божественной вложенной Творцомъ въ человѣческую душу, возгрѣвайте этотъ святой огонь, запасайтесь святымъ идеализмомъ въ юные годы, пока еще не „померкли“ для васъ „солнце и свѣтъ“ (Еккл. 12, 1), пока еще отзывчива ваша молодая душа ко всему чистому и хорошему, пока не наложила еще на васъ суровая жизнь свою тяжелую руку, не иссушила, не истомила васъ, пока не пришли еще для васъ „дніе злобы, лѣта въ нихъ же речеши: нѣсть ми въ нихъ хотѣнія“ (Еккл. 12, 1). Много испытаній, много трудовъ, много скорбей ожидаетъ васъ въ жизни. Чтобы не пасть подъ тяжестью этихъ испытаній, не заблудиться на распутьяхъ жизни, нужно вступать въ нее съ открытыми глазами, имѣя передъ собою ясные, чистые идеалы жизни, нужно, чтобы ярко горѣлъ въ душѣ божественный огонь святого идеализма. Вы стоите близко къ его источнику, передъ вашимъ мысленнымъ взоромъ постоянно высокіе примѣры, вы ихъ находите, изучая основы христіанскаго вѣро-и-нравоученія, знакомясь съ исторіей церкви. Почерпайте неустанно изъ этого источника, поучайтесь святыми примѣрами, пользуйтесь благопріятнымъ временемъ, не вынесете отсюда—врядъ ли найдете въ жизни.

П. Красинъ.

За отрезвленіе народа.

Всероссійскій Съѣздъ практическихъ дѣятелей по борьбѣ съ алкоголизмомъ въ г. Москвѣ 6—12 августа 1912 года.

(Окончаніе *).

10-го августа въ первой секціи Съѣзда были заслушаны интересные доклады протоіереевъ А. Краснова (Рязанской губ.) и П. А. Миртова (Петербургской губ.).

Первый докладчикъ говорилъ объ употребленіи вина съ точки зрѣнія церковнаго устава. Выводъ докладчика, ко-

*) См. ж. „В. и Р.“, отд. Извѣстій и Замѣтокъ № 18 за 1912 г.

нечно, былъ противъ употребленія опьяняющихъ напитковъ. Протоіерей П. А. Миртовъ произнесъ воодушевленную рѣчь на тему: „Пастырская совѣсть предъ вопросомъ объ алкоголизмѣ“. По мысли оратора, захватившаго аудиторію, безусловное воздержаніе отъ употребленія спиртныхъ напитковъ является повелительнымъ долгомъ для пастыря: сильные и крѣпкіе должны показывать примѣръ слабымъ. Въ частности, о. Миртовъ коснулся о неподготовленности семинаристовъ къ практической пастырской работѣ и предложилъ Съѣзду выразить пожеланіе, чтобы воспитанники семинаріи еще на школьной скамьѣ готовились къ просвѣтительной работѣ на нивѣ народной. Во второй части своего доклада о. Миртовъ охарактеризовалъ дѣятельность Александро-Невскаго Общества трезвости, остановивъ особое вниманіе на институтѣ выборныхъ Общества.

Съѣздъ выразилъ глубокую благодарность прот. Миртову, стоящему во главѣ Александро-Новскаго Общества трезвости, почившему же основателю Общества о. А. В. Рождественскому была пропѣта Вѣчная память.

11 августа въ утреннемъ общемъ собраніи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Новгородскаго, членъ Государственной Думы М. Д. Челышевъ сдѣлалъ докладъ о принятомъ Государственной Думой законопроектѣ, касающемся мѣръ борьбы съ пьянствомъ. Собраніе отличалось особымъ многолюдствомъ. Сообщение было выслушано съ напряженнымъ вниманіемъ.

Въ дѣлѣ борьбы съ пьянствомъ М. Д. Челышевъ придавалъ главное значеніе проведенію въ жизнь выработаннаго Государственною Думой законопроекта о мѣрахъ къ сокращенію алкоголизма. Ораторъ неоднократно подчеркивалъ, что означенный законопроектъ является единственнымъ, который былъ разработанъ по инициативѣ самой Думы. При его разработкѣ, потребовавшей продолжительнаго времени, пришлось испытать не мало препятствій, и если удалось провести его чрезъ Думу, то только благодаря дружному объединенію духовенства и крестьянъ, горячо настаивавшихъ на проведеніи новой необходимой реформы.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи своего доклада г. Челышевъ остановилъ вниманіе собранія на выдающихся пунк-

тахъ законопроекта, въ которыхъ заключаются наиболѣе дѣйствительныя мѣры борьбы съ народнымъ пьянствомъ. По законопроекту открытіе продажи питей не можетъ послѣдовать безъ согласія населенія. Тамъ, гдѣ насчитывается менѣе 500 чел., продажа питей не разрѣшается. Закономъ ограничивается число дней продажи спиртныхъ напитковъ, количество часовъ. Въ немъ же устанавливаются мѣры борьбы съ шинкарствомъ и уничтоженіе продажи вина въ мелкой посудѣ (до бутылки), и другія полезныя мѣропріятія.

По мнѣнію г. Челышева, принятый Думой законопроектъ хотя и не является радикальной мѣрой въ дѣлѣ борьбы съ алкоголизмомъ, тѣмъ не менѣе онъ могъ бы принести существенную пользу населенію, а потому Съѣзду слѣдуетъ выразить пожеланіе о скорѣйшемъ проведеніи его въ жизнь.

Не ограничиваясь этимъ пожеланіемъ, М. Д. Челышевъ полагалъ, что Всероссійскому Съѣзду дѣятелей по борьбѣ съ алкоголизмомъ необходимо обратиться къ Государю Императору съ всеподданѣйшимъ хадатайствомъ о повсемѣстномъ прекращеніи продажи всѣхъ спиртныхъ напитковъ въ интересахъ народнаго блага.

Когда г. Челышевъ закончилъ свою рѣчь, въ залѣ раздались дружныя рукоплесканія, которыми члены Съѣзда пожелали вознаградить стойкаго и убѣжденнаго борца за трезвость. Нужно замѣтить, что по установившемуся распорядку рукоплесканія на Съѣздѣ не допускались.

Предсѣдатель Съѣзда призналъ пренія по докладу г. Челышева излишними, такъ какъ они могли бы только ослабить вызванный докладчикомъ подъемъ настроенія среди членовъ. Съѣздъ единодушно присоединился къ этому предложенію тѣмъ болѣе, что въ его распоряженіи было мало времени на этотъ день.

Въ отдѣльныхъ секціяхъ Съѣзда въ послѣдніе дни были заслушаны доклады болѣе частнаго характера касательно отдѣльныхъ способовъ борьбы съ народнымъ пьянствомъ.

Чиновникъ особыхъ порученій при переселенческомъ управленіи Л. Л. Оноре сдѣлалъ докладъ на тему: „Внушеніе, какъ средство борьбы съ алкоголизмомъ, и участіе въ этомъ дѣлѣ духовенства“. Докладъ былъ весьма оригиналенъ по своему содержанію. Считаю примѣненіе внушенія

легкимъ и вѣрнымъ средствомъ въ леченіи алкоголизма, г. Оноре предлагалъ духовенству заниматься гипнотизмомъ(!).

По его мнѣнію, дѣятельность духовенства среди простаго народа легко поддающагося внушенію особенно должна бы быть плодотворною.

Большинство собранія отнеслось, однако, отрицательно къ предлагаемому г. Оноре средству.

Интересенъ былъ докладъ присяж. повѣр. А. В. Шилова на тему „Желѣзнодорожныя несчастія и алкоголь“. Докладчикъ указывалъ, что число пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ на русскихъ жел. дорогахъ было въ 1903 году—10.940 и въ 1908 году, постепенно возрастая, достигло 17.398 чел., т. е. увеличилось почти на 60%, тогда какъ движеніе увеличилось за этотъ періодъ времени лишь на 12%. Алкоголизмъ желѣзнодорожныхъ служащихъ является одною изъ главныхъ причинъ желѣзнодорожныхъ несчастій. Количество этихъ несчастей у насъ возросло именно въ тѣ годы, когда увеличилось душевое потребленіе водки. Въ Западной Европѣ и въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ ведется энергичная борьба съ алкоголизмомъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, и въ Америкѣ на многихъ желѣзнодорожныхъ линіяхъ вовсе не принимаютъ на службу лицъ потребляющихъ алкоголь, и это правило примѣняется не только къ низшимъ служащимъ, но и къ высшимъ. Въ интересахъ безопасности движенія на желѣзныхъ дорогахъ и наше Министерство Путей Сообщенія должно энергично продолжать борьбу съ алкоголизмомъ желѣзнодорожнаго персонала и не жалѣть на это дѣло даже и крупныхъ средствъ. Къ этимъ выводамъ докладчика Съѣздъ присоединилъ пожеланія о широкомъ распространеніи среди желѣзно-дорожныхъ служащихъ и рабочихъ обществъ трезвости, противоалкогольной литературы, плакатовъ и устройства на станціяхъ для поѣздныхъ бригадъ особыхъ безалкогольныхъ чайныхъ.

Н. П. Розановъ прочелъ докладъ на тему: „Русская народная сатира на пьянство“. По изслѣдованіямъ докладчика, народная русская литература пыталась давать сатиру на пьянство, но почти всегда эта сатира оказывалась „покушеніемъ съ негодными средствами“. Современныя народные „частушки“ хотя и даютъ по мѣстамъ нѣкоторыя удач-

ныя характеристики современнаго пьянства въ деревнѣ, но онѣ не всегда проникнуты строго отрицательнымъ отноше-ніемъ къ этому вопіющему злу народной жизни. Необходимо чтобы хорошія литературныя русскія силы дали что-нибудь дѣйствительно художественное и увлекательное по части сатиры на народное пьянство. Двѣ-три дѣйствительно поэти-ческія пѣсни, направленные къ обличенію народнаго пьян-ства, несомнѣнно, произвели бы огромное впечатлѣніе на души нашихъ крестьянъ, а удачныя рассказы и въ особен-ности драматическія произведенія, представляющія собою сатиру на пьянство, еще болѣе раскрыли бы для народнаго сознанія мысль о необходимости воздержанія отъ употре-бленія вина.

Оригинальнымъ содержаніемъ отличался докладъ П. И. Просянкина изъ г. Майкопа, Кубанской области. Расска-зывая про способы борьбы съ пьянствомъ въ Майкопѣ, до-кладчикъ отмѣчалъ, какъ тамъ трезвенники ставили около каждаго питейнаго заведенія и винныхъ лавокъ большія желѣзныя вывѣски по образцу шустовскихъ рекламъ съ про-тивоалкогольными надписями. Общество трезвости въ Май-копѣ выдаетъ премію за устройство безалкогольныхъ свадебъ.

Съѣзду были представлены многочисленныя доклады и многихъ другихъ авторовъ, которые по недостатку времени или были просто приняты къ свѣдѣнію, или же заслушаны въ краткихъ извлеченіяхъ.

Длительное засѣданіе общаго собранія Съѣзда 11-го августа во второй своей половинѣ было посвящено разсмо-трѣнію резолюцій, принятыхъ въ засѣданіяхъ отдѣловъ.

Вопросъ объ учрежденіи дѣтскихъ школьныхъ союзовъ трезвости, вызвавшій неодинаковое къ себѣ отношеніе со стороны участниковъ Съѣзда, признанъ открытымъ. Голоса раздѣлились такъ: 80 голосовъ было подано за дѣтскіе союзы трезвости, 63—противъ и 30 человекъ высказались за учре-жденіе дѣтскихъ союзовъ трезвости при школахъ для окон-чившихъ въ нихъ курсъ.

Далѣе Съѣздомъ принимается цѣлый рядъ резолюцій. Съѣздъ единогласно призналъ, что въ основу борьбы съ алкоголизмомъ должны быть положены религіозно-нравствен-ныя начала. Помимо усиленія религіозно-нравственнаго воз-дѣйствія на народныя массы путемъ проповѣди, Съѣздъ вы-

сказался за устройство домовъ трезвости, бібліотекъ съ противоалкогольной литературой, за раздачу спеціальныхъ листовъ и брошюръ. Для успѣшной борьбы съ пьянствомъ признано необходимымъ устройство церковно-приходскихъ братствъ и обществъ трезвости, съ допущеніемъ обѣщаній при вступленіи членовъ въ общество. По предложенію протоіерея П. А. Миртова, постановлено, что для пастырей безусловное воздержаніе отъ употребленія спиртныхъ напитковъ является повелительнымъ долгомъ совѣсти во имя высокихъ задачъ пастырскаго служенія. Принято также и другое предложеніе о. Миртова, чтобы въ Духовныхъ Семинаріяхъ было обращено вниманіе на практическую подготовку воспитанниковъ въ дѣлѣ борьбы съ пьянствомъ чрезъ участіе въ дѣятельности приходскихъ обществъ трезвости.

Чрезвычайно важнымъ постановленіемъ было то, что приходскія общества трезвости должны быть организованы въ каждомъ приходѣ. Эти приходскія общества должны объединиться въ своей дѣятельности съ учреждаемымъ въ губерніи Епархіальнымъ Братствомъ трезвости. Помимо того признано желательнымъ учрежденіе Всероссійскаго Братства трезвости, при чемъ выражено пожеланіе, чтобы въ таковое было преобразовано пользующееся громаднымъ авторитетомъ Александро-Невское Общество трезвости, которому поручено выработать нормальный Уставъ для Епархіальныхъ Братствъ трезвости.

Единогласно принята была резолюція, по которой Всероссійскіе Съѣзды дѣятелей по борьбѣ съ алкоголизмомъ должны собираться періодически.

Приведеніе въ исполненіе постановленій перваго Съѣзда и организація созыва втораго Съѣзда поручены были Московскому Епархіальному Обществу борьбы съ народнымъ пьянствомъ, при которомъ будетъ дѣйствовать исполнительный и организаціонный комитетъ.

Для изысканія средствъ, которыми могли бы располагать приходскія братства трезвости, постановлено ходатайствовать предъ Св. Синодомъ объ установленіи церковнаго собора и трезвеннаго праздника 29 августа.

По отношенію къ сельскому духовенству, пользующемуся услугами крестьянъ при уборкѣ хлѣба и сѣна выра-

жепо пожеланіе, чтобы въ такихъ случаяхъ не предлагалось угощеніе спиртными напитками.

Потомъ Съѣздъ призналъ крайне желательнымъ, чтобы при монастыряхъ устраивались школы трезвости по примѣру „Первой Россійской Сергіевской школы трезвости“, которая признана Съѣздомъ образцовой, а также братства трезвости: объ этомъ будетъ направлено ходатайство въ Св. Синодъ.

Сочувственно была принята резолюція съ предложеніемъ ходатайствовать о наложеніи штрафовъ на лицъ, предлагающихъ спиртные напитки малолѣтнимъ дѣтямъ.

Постановлено ходатайствовать предъ Министерствомъ Путей Сообщенія, чтобы на желѣзнодорожныя должности принимались только лица, не употребляющіе спиртныхъ напитковъ. Равнымъ образомъ рѣшено также ходатайствовать, чтобы на станціонныхъ буфетахъ желѣзныхъ дорогъ, на парходахъ и пристаняхъ, въ вагонахъ-ресторанахъ не производилась продажа питей.

Признано необходимымъ усилить репрессіи за преступленія, совершенныя въ пьяномъ видѣ. Теперь въ судахъ наказанія обычно смягчаютъ, если преступленія совершены въ опьяненіи.

Съѣздъ призналъ необходимымъ устройство центрального книжнаго склада противоалкогольной литературы, а также изданіе картограммъ и рисунковъ о вредномъ вліяніи алкоголя и послѣдствіяхъ его употребленія, воспользовавшись для этого матеріаломъ Московскаго противоалкогольнаго Музея.

Признано желательнымъ, чтобы при каждой епископской кафедрѣ были учреждены должности проповѣдниковъ трезвости, которые развѣзжали бы по приходамъ и налаживали дѣло борьбы съ пьянствомъ.

Въ виду крайней желательности самаго широкаго распространенія противоалкогольной литературы, было постановлено ходатайствовать объ отчисленіи церковныхъ суммъ на это дѣло.

Рѣшено ходатайствовать предъ Министерствомъ Финансовъ, чтобы изъ средствъ Губернскихъ Попечительствъ о народной трезвости отпускались средства на снабженіе школъ учебниками и наглядными пособіями по трезвости.

Съѣздъ выразилъ пожеланіе, чтобы лучшія литератур-

ныя и художественныя силы страны пришли съ своей стороны на помощь въ борьбѣ съ пьянствомъ, изображая въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ ужасы алкоголизма.

Признано необходимымъ привлечь губернскія и уѣздныя земства по дѣлу борьбы съ алкоголизмомъ.

Наконецъ, Съѣздомъ была единодушно принята резолюція, предложенная М. Д. Челышевымъ, о скорѣйшемъ проведеніи въ жизнь закона о мѣрахъ борьбы съ пьянствомъ, выработаннаго Государственной Думой.

Общее собраніе этого дня закончилось въ 12 час. дня. Послѣ обѣда участники Съѣзда предприняли паломничество въ Троице-Сергіеву Лавру для поклоненія мощамъ Преподобнаго Сергія. У раки Преподобнаго было совершено соборное молебствіе.

12 августа, послѣ семидневныхъ занятій, закрылся Съѣздъ. Закрытію предшествовало торжественное богослуженіе въ семинарскомъ храмѣ, совершенное Московскимъ Митрополитомъ Владиміромъ соборнѣ съ Архіепископ. Арсеніемъ Новгородскимъ и Епископами Митрофаномъ Гомельскимъ и Анастасіемъ Серпуховскимъ. Послѣ богослуженія на состоявшемся потомъ заключительномъ общемъ собраніи Съѣзда Предсѣдатель Архіепископъ Арсеній огласилъ всѣ резолюціи. Кромѣ уже приведенныхъ нами, еще состоялись слѣдующія: постановлено просить правительство о принятіи самыхъ рѣшительныхъ мѣръ наказанія за шинкарство, налагаемыхъ не только на самихъ шинкарей, но и на тѣ сельскія общества, которыя допускаютъ въ своей средѣ существованіе шинкарства. Рѣшено ходатайствовать предъ правительствомъ и мѣстными властями о воспрещеніи всякаго рекламированія спиртныхъ напитковъ, особенно кощунственнаго свойства (какъ реклама коньяка Шустова).

По прочтеніи резолюцій, Архіепископъ Арсеній въ нѣсколькихъ словахъ охарактеризовалъ дѣятельность Съѣзда. На немъ было прочитано около 100 докладовъ. Работа Съѣзда безусловно будетъ имѣть большое значеніе въ послѣдующей борьбѣ съ пьянствомъ. Съѣздъ показалъ, что у насъ, въ Россіи, имѣется цѣлая рать идейныхъ борцовъ за трезвость.

Затѣмъ одинъ изъ членовъ Съѣзда прочиталъ отъ лица Съѣзда адресъ Митрополиту Владиміру. Ректоръ Одесской духовной семинаріи прот. Бречкевичъ выразилъ отъ имени

Съѣзда благодарность предсѣдателю, товарищу предсѣдателя Съѣзда и членамъ организаціоннаго комитета.

Послѣ этого Съѣздъ былъ объявленъ закрытымъ.

Мы должны признать дѣятельность этого Съѣзда чрезвычайною важною. Результаты ея будутъ несомнѣнно въ высшей степени плодотворны. Съѣздъ въ своихъ работахъ убѣдительноѣйше констатировалъ, какъ широко уже распространилось въ нашемъ народѣ пьянство, какъ ужасно губительны для отечества его послѣдствія, какая страшная угроза народному благоденствію заключается въ немъ. На Съѣздѣ съ несомнѣнностью доказано, что алкоголь ядъ и отравы во всѣхъ дозахъ его употребленія. Бороться съ этимъ страшнымъ народнымъ зломъ надобно посредствомъ проповѣди и насажденія безусловной трезвости. Съѣздъ объединилъ борцовъ за народную трезвость и намѣтилъ начала для дальнѣйшей уже организованной ихъ дѣятельности, а въ организаціи и объединеніи борьбы съ алкоголизмомъ прочный залогъ ея успѣха. Съѣздъ явился могущественнымъ возбудителемъ общества и правительства на эту же общую борьбу съ народнымъ пьянствомъ.

Наконецъ этотъ Съѣздъ призналъ повелительную необходимость въ скорѣйшемъ проведеніи по законодательнымъ учрежденіямъ выработаннаго законопроекта о мѣрахъ сокращенія въ народѣ пьянства.

Разъѣхавшіеся со Съѣзда участники его несомнѣнно унесли съ собою глубокое чувство удовлетворенія въ признаніи ихъ трезвеннической дѣятельности важнымъ общественнымъ факторомъ, чувство повышенной бодрости, готовности къ еще болѣе интенсивной борьбѣ съ пьянствомъ и глубокую вѣру въ успѣхъ своихъ трудовъ на благо родного народа.

Прот. П. Оомиль.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Архіерейскія богослуженія.

3 мая—праздникъ Вознесенія Господня. Въ этотъ день Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Арсеній совершалъ божественную литургію въ Хорошевскомъ Вознесенскомъ женскомъ монастырѣ, по злучаю храмоваго праздника въ ономъ,—а Преосвященный Епископъ Феодоръ — въ Куряжскомъ Преображенскомъ монастырѣ.

6 мая, въ высокаторжественный день рожденія Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича, въ Каѳедральномъ Успенскомъ соборѣ Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Арсеній, въ сослуженіи о.о. Архимандритовъ Іосифа и Афанасія и соборнаго духовенства, совершилъ божественную литургію, а послѣ оной—благодарственное Господу Богу молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому. На богослуженіи присутствовали чины военного и гражданскаго вѣдомствъ, представители правительственныхъ и общественныхъ учрежденій и много молящихся.

Преосвященный Епископъ Феодоръ отъ 5-го по 10-е мая, по порученію Его Высокопреосвященства Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Арсенія, выѣзжалъ изъ г. Харькова въ г. Славянскъ и въ Святогорскій монастырь. При чемъ 5-го числа, въ 6^{1/2} час. вечера, въ Славянскомъ Троицкомъ соборномъ храмѣ Преосвященнымъ было совершено всенощное бдѣніе, а 6-го числа въ 9 час. утра—божественная литургія и послѣ оной—благодарственный молебенъ, по случаю празднованія дня рожденія Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича. Въ сослуженіи съ Его Преосвященствомъ, какъ на всенощной, такъ и на литургіи, были: Святогорскій о. Архимандритъ Трифонъ, миссіонеръ о. Архимандритъ Арсеній, ключарь каѳедрального собора Протоіерей Г. Виноградовъ, мѣстный благочинный священникъ о. М. Пономаревъ и два соборныхъ священника, при протодіаконѣ В. Вербицкомъ, двухъ діаконѣхъ и двухъ иподіаконѣхъ.

На всенощномъ и литургійномъ богослуженіяхъ была масса молящихся.

Наканунѣ (5-го числа) Преосвященнымъ осмотрѣны были церкви: Александро-Невская привокзальная, Всѣхсвятская и Воскресен-

ская, а также дѣткій приютъ, учрежденный вдовою потомст. почетн. гражданина М. А. Шнурковою.—6-го же числа Преосвященнѣйшій Ѳеодоръ отбылъ изъ г. Славянска въ Святые горы. Здѣсь 7-го числа Преосвященнымъ совершено было освященіе новаго храма во имя Всѣхъ Святыхъ, построеннаго на братскомъ кладбищѣ, а по освященіи—божественная литургія. Вечеромъ того же дня, въ 6 час., въ Покровскомъ храмѣ монастыря Преосвященнѣйшій Ѳеодоръ совершилъ всенощное бдѣніе, а 8-го числа утромъ въ 8 часовъ—совершилъ крестный ходъ изъ монастыря въ Арсеніевскій скитъ (Святое мѣсто) и въ немъ—литургію. По окончаніи литургіи былъ отслуженъ молебенъ преподобному Арсенію, а крестный ходъ во главѣ съ Преосвященнымъ возвратился въ монастырь и здѣсь, по входѣ въ соборный храмъ, о. протодіакономъ было возглашено многолѣтіе Высокопреосвященнѣйшему имениннику Архіепископу Арсенію. Въ тотъ же день, въ 6 час. вечера, въ соборномъ Успенскомъ храмѣ монастыря Преосвященнымъ Ѳеодоромъ было совершено всенощное бдѣніе. 9-го мая, въ томъ же соборномъ храмѣ Преосвященный Ѳеодоръ совершилъ божественную литургію и послѣ оной молебенъ празднуемому въ сей день Святителю Христову Николаю¹⁾.—При совершеніи богослуженій вмѣстѣ съ Преосвященнѣйшимъ Ѳеодоромъ участвовали: 7-го числа при освященіи храма и на литургіи Настоятель Святогорской обители Архимандритъ Трифонъ, миссіонеръ Архимандритъ Арсеній, ключарь Протоіерей Г. Виноградовъ и духовникъ братіи іеромонахъ Каллисть. На всенощномъ бдѣніи подъ 8-е число: Архимандриты—Аполлосъ и Арсеній, ключарь Протоіерей Г. Виноградовъ и три іеромонаха. При служеніи литургіи въ скиту Преподобнаго Арсенія—три Архимандрита, ключарь и два іеромонаха. На всенощномъ бдѣніи подъ 9-е число—два Архимандрита—о. Трифонъ и о. Аполлосъ, ключарь и пять іеромонаховъ. 9-го числа, при служеніи литургіи—три Архимандрита, ключарь и восемь іеромонаховъ изъ старшей монастырской братіи.—При всѣхъ богослуженіяхъ храмы были переполнены молящимися, при чемъ очень многіе оставались внѣ храмовъ, въ виду чего и были совершаемы всенощныя во дворѣ монастыря предъ часовней. Кромѣ богослуженій богомольцы были назидаемы миссіонерско-пастырскими бесѣдами, которыя предлагались народу миссіонеромъ Архимандритомъ Арсеніемъ. Послѣ бесѣдъ раздавались народу брошюры и листки религіознаго содержанія.

¹⁾ См. подробное описаніе въ 1-й іюньской кн. журн. ст. Архим. Арсенія—„Радостные дни въ Святогорской обители“.

11 мая Преосвященнѣйшій Епископъ Θεодоръ, по порученію Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Архієпископа Арсенія, выѣзжалъ—въ сопровожденіи ключаря Протоіерея Г. Виноградова, протодіакона В. Вербицкаго и иподіаконовъ М. Фаворова и С. Кіенко—въ гор. Ахтырку. По прибытіи на станцію жел. дор., около 6 час. вечера, Преосвященный былъ встрѣченъ начальствующими лицами города, о. Архимандритомъ Троицкаго монастыря—Аристархомъ, градскимъ Протоіереемъ о. Г. Бѣлоусовымъ, Благочиннымъ о. Θ. Юшковымъ и друг. Преподавъ имъ всѣмъ благословеніе, Преосвященный прослѣдовалъ въ Покровскую соборную церковь, гдѣ, послѣ обычной встрѣчи, тотчасъ началось всеобщее бдѣніе, на которомъ Преосвященный съ шестью сослужащими выходилъ на литію—совершенную внѣ храма на открытомъ воздухѣ—и на величаніе, при чемъ, во время пѣнія канона, помазывалъ св. елеемъ всѣхъ молящихся въ храмѣ, которыхъ было множество, какъ изъ мѣстныхъ горожанъ, такъ и изъ пришедшихъ къ этому дню издалека. Всеобщее бдѣніе окончилось около 10 час.

12 мая—Преосвященнѣйшимъ Епископомъ Θεодоромъ въ той же соборной Покровской церкви совершена была божественная литургія, въ сослуженіи: ключаря Протоіерея Г. Виноградова, Протоіерея Г. Бѣлоусова, Благочиннаго священника Θ. Юшкова и еще трехъ священниковъ, при протодіаконѣ В. Вербицкомъ, двухъ діаконахъ и двухъ иподіаконахъ и при пѣніи мѣстнаго хора, подъ управленіемъ А. Крикунова. Послѣ литургіи Преосвященнѣйшимъ епископомъ Θεодоромъ, при участіи всего городского духовенства, въ сопровожденіи войскъ Одесскаго драгунскаго полка и огромной массы народа,—былъ совершенъ крестный ходъ съ чудотворною Ахтырскою иконою Божіей Матери изъ соборной Покровской церкви въ Ахтырскій Свято-Троицкій монастырь, отстоящій отъ города Ахтырки въ 4 верстахъ. Доведя крестный ходъ до Успенской церкви, Преосвященный, осѣнивъ иконою Богоматери народъ на четыре страны, передалъ св. икону старшему духовенству для дальнѣйшаго шествія, а самъ, войдя въ церковь, разоблачился и потомъ, зайдя на нѣкоторое время въ квартиру о. Благочиннаго Θ. Юшкова для краткаго отдыха, прослѣдовалъ кратчайшимъ путемъ въ монастырь и здѣсь, вмѣстѣ съ настоятелемъ и братією монастыря, встрѣтилъ святую икону, съ крестами и хоругвями, въ святыхъ вратахъ и препроводилъ ее въ храмъ, гдѣ тотчасъ началось молебное пѣніе предъ пей.

Въ 6 час. вечера, въ тотъ же день, Преосвященнѣйшій Θεо-

дуръ въ соборномъ Троицкомъ храмѣ монастыря совершилъ всенощное бдѣніе.

13 мая, въ день Св. Троицы—главный храмовой праздникъ монастыря—Преосвященнѣйшій Епископъ Θεодоръ въ томъ же соборномъ храмѣ совершилъ божественную литургію и непосредственно вслѣдъ за нею—вечерню, на которой самъ читалъ положенныя уставомъ молитвы. Въ сослуженіи съ Преосвященнымъ на литургіи, а наканунѣ и на всенощной были: настоятель монастыря Архимандритъ Аристархъ, пріѣзжій изъ Полтавской епархіи схиархимандритъ Іосифъ, ключарь Протоіерей Г. Виноградовъ и пять іеромонаховъ, три протодіаконѣ В. Вербичкомъ, двухъ іеродіаконахъ и двухъ иподіаконахъ. Храмъ былъ переполненъ молящимися.—Въ тотъ же день ночнымъ поѣздомъ Преосвященный отбылъ со свитою въ гор. Харьковъ.

14 мая, въ день священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Θεодоровны, въ каедральномъ Успенскомъ соборѣ литургію совершалъ Преосвященнѣйшій Епископъ Θεодоръ, въ сослуженіи Архимандритовъ Іосифа и Афанасія, каедральнаго Протоіерея о. І. Гончаревскаго, ректора семинаріи Протоіерея А. Юшкова, ключаря собора Протоіерея Г. Виноградова и Протоіерея Л. Твердохлѣбова. Въ концѣ литургіи, послѣ причастнаго стиха, была сказана проповѣдь законоучителемъ института благородныхъ дѣвицъ священникомъ о. Павломъ Громѣ. Послѣ литургіи Преосвященнымъ, въ сослуженіи соборнаго духовенства и всѣхъ градскихъ протоіереевъ и священниковъ, былъ отслуженъ положенный на сей день молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору. На богослуженіи присутствовали: начальникъ губерніи, камергеръ М. К. Катериничъ, чины военнаго и гражданскаго вѣдомствъ, предетавители разныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій и весьма много молящихся. Послѣ богослуженія состоялся на Соборной площади парадъ частямъ отъ войскъ Харьковскаго гарнизона.

17 мая. Въ этотъ день, по случаю исполнившагося тридцатилѣтія служенія въ святительскомъ санѣ Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, въ каедральномъ Успенскомъ соборѣ была торжественно совершена божественная литургія и послѣ оной благодарственный молебенъ, съ провозглашеніемъ многолѣтія маститому Архипастырю. Литургію совершалъ Преосвященный Епископъ Θεодоръ, въ сослуженіи Святогорскаго

Архимандрита Трифона, миссіонера Архимандрита Арсенія, кафедральнаго Протоіерея І. Гончаревскаго, ключаря Протоіерея Г. Виноградова, Протоіереевъ: Л. Твердохлѣбова и В. Александрова, о. о. Благочинныхъ:— Старобѣльскаго уѣзда Протоіерея В. Аристова и Изюмскаго уѣзда священника Михаила Сѣкирскаго, возведеннаго въ сей день въ санъ протоіерея.

Въ служеніи молебна участвовало все городское духовенство и многіе пріѣхавшіе изъ епархіи. Соборный храмъ былъ переполненъ молящимися.

Въ тотъ же день, въ 1 часъ дня, состоялось освѣщеніе и открытіе вновь устроеннаго въ гор. Харьковѣ, на Каплуновской улицѣ, Харьковскаго епархіальнаго дома, которому, согласно постановленію XXVI епархіальнаго съѣзда духовенства, присвоено имя Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, много положившаго трудовъ и средствъ на сооруженіе этого прекраснаго зданія.

Послѣ освященія зданія,—совершеннаго Преосвященнымъ Теодоромъ, въ сослуженіи ректора семинаріи Протоіерея А. Юшкова, и членовъ строительнаго комитета—кафедральнаго Протоіерея І. Гончаревскаго, Протоіерея В. Добровольскаго и священниковъ Н. Липскаго и К. Дьякова,—Высокопреосвященнѣйшаго Владыку Арсенія привѣтствовали теплыми и глубоко-прочувствованными рѣчами: председатель строительнаго комитета по сооруженію епархіальнаго дома И. О. Самойловичъ, Преосвященный Епископъ Теодоръ,—кафедральный Протоіерей І. Гончаревскій, ректоръ семинаріи Протоіерей А. Юшковъ, представители епархіальнаго духовенства—о. о. благочинные, въ лицѣ благочиннаго 1-го округа Сумскаго уѣзда Протоіерея І. Дмитріева, и многіе другіе. Отъ Харьковскаго городского управленія привѣтствовалъ Владыку заступающій мѣсто городского головы В. И. Кравцовъ. Кромѣ сего, въ этотъ день Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ было получено множество привѣтственныхъ телеграммъ со всѣхъ концовъ Россіи. (См. описаніе сего торжества во 2-й майской кн. журн. Вѣра и Разумъ, стр. 571).

Съ 20-го по 22-е мая Преосвященнѣйшій Епископъ Теодоръ, по порученію Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Арсенія, выѣзжалъ изъ гор. Харькова въ Ряснянскій Свято-Дмитріевскій монастырь, для совершенія тамъ богослуженій, по случаю обычнаго каждый годъ въ это время (въ понедѣльникъ по недѣлѣ Всѣхъ Святыхъ) принесенія въ сей монастырь чудотворнаго образа Св. Николая изъ слоб. Великаго Бобрика, Сумскаго у.

21 мая въ соборномъ храмѣ Свято-Димитріевскаго монастыря. Преосвященнымъ Θεодоромъ совершена была литургія, въ сослуженіи: благочиннаго монастырей о. Архимандрита Аристарха, настоятеля монастыря игумена о. Іосифа, ключаря Протоіерея Г. Виноградова и 5 іеромонаховъ, при протодіаконѣ В. Вербицкомъ, двухъ іеродіаконахъ и двухъ иподіаконахъ и при пѣніи монастырскаго хора. По окончаніи литургіи былъ совершенъ крестный ходъ вокругъ храма,—съ ковчегомъ, въ которомъ находятся частицы многихъ св. мощей,—при пѣніи молебна Всѣмъ Святымъ. Въ 3 часа дня въ монастырь прибылъ крестный ходъ съ чудотворнымъ образомъ Св. Николая, сопровождаемый многочисленнымъ духовенствомъ изъ сѣднихъ монастырю селъ и громадной массой народа. Преосвященный въ полномъ архіерейскомъ облаченіи, вмѣстѣ со всею братією монастыря, встрѣтилъ крестный ходъ у св. вратъ монастыря и, принявъ отъ настоятеля монастыря и ключаря св. образъ, осѣнилъ имъ народъ, послѣ чего образъ торжественно, при пѣніи братіей тропаря Св. Николаю и при торжественномъ колокольномъ звонѣ, былъ внесень въ храмъ, гдѣ послѣ сугубой эктениі была прочитана Преосвященнымъ молитва Св. Николаю, а затѣмъ монастырскимъ духовенствомъ было начато служеніе молебновъ для народа.—Въ 6 час. вечера Преосвященнымъ было совершено въ томъ же храмѣ всеобщее бдѣніе.

22 мая, во вторникъ, въ 9 час. утра Преосвященнѣйшій Θεодоръ въ томъ же соборномъ храмѣ совершилъ божественную литургію съ такимъ же составомъ служащихъ, что и наканунѣ. По окончаніи литургіи былъ отслужень молебенъ Святителю Николаю, съ провозглашеніемъ обычныхъ многолѣтій и съ присоединеніемъ многолѣтія игумену съ братіей.

Вечеромъ въ тотъ же день Преосвященный Θεодоръ отбылъ изъ монастыря на станцію Харитоненко Бѣлгородъ-Сумской ж. д., а отсюда ночнымъ поѣздомъ, чрезъ г. Бѣлгородъ, прибылъ въ Харьковъ 23 мая въ 11^{1/2} час. дня.

25 мая, въ день рожденія Бя Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Θεодоровны, въ кафедральномъ соборѣ литургію совершалъ Преосвященный Епископъ Θεодоръ. Въ сослуженіи съ нимъ были: о.о. Архимандриты Іосифъ и Аѳанасій, ключарь Протоіерей Григорій Виноградовъ, Протоіерей о. Леонидъ Твердохлѣбовъ, священникъ Купянскаго у., сл. Стельмаховки, о. Θεодосій Навродскій и сл. Казачей Лопави, Харьковскаго у., о. Филаретъ Антоновъ. На маломъ входѣ о.о. Θεодосій Навродскій и Фила-

реть Антоновъ были посвящены въ санъ протоіерея. Послѣ прича- стнаго стиха была сказана проповѣдь законоучителемъ 1-й мужской гимназіи священникомъ В. Платоновымъ. Послѣ литургіи Высоко- преосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Арсеніемъ, вмѣстѣ съ Преосвященнымъ Епископомъ Θεодоромъ и при участіи всего соборнаго и городского духовенства, отслуженъ былъ благодарственный моле- бенъ, съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору, Госу- дарынѣ Императрицы и всему Царствующему Дому.—На богослу- женіи присутствовали: начальникъ губерніи каммергеръ М. К. Ка- териничъ, вице-губернаторъ И. И. Стерлиговъ, военные и граждан- скіе чины, представители разныхъ правительственныхъ и общест- венныхъ учреждений и много молящихся. Послѣ богослуженія, на Соборной площади состоялся парадъ частямъ отъ войскъ Харьков- скаго гарнизона.

Прот. Г. Виноградовъ.

Престольный праздникъ въ Харьковской Духовной Семинаріи.

26-го сентября, въ день памяти св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, Харьковская Духовная Семинарія торжественно праздновала свой храмовой праздникъ. Наканунѣ всенощное бдѣніе, при участіи о. протодіакона В. Вербицкаго, было совершено ректо- ромъ Семинаріи протоіереемъ А. Юшковымъ въ сослуженіи бывшаго духовника Семинаріи свящ. о. С. Крохатскаго и нынѣшняго ея ду- ховника свящ. о. І. Ильинскаго. Храмъ былъ переполненъ молящи- мися. Въ самый же день праздника литургію извоили совершить самъ Владыка, Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Арсеній, вмѣ- стѣ съ Преосвященнымъ Викаріемъ, Епископомъ Θεодоромъ.

Въ 8^{3/4} часа утра начался звонъ къ литургіи. Почти одно- временно съ этимъ прибылъ въ Семинарію Преосвященный Θεодоръ, Епископъ Сумскій, и, встрѣченный ректоромъ Семинаріи, прослѣдо- валъ въ храмъ. Въ девять же часовъ колокольный трезвонъ возвѣ- стилъ о прибытіи въ Семинарію Высокопреосвященнѣйшаго Владыки Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго. При входѣ въ зданіе Его Высокопреосвященство былъ встрѣченъ ректоромъ Семи- наріи, о. ключаремъ кафедральнаго собора прот. Г. Виноградовымъ, двумя благочинными г. Харькова—членами Семинарскаго Правленія отъ духовенства, прот. В. Александровымъ и свящ. П. Вишняковымъ, и двумя иподіаконами, а въ вестибюлѣ зданія—всѣми участниками

богослуженія, корпораціей Семинаріи и воспитанниками. Здѣсь Владыка облачился въ мантию, приложился ко св. кресту и далъ облобызать его и всѣмъ, имѣвшимъ принять участіе въ служеніи литургіи священнослужителямъ. Хоръ воспитанниковъ исполнилъ въ это время „Отъ Востокъ солнца до Западъ“... Затѣмъ Его Высокопреосвященство благословилъ подошедшихъ къ нему членовъ семинарской корпораціи и „со славою“ прослѣдовалъ въ семинарскій храмъ. На протяженіи всей лѣстницы съ обѣихъ сторонъ стояли воспитанники семинаріи и общимъ хоромъ пѣли во время шествія Владыки тропарь: „Апостоле Христу Богу возлюбленне“..., а Владыка, проходя между рядами учащихъся, благословлялъ ихъ.

Войдя въ храмъ, Его Высокопреосвященство, преподавъ всѣмъ общее благословеніе, при общемъ пѣніи воспитанниками „Достойно есть“..., выслушалъ молитвы входа, приложился къ мѣстнымъ и праздничной иконамъ и затѣмъ, при пѣніи „тонъ деспотинъ“... прослѣдовалъ на архіерейскій амвонъ для облаченія. Во время чтенія часовъ пять воспитанниковъ 6-го класса были посвящены въ стихарь.

По окончаніи часовъ, чрезъ открытыя царскія врата, прослѣдовалъ изъ алтаря на архіерейскій амвонъ Преосвященный Теодоръ, облачившійся въ алтарь, и затѣмъ двумя Архипастырями совершена была торжественная литургія.

Сослужащими были: ректоръ Семинаріи прот. А. Юшковъ, прот. І. Х. Пичета, профессоръ Богословія Харьковскаго Унивѣрситета прот. Н. С. Стеллецкій, ключарь каедральнаго собора прот. Г. М. Виноградовъ, членъ Правленія Семинаріи прот. В. Д. Александровъ, членъ Правленія Семинаріи свящ. П. И. Вишняковъ и духовникъ Семинаріи свящ. І. Ильинскій, при протодіаконѣ В. Д. Вербицкомъ, соборномъ діаконѣ К. Приваловѣ и учителѣ образцовой при Семинаріи школы діаконѣ Г. Поколодинѣ. Пѣлъ хоръ воспитанниковъ подъ управленіемъ учителя пѣнія—архіерейскаго регента М. С. Ведринскаго. Богослуженіе отличалось особою торжественностію и благовѣніемъ. Торжественно-величавое и глубоко-трогательное священнодѣйствованіе Владыки Архіепископа, сонмъ священнослужителей, прекрасное пѣніе воспитанниковъ, масса молящихся—все это вмѣстѣ производило необыкновенно сильное впечатлѣніе и вызывало въ душахъ присутствующихъ спокойно-молитвенное и возвышенное настроеніе.

Послѣ Херувимской пѣсни окончившій въ минувшемъ учебномъ году—И. Полтавцевъ былъ посвященъ во священники. Во время же причастія преподавателемъ Семинаріи П. М. Красинымъ, съ благо

словенія Владыки, было произнесено прекрасное, глубоко-назидательное слово (которое напечатано въ семь же № журнала). Затѣмъ послѣ литургіи совершено было молебствіе св. Апостолу и Евангелисту Іоанну Богослову, въ концѣ котораго о. протодіакономъ были произнесены положенныя многолѣтствія.

По окончаніи молебствія Его Высокопреосвященство, разоблачившись, вышелъ изъ алтаря и поздравилъ всѣхъ съ престольнымъ праздникомъ, а затѣмъ, благословивъ всѣхъ общимъ благословеніемъ, вышелъ изъ храма и прослѣдовалъ въ квартиру ректора. Сюда же собрались всѣ участники торжества во главѣ съ Преосвященнымъ Теодоромъ. Откушавъ чаю, Владыка предложилъ Преосвященному Теодору благословить трапезу воспитанникамъ, а потомъ Его Преосвященство, въ сопровожденіи ректора, прослѣдовалъ въ столовую воспитанниковъ, поздравивъ воспитанниковъ съ праздникомъ и благословилъ имъ „ясти и пити“ предложенное на столѣ, при чемъ самъ попробовалъ пищу. Изъ столовой Его Преосвященство возвратился въ квартиру ректора. Здѣсь для дорогихъ гостей и членовъ семинарской семьи былъ предложенъ обѣдъ, который милостиво раздѣлилъ со всѣми и самъ маститый Архипастырь—Высокопреосвященный Владыка Арсеній. Затѣмъ Его Высокопреосвященство, сопровождаемый семинарской корпораціей и воспитанниками, съ воодушевленіемъ пропѣвшими „исъ полла эти, деспота“, при колокольномъ звонѣ отбылъ въ свои архіерейскіе покон. Одновременно съ нимъ отбылъ изъ Семинаріи и Преосвященный Теодоръ.

Иноепархіальный отдѣлъ.

Съѣздъ законоучителей Волынской епархіи.

27—29 іюля 1912 г. въ г. Житомирѣ проиходили, подъ предсѣдательствомъ Высокопреосвященнаго Антонія, Архіепископа Волынскаго, засѣданія съѣзда законоучителей среднихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній и городскихъ четырехклассныхъ и двухклассныхъ училищъ Волынской епархіи. Въ особомъ приложеніи къ № 35 Волынскихъ Епарх. Вѣдомостей напечатаны протоколы засѣданій этого съѣзда. Обсужденію подлежала обширная программа, обнимающая особою назрѣвшіе вопросы законоучительскаго дѣла, какъ,

съ учебной его стороны, такъ и со стороны религіозно-воспитательной. Отмѣтимъ нѣкоторыя постановленія съѣзда.

По вопросу о курсѣ Закона Божія въ старшихъ классахъ, 7 и 8: „Ходатайствовать предъ Св. Синодомъ, чтобы была выработана программа для прохожденія курса Св. Писанія съ апологетическимъ элементомъ въ старшихъ классахъ свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, и предъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, чтобы въ реальныхъ училищахъ въ 7 классѣ былъ данъ еще одинъ урокъ (третій) по Закону Божію“.

По вопросу о преподаваніи прав. катихизиса: „Не вмѣнять въ обязанность ученикамъ отвѣчать урокъ изъ катихизиса безъ вопросовъ и не допускать, чтобы ученикъ не могъ дать отвѣта связнаго, но задавать вопросы не буквально по катихизису, а наводящіе, чтобы устроить неосмысленную зубрежку“.

По вопросу о преподаваніи Богослуженія Православной Церкви: „Чтобы учащіеся могли понять внутреннюю красоту Богослуженія, должно вести преподаваніе по богослужебнымъ книгамъ и на урокахъ знакомить съ церковными пѣснопѣніями“.

По поводу этого постановленія, не можемъ не высказать слѣдующаго соображенія: до тѣхъ поръ, пока въ средней свѣтской школѣ не будетъ возстановлено изученіе церковно-славянскаго языка, —изученіе богослуженія по церковнымъ книгамъ остается только благимъ пожеланіемъ.

Учебниками по Закону Божію, болѣе или менѣе подходящими для всѣхъ классовъ средней свѣтской школы, съѣздъ законоучителей Волынской епархіи призналъ слѣдующіе: для I и II классовъ — Попова и Темномѣрова; для III класса — Темномѣрова и Городцова; для IV и V классовъ — Песоцкаго и Березина; для VI кл. — Смирнова; для VII и VIII кл. — Покровскаго и Клитарева.

Высокопреосвященный предсѣдатель съѣзда такъ охарактеризовалъ законоучительское дѣло въ средней свѣтской школѣ. „Свѣтскіе люди смотрятъ на Законъ Божій, какъ на богослуженіе. Исповѣдь, богослуженіе, уроки Закона Божія — это у нихъ сливается. И ученики желаютъ видѣть въ лицѣ законоучителя не преподавателя знаній только, а представителя Евангелія, духовнаго отца. Это положеніе законоучителя, какъ духовника, обязываетъ его къ многому. И если законоучитель, хотя и хорошо преподающій свой предметъ, не будетъ пользоваться своимъ положеніемъ, если онъ, напр., безучастно отнесется къ душѣ ученика, когда тотъ обратится къ нему въ несчастіи, въ борьбѣ съ сомнѣніями, это вызоветъ отрицательное

отношеніе и къ нему, и къ его предмету... Въ старшихъ классахъ нужно раскрывать религіозныя истины со стороны ихъ разумности, научности. Законъ Божій долженъ быть философіей. Умѣнье подкрѣпить указанія Слова Божія литературой усилить среди учащейся молодежи вліяніе законоучителя. Также весьма важно выяснить учащимся нравственную сторону догматовъ,—выяснить, что безъ религіи нельзя быть добрымъ, бороться со страстями, что уходъ отъ религіи всегда имѣетъ злую волю. И здѣсь литература, какъ духовная, такъ и свѣтская, помогутъ законоучителю“...

Запасные священники.

Въ заботахъ о духовныхъ нуждахъ православныхъ приходоѡ, долгое время остающихся безъ священниковъ, Преосвященнѣйшимъ Никодимомъ, Епископомъ Полоцкимъ и Витебскимъ, назначено семь діаконѡвъ, рекомендованныхъ о.о. благочинными, къ рукоположенію во священники съ опредѣленіемъ ихъ на вторыя псаломщическія вакансіи для порученія имъ въ случаѣ нужды священническихъ обязанностей въ незанятыхъ приходоахъ, каковыхъ въ настоящее время не мало. Духовной Консисторіи Его Преосвященствомъ поручено выработать правила для запасныхъ священниковъ, каковыя правила, по выработкѣ ихъ, будутъ опубликованы къ всеобщему свѣдѣнію.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Бородинскій монастырь.

Въ минушіе дни, когда исполнилось 100 лѣтъ со дня Бородинскаго боя, мысленные взоры всей Россіи были устремлены къ Бородину. Сообщаемъ свѣдѣнія о монастырѣ, находящемся у Бородина.

Бородинскій монастырь, расположенный у самага поля великой битвы, основанный вдовой убитаго тамъ генерала, стоитъ молчаливымъ и скромнымъ памятникомъ въ мѣстѣ былого ужаса и смерти.

Дымка благоговѣйной легенды окутываетъ имя его основательницы—Маргариты Михайловны Тучковой, женщины незаурядной, замѣчательной, съ тяжелой и несчастной судьбой.

До Смоленска она провожала мужа—известнаго генерала Тучкова. Недалеко отъ Смоленска въ небольшой деревушкѣ войска расположились ночевать. Измученная плохою долгою дорогою, Маргарита Михайловна, улегшись на сѣнѣ въ душной, тѣсной крестьянской избѣ, вскорѣ заснула и ей приснился странный зловѣщій сонъ. На бѣлой бумагѣ, окаймленной рамкою, крупными буквами она увидала слова: „Твоя участь рѣшится въ Бородинѣ“. Страшно взволнованная, Маргарита Михайловна вскочила съ постели и, задыхаясь, рассказала мужу о сновидѣннн, спрашивая: „Гдѣ Бородино?“ Тучковъ успокоилъ жену, объяснивъ, что такое мѣсто ему рѣшительно неизвѣстно. Успокоившись, утомленная женщина опять заснула и—странное дѣло!—Увидала опять тотъ же сонъ: та же бумага въ рамкѣ, тѣ же кровавыя слова и еще стоящихъ возлѣ рамки какого-то священника, брата своего Кирилла Михайловича и отца, держащаго на рукахъ ея маленькаго сына Колю.

Она въ ужасѣ вскрикнула и, рыдая, бросилась къ мужу... Александръ Алексѣевичъ, чтобъ опять успокоить ее, велѣлъ принести военную топографическую карту, гдѣ напрасно все искали названіе „Бородино“. Такого не было тогда на картѣ, и Александръ Алексѣевичъ старался успокоить жену, приписавъ пророческій сонъ разстроеннымъ нервамъ. Но, несмотря на это, Маргаритой Михайловной овладѣла безнадежная грусть, дошедшая до совершеннаго отчаянія, а 14 іюня Тучковъ прощался съ нѣжно любимой женой въ послѣдній разъ, благословивъ ее и сына образомъ „Всѣхъ Скорбящихъ Радость“,—и они разстались.

Было 1-е сентября—день именинъ Маргариты Михайловны. Весь день что-то невыразимо тяжкое, грустное давило ея сердце. „Что-то теперь съ мужемъ?“... задавала она себѣ мучительные вопросы.

Вдругъ отворилась дверь. Передъ ней стоялъ священникъ, а рядомъ отецъ съ маленькимъ ея сыномъ и ея братъ. Сердце ея болѣзненно сжалось и моментально вспомнился роковой сонъ. „Убить!“—вскрикнула она въ ужасѣ и истерически зарыдала... Ея мужъ былъ убитъ при Бородинѣ 26 августа 1812 года.

Несчастливая вдова, обезумѣвъ отъ горя, рѣшила ѣхать на Бородинское поле, въ надеждѣ отыскать трупъ мужа.

Когда Маргарита Михайловна прибыла на поле битвы, гдѣ еще валялись неубранными груды мертвыхъ тѣлъ, доставлявшихъ обильную пищу стаямъ голодныхъ волковъ и собакъ, рыскавшихъ по полю, была уже вторая половина октября: погода стояла ненаст-

ная, была буря, накрапывалъ холодный дождь. Отслуживъ панихиду по всѣмъ убіеннымъ, она тотчасъ же принялась за розыски. Тщетно несчастная женщина цѣлый день отыскивала дорогой трупъ между мертвыми, наклоняясь надъ убитыми и заглядывая въ лицо каждаго; но среди этого страшнаго царства смерти, среди стотысячной массы мертвыхъ тѣлъ было трудно узнать обезображенный, безъ рукъ и безъ ногъ, трупъ дорогого покойника. Затѣмъ всю ночь она, сопровождаемая старцемъ-схимникомъ Можайскаго Лужецкаго монастыря Іоасафомъ, который освѣщалъ фонаремъ дорогу да окроплялъ святой водой мертвыхъ и творилъ вполголоса молитву, какъ тѣнь, бродила по страшному Бородинскому полю, гдѣ, по выраженію Глинки, „лежали трупы, валялись трупы, цѣлыми холмами громоздились трупы“... Отчаяніе какъ будто придавало ей силы; она быстро прошла все пространство отъ селенія Бородина до Колоцкаго монастыря и даже не почувствовала усталости десятиверстнаго пути. Нельзя было безъ ужаса смотрѣть на курганъ Раевского и Семеновскія батареи, гдѣ теперь стоитъ обитель: то были поистинѣ горы человѣческихъ тѣлъ, потому что здѣсь сильно бились... Наконецъ, потерявъ всякую надежду, обезсиленная Маргарита Михайловна въ отчаяніи возвратилась въ имѣніе своей знакомой. Горе до такой степени сильно повліяло на нее, что она серьезно заболѣла.

Часто тайкомъ плакала она, вспоминая своего безвременно-погибшаго мужа; часто подолгу смотрѣла на его портретъ, желая запечатлѣть въ своей памяти дорогія черты героя-муменика. Ей запала въ душу мысль—посвятить молитвѣ мѣсто, на которомъ погибъ ея мужъ, такъ доблестно защищавшій ввѣренную ему батарею. Чтобы увѣковѣчить его память, она рѣшила построить церковь на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ ея мужъ. Съ этой цѣлью Маргарита Михайловна приобрѣла клочокъ земли на Бородинскомъ полѣ и именно тамъ, гдѣ стоялъ Ревельскій полкъ, которымъ командовалъ мужъ ея, Александръ Алексѣевичъ Тучковъ. Здѣсь она соорудила небольшую церковь, на что Императоромъ Александромъ I было также пожертвовано 10.000 руб. Возлѣ церкви она велѣла построить для своихъ пріѣздовъ маленькій домикъ, сохранившійся и донинѣ.

Въ сооруженную ея стараніями церковь она собственноручно внесла ту икону Спаса Нерукотвореннаго, которую вручилъ ей мужъ, отправляясь на войну. Отъ названія этой иконы получилъ названіе и самый Спасо-Бородинскій храмъ, освященный въ 1820 году.

За церковью, со стороны алтаря, возвышается насыпь, на которой растетъ береза съ прибитой на ней доской со слѣдующей надписью: „На сей батарее убитъ Александръ Алексѣевичъ Тучковъ, 1812 года 26 августа“.

Но несчастье Маргариты Михайловны не ограничилось смертью мужа: ея единственный сынъ тоже вскорѣ сошелъ въ могилу. Горе, какъ тяжелый камень, давило ея измученную грудь. Она искала себѣ забвенія въ частыхъ переѣздахъ изъ Москвы въ Бородино и обратно, искала въ молитвахъ подкрѣпленія силъ, въ бесѣдахъ съ людьми духовнаго сана—утѣшенія въ горѣ. Однажды, пріѣхавъ къ знаменитому іерарху—митрополиту Филарету, который ее хорошо зналъ и относился съ уваженіемъ, она застала у него какую-то пожилую женщину и троихъ молодыхъ людей, уже прощавшихся со святителемъ. Митрополитъ объяснилъ ей, что это тоже вдова, оставшаяся послѣ убитаго подъ Бородинымъ мужа съ своими сиротами.

— Да у ней трое дѣтей,—съ горечью сказала она,—а у меня отнять единственный!... За что же такое несчастье, Боже мой?

— Думаю, что своимъ смиреніемъ предъ волей Провидѣнія она болѣе васъ заслужила у Господа,—строго замѣтилъ ей Филаретъ.

Въ отвѣтъ на это раздались глухія рыданія. Молча оставила несчастная женщина покой митрополита и, пріѣхавъ домой, отдала приказаніе никого не принимать въ этотъ день. Слова Филарета растравили больное мѣсто въ ея сердцѣ. Она заперлась въ своей спальнѣ и осталась одна съ своимъ горемъ, съ своими слезами.

Черезъ нѣсколько времени у крыльца дома Тучковой остановилась карета митрополита. Лакей доложилъ, что „генеральша не принимаетъ“.

— Но мнѣ-то она, я думаю, не откажетъ,—сказалъ митрополитъ Филаретъ.—Скажи, что мнѣ нужно ее видѣть.

Вся заплаканная, вышла къ нему Маргарита Михайловна.

— Простите меня,—началъ митрополитъ,—я обидѣлъ васъ черствымъ словомъ...

Эти слова святителя произвели на нее сильное впечатлѣніе. Съ тѣхъ поръ вліяніе митрополита на нее было громадное. По его совѣту она окончательно переселилась къ выстроенному ею Бородинскому храму, приняла постриженіе съ именемъ Маріи.

Въ лѣтніе ясные дни ее можно было видѣть сидѣвшую одиноко, съ грустно опущенной головой, подъ тополемъ, посаженнымъ руками сына на томъ мѣстѣ, гдѣ возвышался холмъ, служившій когда-то батареей, на которой погибъ ея мужъ. Тополь этотъ раз-

вѣтвился на три отдѣльные ствола, изображавшіе, по мнѣнію Тучковой, эмблему единенія трехъ любящихъ сердець: ея, мужа и сына. Маргарита Михайловна завѣщала сохранить послѣ ея смерти эти деревья.

Маргарита Михайловна съ истинно-материнскою заботливостью и любовью относилась къ инокинямъ и хотя была строга и требовала соблюденія положенныхъ правилъ, но въ то же время позволяла имъ иногда невинныя развлеченія. Она вообще была очень снисходительна къ сестрамъ, но если извиняла прегрѣшенія другихъ, то къ своимъ собственнымъ относилась чрезвычайно строго. Однажды, въ бытность свою уже игуменьей, она по дѣламъ монастыря пріѣхала къ митрополиту Филарету, который, справившись о положеніи обители, спросилъ у нея: „довольна ли она сестрами“?

— Слава Богу, владыка, — отвѣчала она, — всѣ онѣ у меня такія славныя, добрыя! Жаловаться мнѣ не на кого, только въ томъ бѣда моя, что я-то грѣшная!

Митрополитъ, обратившись къ образу, перекрестился и сказалъ:

— Благодарю Господа, — наконецъ-то въ моей епархіи напласть грѣшная игуменья, а то съ кѣмъ ни поговори, — всѣ святыя...

Умерла игуменья Марія въ 1852 году, но не умеръ духъ ея, живущій до сихъ поръ въ воспоминаніяхъ сестеръ Спасо-Бородинскаго монастыря. Безконечные рассказы о ея жизни и до сихъ поръ передаются тамъ изъ устъ въ уста. Каждый годъ въ Троицынъ день ея келью и могилу сестры украшаютъ березками, а на Пасху приходятъ христосоваться съ „матушкой“ и кладутъ красныя яйца на ея надгробную плиту.

Ежегодно 26 августа духовенство сосѣднихъ сель собирается въ Бородино служить тамъ раннюю обѣдню и по окончаніи ея идетъ крестнымъ ходомъ въ монастырь, заходя по дорогѣ къ памятнику, чтобы пропѣть литію. Въ то же время изъ обители, при полномъ колокольномъ звонѣ, выходитъ другой крестный ходъ съ старшимъ духовенствомъ во главѣ и встрѣчаетъ шествіе у святыхъ воротъ. Затѣмъ въ монастырѣ начинается соборная обѣдня, послѣ которой бываетъ панихида по всѣмъ „воинамъ, павшимъ за отечество на полѣ брани“.

Мысль чествованія годовщины великой битвы принадлежитъ первой игуменіи монастыря Маріи; ею же положено начало крестному ходу.

КОНТОРА ИКОНОСТАСНОЙ ФАБРИКИ

Василія Ивановича Гетмана

въ сл. Томаровкѣ, Курской губ.

ОБЪЯВЛЯЕТЪ, что ея открытъ приемъ срочныхъ заказовъ на ИКОНОСТАСЫ въ православныхъ церквяхъ Россіи. Фирма существуетъ болѣе ста лѣтъ, удостоена серебряной и золотой медалей, почетныхъ отзывовъ многихъ учреждений и высокопоставленныхъ лицъ, за послѣдніе 25 лѣтъ существованія сдѣлано 150 Иконостасовъ, списокъ которыхъ высылается желающимъ бесплатно.

Съ заказами обращаться по адресу:

сл. ТОМАРОВКА, Курской губ., Бѣлгородскаго уѣзда

въ Контору Иконостасной фабрики

В. И. Гетмана.

въ **1913** году

всѣ годовые подписчики получаютъ:

52 №№

ЖУРНАЛА.

Въ каждомъ номерѣ:

Беллетристика и популярныя статьи. Хроника русской и заграничной жизни. Церковная жизнь. Военный отдѣлъ и воздухоплаваніе. Вѣсти и слухи. Отдѣлъ сельскаго и домашняго хозяйства. Справочныя цѣны. Биржа. Свѣдѣнія о новыхъ книгахъ и т. д.

НА ГОДЪ

2 руб. 20 коп.

СЪ ПЕРЕС.

XI-й годъ
изданія.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЬ-ГАЗЕТА

„ДРУЖЕСКІЯ

РЪЧИ“

безпристрастно освѣщаетъ всѣ выдающіяся событія въ области текущей политической, обществен. и научной жизни.

Даетъ интересный матеріалъ для легкаго чтенія и САМО-ОБРАЗОВАНІЯ.

Адресъ редакціи главной конторы журнала:

С.-Петербург., Фонт. 39.

Ц. 2 р. 20 к. съ пер. въ годъ. Проб. № выс. *бесплатн.*

КРОМЪ 52 №№

всѣ годовые подписчики получаютъ бесплатно:

8 премій:

1) Настольный „Дружескій Календарь“ на 1913 г.

2) Картину въ 12 крас. разм. 13×10 в. „Воззваніе Минина къ нижегородцамъ“.

3) „Смѣхъ и шутки“. Иллюстрир. юморист. сборн. Веселыя сценки, шутки, ориг. рисун. и пр.

4) 500 совѣтовъ-рецептовъ по сельскому хозяйству и домоводству.

5-8) {весеннія,
лѣтнія,
осеннія,
зимнія} **МОДЫ.**

Журналь „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналь помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“, кромѣ того, пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Біографическій очеркъ Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова,—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католицизму“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами?“—В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статьи объ антихриствѣ. Профес. А. Д. Бѣляева.—„Книга Руѣв“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Экзарха Грузіи).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія монизма“. Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Линицкаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи. Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“ Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналь помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ; за перемѣну адреса уплачивается 30 коп.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

■ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить г.г. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 коп.

Редакторы: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Алевсей Юшковъ.
Дѣйств. Статск. Совѣт. Константинъ Истомино.